

СТМ

Студенческий меридиан

Поздравляем всех читательниц журна
Международным женским днем 8 Мар
Специально для вас подготовлены публи
кации: «Совершенство. Женщины продол
жают борьбу», «Фейерверк изысканности»,
а также беседа с Екатериной Гордеевой,
подборка стихов Вероники Тушновой.

Катя Гордеева, студентка-перокурсница, олимпийская чемпионка. Фото С. Павина.

*Поздравляю
читательниц
СТМ
с прекрасными весенними
праздниками.
Е. Гордеева*

ФОТОРЕПОРТАЖ

Послесловие к X Международной студенческой встрече

Когда в Дагомис съезжались представители студенческих организаций почти из сотни стран, отправились туда и мы с моим коллегой по редакции Костей Лапочкиным. Целью встречи было не только обстоятельное обсуждение глобальных мировых проблем и роли студенчества в их решении, но и консолидация, объединение молодежных сил. Мы тоже хотели вложить кирпичики своих стараний в создающееся здание студенческого единства. Решили мы с Костей выпускать там газету.

Так и сообщили, и призывали всех: давайте, мол, создадим международную стенную газету «Студенческий меридиан». Ждем идей, предложений...

Понятно, что это было с нашей стороны максимализмом, но на такой же, ответный максимализм мы очень рассчитывали. И, честно говоря, были немного озадачены, когда ответных идей и предложений не поступило.

Дискуссии и обсуждения очень уж напоминали семинар, курсы, учебу, где люди, воору-

*Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!*

СТ.М

Студенческий меридиан

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал ЦК ВАКСМ и Госкомитета СССР по народному образованию

Издается с мая 1924 года.
1989, № 3, 1—80.

Главный редактор
Юрий Ростовцев

Редакция:
Генрих Волков,
Феликс Волков,
Ирина Голованова,
Владимир Грошев,
Николай Егоров,
Александр Жуганов,
Егор Исаев,
Василий Казаринов,
Анатолий Карпов,
Олег Михайлов,
Ирина Репина
(ответственный секретарь),
Сергей Суятинов,
Илья Толстой,
Игорь Цыбульский,
Вячеслав Шостаковский

Главный художник
А. Архутик
Художественный редактор
К. Кухтин
Технический редактор
Г. Белова

Наш адрес: 125015, Москва, Новодмитровская ул., д. 5а, «Студенческий меридиан».

Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на «Студенческий меридиан» обязательна. Телефон для справок: 285-80-71.

Сдано в набор 22.12.88. Подп. в печ. 06.02.89. А04652. Формат 70×100/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 27,28. Уч.-изд. л. 10,4. Тираж 1150 000 экз. Заказ 314. Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВАКСМ «Молодая гвардия». Адрес: 103030, Москва, Суэвская ул., д. 21.
© «Студенческий меридиан», 1989 г.

жившись ручками и тетрадями, тщательно записывают услышанное. И такие все повально серьезные, что наша идея с газетой показалась детской забавой. Огорчились мы не на шутку. Но потом поразмыслили (в журналистике-то мы делаем первые шаги) и поняли: все правильно — никто к нам не придет, это корреспонденты должны идти в массы, присматриваться к людям, брать их буквально за руку, теревить, спрашивать...

А вечером мы услышали море. Оно, как добрый и ворчливый зверь, ворочалось и вздыхало. С наступлением темноты доверчиво приближалось к гостинице, напоминая о себе, а мы бежали к нему; а с рассветом деликатно удалялось, играя с лучами солнца, — мы же торопились в гущу страстей на обсуждениях.

Х Международная студенческая встреча в Дагомысе — последняя ступенька лестницы длиной в четыре года из Москвы в Пхеньян, последняя проверка сил. Видно, что четыре года прошли не зря. Приятно видеть, что становится глубже анализ серьезных проблем. Студенты и молодые ученые получали доступ к их решению.

Долгие заседания и споры в

конференц-зале чередовались с экскурсиями в окрестностях Сочи. Деловые знакомства, возникшие в залах заседаний, стихийно превращались в тесные, дружеские отношения в неформальной обстановке — за чашкой ароматного чая...

Только вот жаль, что не звучал «Гаудеамус». Пусть не в ритуалах открытия — закрытия, а как-нибудь естественно, неназидательно. Этот студенческий гимн тоже стал бы надежным кирпичиком в здании единства.

Но было дерево дружбы, к которому потянулось много разноцветных рук, чтобы привить новые почки новых надежд... И плыл катер по морю, полный улыбок, шуток, смеха, дружеских объятий... И, конечно, были наши с Костей газеты... И уже не только наши, потому как вокруг них шумно и весело толпились, благодарно похлопывая нас по плечу... И был Брюс, забавный парень из Штатов, у которого хобби — ходить с развязанными шнурками и коллекци-

онировать футболки. Ну что ж, коль так, подарили мы ему и нашу фирменную майку с надписью «Студенческий меридиан». Было, было... Много всего незабываемого. И мы поняли, что и — **будет.** Потому что из кирпичиков надежд можно сложить очень даже симпатичное здание.

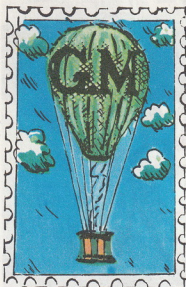
Ольга Чистенкова, студентка факультета журналистики МГУ

Графика А. Лобашинского

Что на это скажете?

(Размышления на тему
«Ст. М.»)

При всей спорности мнения небезызвестного вам редактора польского еженедельника «ИТА» Марек Сивеця нельзя сбрасывать со счетов, что «секс, уголовная хроника, спорт, бизнес, погода» действительно волнуют тысячи простых читателей. Из всего этого «букета» в «Ст. М.» достойно представлен спорт, хотя и его рамки ограничиваются узким углом билета спортлото.

Впрочем, меньше всего хотелось мне «размышлять» о «недостатках», но, осмысливая опыт, то есть прочитанное, увиденное, запомнившееся, так или иначе приходится его оценивать.

Но продолжим хватать быка за рога — занятие непростое и, как известно, опасное.

«Бизнес». Как делать деньги — интересует всех, особенно студентов. Здесь и работа после занятий, и подработка в вузе (адреса, консультации, реклама), и «курс делового человека» вплоть до Д. Карнеги, и интервью с преуспевающими людьми.

Остальное: в рамках жанра, а доктор Дереш мог бы знать

откровеннее — не с детьми ведь разговаривает.

Но чем мне нравится это доктор, это постоянностью. Считаю, что в журнале должны быть постоянные ведущие рубрик, может быть, даже с фото. Люди одинаковы и доверчивы, но они не доверяют окружающим, они не уверены, что, разоткровенничавшись, не получат завтра «плюху». Гораздо легче им писать Дерешу, Шахидажану. Нужен, мне кажется, постоянный ведущий «Писем заинтересованных людей», который бы коротко вводил в курс каждой подборки, интриговал, рекламировал, заставляя прочитывать все письма, сообщал о «принятых мерах», о реакции, шутил, информировал, знакомил. Краем уха слышал, что «там» постоянных ведущих называют «коломнисты» — они имеют постоянную колонку в изданиях, причем некоторые во многих. А может, найти такого, «коломниста», если я правильно пишу это слово, там, за рубежом?.. Представляете: рубрику такую-то ведет Вашингтон Ирвинг (или Ирвинг Вашингтон?), постоянный ведущий колонки такой-то в газете «Дайф», «Кайф», «Ди фрау» и т. д.

Надо обязательно продолжать в 1989 году (и в 90-м, 91-м, 92-м...) анонсы и ориентиры, расширив тематику — ориентировать и на отдельные номера журналов, и на отдельные произведения в прессе, и на спектакли, может быть.

Раздражают — меня — публикации с продолжением. Может, я нетерпеливый человек, может, причина в том, что в номере все-таки мало места, чтобы осталось цельное впечатление от «куска», а когда его нет, то продолжения и не ждешь. Вообще иногда возникает впечатление, что в номере слишком много незаконченных произведений (в каком-то номере, мне помнится, их целых четыре), и появляется мысль: а не проще и лучше было бы один номер целиком отдать Высоцкому, другому — Анчарову, третий — летающему мальчику, четвер-

тый — Лему, пятый — Шаталовой...

Акции. «Энциклопедия уходящих русских деревень», фестиваль СТЭМов, конкурс девушек — очень интересно. Но надо больше! Вовлекать читателей. Может, даже хит-парады устраивать чего-либо (книг, новинок моды, пластинок, учебников и т. д.).

И последнее. Больше рассказывать о себе. На страницах ли, как это делают «Журналист», «Молодой коммунист» и другие журналы, или во время «устных выпусков», как «Огонек». Откровенность вызывает откровенность, реклама — двигатель прогресса. И — популярности! И тиража!

М. Дмуховский

От редакции. Что вы, дорогие читатели, на это скажете? А может быть, и в продолжение?..

И зазвучит музыка предков

Новгород. В этом слове слышится особый звук, в котором слышится всоедино и могучий гул вое, и мерная поступь былинного сказа.

Не случайно именно здесь обнаружены остатки многих древнерусских музыкальных инструментов, именно здесь они вновь обрели голоса благодаря самоотверженному труду реставратора В. И. Поветкина, именно здесь найдены ученые образцы вокальной и инструментальной народной музыки, уходящие корнями в глубокую древность...

Все это делает Новгород чрезвычайно удобным со всех точек зрения местом для организации центра по изучению древнерусской музыкальной культуры. Для его полноценной работы целесообразно передать в его распоряжение некоторые ныне не используемые памятники древней архитектуры, где можно было бы проводить концерты и выставки.

Убеждены: создание центра — всенародная забота. Зна-

чение новгородской коллекции средневековых музыкальных инструментов уже сейчас выходит далеко за пределы нашей страны: древнерусская музыкальная культура была частью общеевропейской музыкальной культуры средневековья и как таковая может представлять интерес не только для советских, но и для зарубежных ученых.

Предлагаем Советскому фонду культуры открыть счет для сбора добровольных взносов на создание центра. Музыка наших предков должна вновь зазвучать в полный голос.
«Прометей» — московское творческое объединение

Забыли про юбилей?

В минувшем году русская православная церковь отметила 1000-летие крещения Руси. А журнал «Ст. М.» не посвятил, по-моему, этому выдающемуся событию даже коротенького репортажа.

Между тем история русской церкви — это часть (и немалая часть!) истории нашей великой Родины, неуважение к которой пагубно сказывается на идейно-патриотическом воспитании подрастающего поколения.

Да, как и во всякой другой, были в этой истории и светлые, и темные страницы. Были костры, на которых сжигали инакомыслящих, елейные призывы «да покорится раб господу своему!..», но был и Нестор-летописец, Андрей Рублев, митрополит Алексей, Сергей Радонежский. Была, наконец, в годы Великой Отечественной войны

танковая колонна имени Дмитрия Донского и эскадрилья боевых самолетов имени Александра Невского, созданные на средства церкви, была во время юбилейных торжеств в Свято-Даниловом монастыре молитва в память о наших ребятах, павших в Афганистане. Именно поэтому все мы — неверующие и верующие советские люди — с таким душевным подъемом отмечали не только праздник русской церкви, но и 1000-летие нашей письменности, живописи, — нашей культуры в целом.

Я три часа отстояла на известной Владимирской горке в Киеве 16 июня. Там, у памятника князю Владимиру, шло торжественное богослужение под открытым небом в честь этого выдающегося деятеля Древнерусской державы, укрепившего ее государственность и границы, открывшего первые на Руси школы, на века оставшегося в народной памяти Владимиром Красное Солнышко... Стояла. Вглядывалась в лица. Бросалось в глаза: много старых, пожилых и... очень много молодых: священники, монахи, монашки, служащие, рабочие. Но не было на этих лицах показной серьезности, пошлого кривляния. Лишь спокойная сосредоточенность, осознание важности происходящего, гордость. Вспоминала дикие, опустошенные глаза моих курсорниц на дискотеках или сонные, тоскливые их физиономии на комсомольских собраниях. Было стыдно. Было больно...

И еще одна деталь, последняя. Почти все эти три часа лил проливной дождь. Было огромное стечение народа, но никто не расхохотался, ни одна живая душа! Люди, неверующие и верующие, отдавали дань уважения своей Истории...

Наташа, г. Киев

От редакции. В ответ на письмо нашей читательницы публикуем в этом номере выступление Валентина Распутина во время празднования Дней славянской письменности в Новгороде.

Шанс для будущей кинозвезды

Уважаемый редактор!

Мы снимаем картину «Наш человек в Сан-Ремо». Название — рабочее. Картина о двух парнях, которые помогают молодой певице добиться большого успеха и стать острадной звездой. Хочется рассказать историю о возможности доброты, сострадания и человеколюбия во взаимоотношениях между молодыми людьми.

Сценарий — победитель конкурса фильмов для молодежи. Авторы — москвичи: Сергей Бобров и Анатолий Усов.

Я снимал «Большую любовь Чередиченко Н. П.» (приз за лучшую режиссуру на фестивале «Молодость-77»), «Родное дело», «Давай пожемнись», «Экзамен на директора»...

В июне начинаются съемки музыкального фильма «Наш человек в Сан-Ремо». Киногруппа ищет звезду среди девушек от 18 до 25 лет, чувствующих в себе недюжинный драматический талант, а главное — голос, сильный, красивый. Срочно просим сообщить о себе (возраст, место жительства, отношение к эстраде: профессионально поете или нет) по адресу: 220023, г. Минск, Ленинский проспект, дом 98. «Беларусьфильм». Группа «Наш человек в Сан-Ремо».

Ищем мы и хороший вокально-инструментальный ансамбль, и двоих ребят, но — надеюсь — тут мы справимся. Если сможете помочь — помогите.

С искренним уважением — ваш читатель и подписчик, постановщик фильма Александр Ефремов.

От редакции. Всех, кто заинтересуется этим предложением кинорежиссера, просим прислать заявку на участие в конкурсе кинопроб с кратким рассказом о себе, своих творческих данных вместе с фотографией. По договоренности с А. Ефремовым отбор на роль в фильме будут производить на паритетных началах и редакция, и киногруппа.

Наш адрес: 125015, Москва, ул. Новодмитровская, дом 5а, «Студенческий меридиан» — конкурс «Кинопроба».

Надежность

Геннадий Михайлов,
заместитель командира
Всесоюзного
студенческого отряда

В штабах студотрядов я видел эти заявления. Их много. «Прошу зачислить меня в отряд для работы в Армении...»

Три месяца прошло, а кажется, было вчера.

Теперь, когда минуло время и шоковая острота первых впечатлений отдалась, не могу тем не менее отделиться от впечатлений присутствия там, где горе настолько огромно, что, кажется, сам воздух давил, прижимал тебя к земле, не давая свободно дышать... Когда летели обратно спецсамолетом, вызволившим раненых в лучшие центральные клиники, стал припоминать годы работы в комсомоле, в студотрядовском движении, дальние командировки, разъезды, ночи без сна, острые пиковые ситуации, в которых волею случая оказывался, всякое бывало. Но чем больше думал, тем яснее понимал, что ни одно событие, впечатление этих лет просто невозможно не то что сравнить, но даже поставить рядом с днями Лениакана, Спитака, Кировакана. Бывало тяжело. Так было в Никарагуа, три года назад, когда командовал отрядом советских студентов, помогавших республике в сборе кофе. Но Лениакан и Спитак, их дни и ночи — это время совершенно особого смысла и качества. Они преподнесли нам уроки, которые, если хотите, находятся как бы вне течения времени, и осмысливать их предстоит еще не месяц и не два. Когда, разбегавшись по аэродромной бетонке, наш самолет уходил в черное небо Еревана, почему-то очень хотелось заглянуть в лицо начальника одного из молодых ребят, зашедших к нам в штаб ЦК ВЛКСМ.

Он мялся, не решаясь высказать вслух свою просьбу. «Ребята, вы мне справку вы правили... Что был тут. А не гуляя где-то...» — Он смущался. Он был на расчистке завалов, в самом пекле, и не мог не видеть,

что тут начисто отсутствовал «бумажный» стиль работы, и вопросы, которые прежде решались неделями, а то и месяцами из-за бумажной волокиты, здесь решались в считанные минуты.

«Так начальство загрызет... — объяснял он. — Как ведь рассуждают? А? Эти?.. Ордена рванули зарабатывать...»

Возможно, случай этот и стерся бы в памяти, но следом за этим пареньком был еще один, и еще... Знаю; и теперь, когда прошло время, нет-нет, а тянется за этими ребятами шепоток: ордена ринулись зарабатывать.

И очень хочется заглянуть в лица этих, шепчущих. Молча — а то еще сорвешься, наговоришь под горячую руку. До чего же еще устойчивы этот проклятый синдром неверия в человека, в его искренность...

Мне довелось участвовать в работе комиссии Политбюро, выступать на одном из заседаний, говорить о том, как комсомол проявил себя в дни всенародной трагедии. Мы, члены оперативной группы ЦК ВЛКСМ, конечно, не знали тогда многое из того, что происходит на Большой земле. То, что в первые же дни в МГУ, МВТУ, других вузах по всему Союзу с утра выстроились огромные очереди, и донорские пункты не справлялись с потоком студентов, желавших сдать кровь. То, что, какая лихорадочная работа шла в штабах студотрядов, штабах по организации помощи, которые буквально осаждались студентами: от правые, пустите туда, у нас опыт, мы пригодимся. И тем, кто работал в штабах, было невероятно трудно отказать: там нужны специалисты, спасатели, с техникой, с запасом питания, то есть вполне автономные отряды... Как бурлил Курский вокзал: горы рюкзаков, студенты штурмуют кассы — люди все бросили, а ведь у большинства на носу зачетная сессия. Да, тогда мы еще многого не знали, но остро чувствовали помощь Большой зем-

ли. А там, в зоне бедствия, стало ясным главное: лидера формируют не чины и положения. Его характер проявляют обстоятельства. Способность в самую тяжелую минуту сохранить трезвую голову. И действовать...

Центральная площадь Лениакана, первые дни. Тысячи людей, оглушенных бедой, многие просто в состоянии шока. Нужно что-то предпринять, нужен штаб, который займется организационной работой комсомольско-молодежных бригад... Куда идти, что предпринять? В центре площади передвижная громкоговорящая установка — оповещает о порядке эвакуации. Прибился к ней. «Если есть здесь комсомольские работники, подойдите к зданию банка!»

Пришло четверо. Совсем по виду пацаны, секретари первичек. Наверное, на всю жизнь запомню их лица, особенно одного — секретаря из профтехучилища. Он же меня еще и успокаивал: да не волнуйся, будет штаб, сделаем...

Сделали. На следующий же день штаб заработал.

Что теперь можно сказать о них? Этим парнишкам нет цены — вот и все.

Наверное, это относится к большинству членов пятитысячного комсомольско-молодежного отряда, прибывшего в зону бедствия. Одними из первых в спарработы включились армянские студенты: работали на завалах, наладили круглосуточное дежурство в больницах. Силами студентов Ереванского медицинского института было подготовлено для специалистов три госпиталя. Чуть ли не сутками не уходило с развалин московские отряды, тридцать восемь человек спасли студенты столичных вузов. В аэропорту, на железнодорожных станциях действовали комсомольские штабы, ребята наладили оперативную разгрузку самолетов и грузовых составов. С утра до вечера у здания ЦК комсомола Армении стояли сотни людей. Читали списки. Комсомол взял на себя задачу помочь людям в поисках родных: центр «Поиск» установил местонахождение почти пятнадцати тысяч человек. Был организован радиомост Ереван — Минск — Ярославль — Краснодар: дети, находящиеся в комсомольских

пионерлагерях и домах отдыха, могли говорить с родными...

Сейчас в штабах студенческих отрядов масса заявлений с просьбой послать в Армению. Иначе, наверно, и быть не могло. Всем теперь известны эти данные: полмиллиона людей остались без крова, ущерб составляет примерно восемь с половиной миллиардов рублей. Работа предстоит громадная. В течение двух лет восстановить социально-экономический потенциал пострадавших районов. В восстановлении участвуют все союзные республики, сосредотачиваются материально-технические, людские ресурсы, действует государственная межведомственная комиссия по градостроительству: 4 миллиона квадратных метров жилья предстоит построить, школы, дошкольные учреждения, больницы в городах и поселках, 1,6 миллиона квадратных метров жилья на селе, построить и восстановить 130 промышленных предприятий.

«Будет ли сводный Всесоюзный отряд в Армении этим летом?» — с таким вопросом обращаются в Центральный штаб ВСО. Нужно трезво оценивать ситуацию, думать в первую очередь о том, чтобы обеспечить максимальную эффективность работы — именно поэтому мы не планируем выделять студотряды в самостоятельную силу: студенты будут трудиться в составе региональных производственных формирований. До начала трудового семестра еще есть время. Сегодня как никогда важно обеспечить качественный состав отрядов, собрать специалистов, людей опытных, испытанных, надежных. Они есть. Их много.

Три месяца прошло, но кажется — это было вчера. Вижу лица этих ребят, серые от усталости, слышу их голоса. Прощаясь, мы увозили с собой нечто такое, что не уйдет, с течением времени, не растворится в суете: веру в надежность человека.

Она помогла выстоять в первые дни. Она объединяет нас сегодня. Так будет завтра. И через год. Всегда будет.

Почему буксует реформа высшей школы? Этот вопрос все больше беспокоит наших читателей. В письмах, которые приходят в редакцию, есть и категоричные утверждения: реформа провалилась.

Так ли на самом деле драматична сложившаяся ситуация? А может, мы просто мало знаем? Может быть, не замечаем или не желаем замечать перемен, которые пока еще редки и пробиваются трудно, как травинки сквозь асфальт. С таким вопросом мы обращаемся к своим читателям: учащимся и преподавателям вузов. А для начала предлагаем

АКТУАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Возможен ли коллективный подряд в вузе?

Очередная научная блажь, или Ключ к реальной перестройке

Благодаря работе в строительных отрядах суть бригадного подряда знает сегодня хорошо любой студент: дается объект с рассчитанным объемом работ и фондом заработной платы. Выполнить его качественно, «под ключ», за меньший срок и с меньшим числом людей — честь тебе и хвала, а также ощутимая экономическая выгода. Некоторые студенты привозят до полутора-двух тысяч честно заработанных рублей. Подсчитано, что в студенческих стройотрядах производительность труда поднимается не менее, чем в 2—3 раза, и прежде всего за счет организации труда.

Но вот кончается трудовой семестр и начинается «не трудовой». И буквально на глазах, в считанные осенние дни вечеринный переводчик становится лентяем, лодырем, прогульщиком, задолжником. Студент учится больше не тому, как надо

статью одного из старейших наших авторов — доцента Рюрика Повилейко.

Может быть, вам покажется интересным то, что предлагает опытный преподаватель из Новосибирска. Возможно, в вашем вузе уже идет эксперимент или есть что-то такое, о чем надо было бы узнать всем. Напишите нам.

Давайте вместе обсудим важнейшую для нас (да разве только для нас?) проблему. Ведь если не идет перестройка высшей школы, то под угрозой наше будущее. Согласитесь, ведь именно так обстоит дело.

работать, а, наоборот, как не надо работать. Что бы ему ни говорили в деканате, перед его глазами стоит вековой опыт предыдущих поколений студентов, сконцентрированный в известном афоризме: «Студент живет от сессии до сессии, а сессия — два раза в год».

Учебный подряд

В чем суть коллективного подряда в вузе на уровне студенческой группы? Она проста: деканат заключает с группой договор на условиях полной добровольности. Деканат обязуется:

- выделить стипендиальный фонд группе на год;
- выделить фонд зарплаты на обслуживание и ремонт одного этажа в общежитии;
- дать группе право планировать ремонтные работы (но к концу лета — обязательно! Студенты же, сдвигаясь по комнатам, сделают это много раньше, чтобы освободить лето);
- поселить всех нуждающихся в общежитии на одном этаже;

— обеспечить группу ремонтными материалами;

— дать группе право пропуска занятий по уважительным причинам в пределах 10% (все равно будет меньше общефакультетского); свободное посещение лекций, а может даже — преподавателей по выбору;

— не вмешиваться в распределение стипендий (включая размер и пр.) и фонда зарплаты (на оплату);

— дать группе свободный выбор мест практики;

— дать группе право досрочной сдачи экзаменов;

— дать группе полную дисциплинарную самостоятельность и самоуправление (все вопросы нарушения дисциплины решает группа, а также другие вопросы — перечень их дополнительно согласуется).

Здорово, а?!

Группа обязуется!

А вы что же думали? Только права? Нет, и обязанности — тоже. Группа обязуется, к примеру:

— иметь по контрольным неделям балл не менее 1,7 по всем

дисциплинам и 1,8 — по общественным (обычно ставится так: что-то не делал — 0, что-то не доделал — 1, все сделал по предмету — 2);

— ни одного недопущенного к экзаменам (а также не прошедшего на экзамен);

— учебный балл по результатам сессии не менее 4,0 — 4,3 (дифференцированно);

— снижение всех видов пропусков занятий (для обязательных) по неуважительным причинам в два раза по сравнению со среднефакультетскими;

— каждый является автором научного доклада и имеет общественное поручение;

— полный временный и капитальный ремонт этажа в общежитии, а также обновление наглядной агитации;

— высокий уровень дисциплины во время занятий и в общении (ни одного случая пьянки — перечень других нарушений оговаривается).

Все это, сознаю, не мои идеи. Три месяца я вел генеральный треп со студентами нескольких вузов. Именно они сформулировали идею «шлюзо-

вого» внедрения подряда. Вот она в чистом виде.

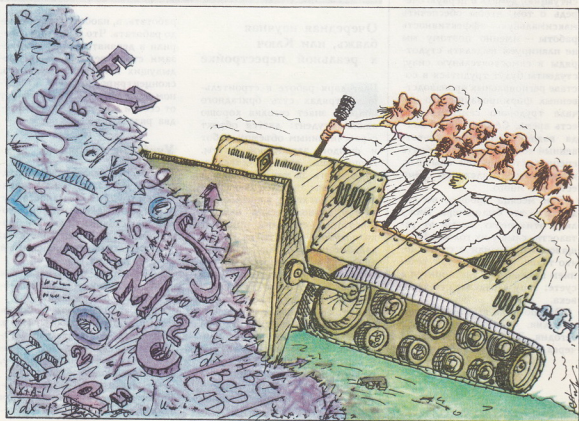
1) Подготовка и утверждение документации: типового договора с деканатом, разработка системы показателей и упрощенных форм отчетности, положения о студенческом самоуправлении (уровень вмешательства «извне»).

2) Выбор и утверждение 2—3 групп, внедрение системы показателей, разработка системы коэффициента трудового участия (КТУ) для назначения дифференцированного размера стипендии (или даже их отмены).

3) Свободное посещение лекций, анкетирование студентов о качестве преподавания, использование права на отмену стипендий, изучение возможности ускоренной подготовки специалистов.

4) Курсы и факультеты на коллективном подряде. Активное участие студентов в экономии материальных ресурсов (системы рацпредложений и вознаграждений).

Подписи: декан, «треугольник» группы (обсуждено и принято на общем собрании). Ут-

верждают: ректор, секретарь парткома, секретарь комитета комсомола, а также главный бухгалтер и юрист. Подписи подписями, но при раздумье возникает вопрос: а если будут так хороши все группы на всех факультетах, хватит ли им стипендий и мест в общежитиях? И что тогда будут делать деканаты, которые 95—99% своего времени тратят на проверки, замечания, выговоры? Может, тогда-то они наконец обратятся к стратегии действительно высшего образования в преддверии 2000 года, к его перспективам?!

Кафедральный подряд?

Говорят почти в шутку, если чего-то не умеешь делать сам — учи других. В вузе это стало правилом. Во всяком случае, с коллективным подрядом в вузе это более чем так: кафедры и деканаты учат, насаждают подряд среди студентов, сами же старательно обходят эту опасную затею. А почему опасную? Да потому, что понятие преподавателя высшей школы — это понятие, к сожалению, вечное. Став ассистентом, старшим преподавателем или (дай-то бог!) доцентом, остаешься ими пожизненно. Полистаем дела любого вуза: при тысячных коллективах преподавателей уходят, меняют место работы — единицы! Печальная статистика говорит, что 10—15% преподавателей дают 80—90% научной продукции вуза: книг, статей, научных докладов, отчетов. А остальные живут в тени, по принципу «не трожь меня».

Пригласим в вуз социологов с их тончайшим и достоверным инструментарием, включим их в учебно-методические отделы (где научной организацией учебного процесса часто и не пахнет), и они в несколько недель объективно установят, кому дано и кому давно уже не стоит оставаться в вузе. А если честно говорить, то для этого никаких социологов и не надо. На кафедрах знают своих прихлебал и бездельников, от которых уже давно не могут освободиться. Уходят обычно довольно легко под напором обстоятельств люди творческие, работоспособные, знающие и верящие в то, что свое место работы они найдут, зарплату «отработают» и что их оценят по-настоящему.

Вместо 40 всего 4 показателя

— Ну-ну,— сказал мне ректор, покраснев от возмущения.— Послушаем ваши очередные выдумки. Значит, теперь идея кафедрального подряда. Очень интересно.

— Подрядный коллектив — кафедра — объединяет в среднем до 30—40 преподавателей и лаборантов, обеспечивающих чтение одного или нескольких родственных курсов. Так? Цикл — он обычно завершен в рамках кафедры, охватывает лекции, семинары, курсовые работы и зачеты по одному или нескольким курсам. Взаимозаменяемость и зачеты по одному или нескольким курсам. Взаимозаменяемость на кафедре: обязательно подмена преподавателей в случае болезни, командировки, причем нередко случаи, когда уровень курса позволяет подменять доцентов старшими преподавателями, ассистентами, и наоборот.

— Ну, это пока азбучные истины. К делу, к делу, товарищ. Цели не вижу. Начинайте с конца — каков конечный результат?

— Цель единственная и главная — знания! Сегодня вполне можно отдать кафедре общий фонд учебного времени, дав ей возможность самостоятельно определять процентные отношения лекций и практических, исходя из стандартного учебного плана и ориентируясь на собственные возможности и взгляды (выносить курс на производство, вводить индивидуальные беседы-лекции). Конечный результат: зачет по курсу, а также курсовая, но чаще — дипломная работа, защищаемая на ГЭКе, оценивается по количеству, качеству знаний и умению пользоваться ими.

— Ну и что же вы предлагаете?

— Существующая в вузе система оценки работ кафедр по 30—50 показателям, да еще с разбием их по баллам, надуманна и формальна. И это тогда, когда основные показатели хорошо сводятся к четырем главным: учебная работа, методическая, научная и работа по коммунистическому воспитанию (а также общественные нагрузки). Если точно расписать шкалу оценок, то система коэф-

фициентов трудового участия хорошо строится на этих четырех показателях. Человек легко оценивает сам себя в ряду с другими и начинает наконец понимать — состоялся ли он как преподаватель.

— А если не состоялся?

— Увольняться. Увольнять.

— Так просто? А мы здесь на что — деканат, ректорат, партком, старейшие преподаватели?

— Создаем совет коллектива: «трюку» — завкафедрой и 2—3 старейших преподавателя (неформальная часть коллектива, но может быть наделена формальными, юридическими правами). Кстати, объем работы устанавливается в часах в соответствии с учебными программами и хорошо планируется на длительный срок до 5—6 лет.

— Хм. Хотите сделать из нас нажимателей кнопок. Самих себя по нормативам. Самих себя выгонять.

Три года — три этапа эксперимента

— Почему? Вы лишь устанавливаете фонд заработной платы. Устанавливаете из расчета необходимого по штату числа доцентов, старших преподавателей, лаборантов; передаете его кафедре с разрешением в дальнейшем выполнять запланированный объем работ меньшим числом более квалифицированных людей (и с большей требовательностью к ним!). Позволяете более гибко стимулировать труд преподавателей, создавая премиальный фонд (премии для преподавателя, в сущности, нет), систему «плавающих окладов» для сглаживания резких различий в оплате преподавателей разных знаний, но одинаковых по качеству труда. Фонды материальных ресурсов, командировок, лимиты по телефонным разговорам и др. тоже отдаются кафедре, и она их использует в полной мере или с экономией (премии к заработной плате). Темпы роста показателей: вполне можно задать коэффициентом ежегодного обновления информации на 15—20%, количеством поставленных заново деловых игр, прочитанных проблемных лекций, количеством оригинальных идей, высказанных студентами.

— И за какое время вы предлагаете мне сделать?

— За три года. Трехлетний эксперимент. Кафедральный эксперимент параллельно с учебным. Три года — три этапа: подготовительный период — подготовка и утверждение документации; второй год эксперимента — начало; третий год — завершение, подведение итогов.

— Что в первый год? Загибать пальцы.

— Подготовка и утверждение документации: типовой договор с вами, ректором, разработка системы показателей — объем работы, нормативов, зарплаты, численности на 5—6 лет, положение с распределением коллективного заработка.

— Второй год?

— Утверждение экспериментального объема — новой или отстоящей кафедры, сокращение отчетности и текущей документации, укрепление самостоятельности, работа без изменения состава кафедры.

— Третий?

— Работа с изменением состава кафедры: установление «плавающих» отношений между лекциями и семинарами, распределение сэкономленной зарплаты между сотрудниками. И подведение итогов: экономическое планирование, введение элементов хозрасчета, перевод на подряд групп кафедр. Лучше брать экономические кафедры для «самообслуживания».

Ну и что?..

Ну что, я не понимал, что предлагаю ректору «отдать власть»? Экономические рычаги — вот главное. Отдай их народу, и от твоей должности останется пшик. А он разве не понимал? Вот то-то, что понимал. Думал я житейски, а говорил как оспененный дважды дурак: экономические аспекты — индустрия образования, как и всякая другая, она требует четкой социально-экономической оценки и перспективного планирования. Первые прикидки показывают, что удельные затраты системы высшего образования на подготовку отдельного студента-специалиста могут быть вполне снижены в ближайшие 5—10 лет не менее чем на 5—10%, а это значит, что и вуз может планировать снижение затрат ежегодно на 0,5—1,0% — зарплата, сокращение сроков обучения по обязательствам, исполь-

зование передовых предприятий и оборудования их в качестве базы системы «вуз — производство» и др.

— Ну и что? — сказал ректор.

— Много и давно в системе высшей школы говорят и пишут об экономике высшего образования, о хозрасчете. Но первым шагом к истинному, реальному хозрасчету высшей школы может и должен стать коллективный подряд студенческих групп, кафедр и факультетов. Пришло, по-видимому, время приступить к экономическому эксперименту и в системе высшей школы.

— Ну и что? — тихо повторил ректор.

— Но ни экономический эксперимент, ни коллективный подряд, ни хозрасчет не могут и не должны являться самоцелью. Они просто-напросто служат налаживанию утраченных органичных взаимосвязей между институтом и производством с целью создания более гибкой, более динамичной, более эффективной для народного хозяйства системы подготовки специалистов действительно высшей квалификации.

Мастера споров учат — ежели чувствуешь, что нет ответных равнозначных аргументов, спрашивай вроде равнодушно: «Ну и что?» После третьего «ну и что» предлагающее лицо обычно теряет самообладание.

— Ну? И? Что?..

...Надеемся, что наши читатели отнесутся к опубликованным здесь предложениям с большим интересом. Ждем ваших писем, новых идей, предложений, наблюдений.

Вопрос только студентам

Ребята, найдите, пожалуйста, несколько минут и напишите в редакцию, подкрепив свои слова фактами, о том, как ваша комсомольская организация, вузовский комитет комсомола отстаивает и защищает ваши интересы; когда, в какой ситуации вас поддержали, помогли выстоять в решении сложного вопроса, проблемы.

А может, и не помогли, не поддержали, оставили одного...

ДОЛГ, ПАМЯТЬ И БОЛЬ

Летопись памяти

Под этой новой для журнала рубрикой мы хотим рассказать о тех студентах, кто служил в Афганистане и не вернулся.

Суть дела, которое мы надеемся осуществить вместе с комитетами комсомола вузов страны, клубами воинвоинтернационалистов, районными и городскими военкоматами, — собрать и опубликовать сведения обо всех студентах-воинах, погибших в Афганистане.

Мы должны знать и помнить тех, кто, выполняя приказ, выполняя долг воина-интернационалиста, пал на полях недавних сражений.

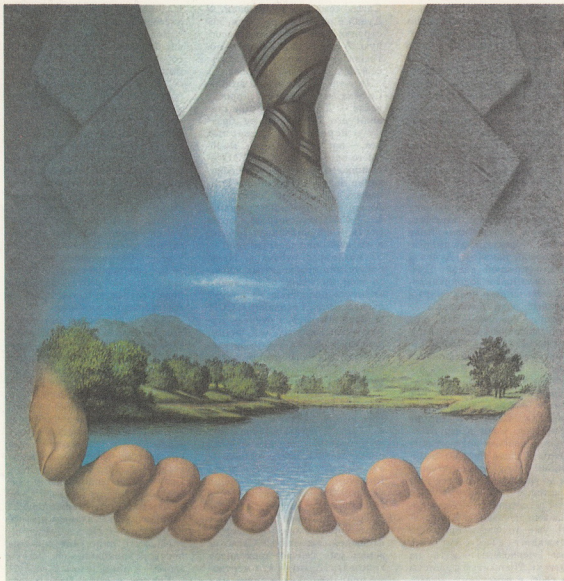
Создание такой вот Летописи памяти может стать важной нравственной акцией современного студенчества.

Мы надеемся, что наше предложение по созданию Летописи памяти, книги скорби найдет отклик в молодежной среде.

Включайтесь в нашу акцию!

Ждем Ваши мнения и предложения.

Напоминаем адрес:
125015, Москва,
ул. Новодмитровская,
дом 5а, «Студенческий
меридиан», акция
«Долг, память и боль».

**СВОИ ЛЮДИ
У ПРИРОДЫ**

Каша из топора

Татьяна Шутова

Забавную игрушку привезли казанцы на Международный конгресс по экологическому образованию. Заданы условия задачи, а ты сидишь и жмешь на клавиши. Стала решать задачу по экономико-экологическому планированию района. Да так, чтобы, значит, и овцы были целы, и волки — сыты. А машина как выдаст мне: «Вы плохой хозяйственник!»

Что-то я там от производства в счет природы передала. И демографическим фактором пренебрегла. Через такие задачи прогнозирования, составленные Центром вычислительной техники и информатики КГУ, «пропустили» в прошлом году партхозактив Татарии. Только жаловались казанцы: программы есть, а вот на чем головоломки решать? С ЭВМ туго. Поахала я над ученой «Наири» и спрашиваю: «А день-

ги она ищет?» Казанцы сначала обиделись, а потом объяснили, что ЭВМ — друг человека и советчик. А поиск и решение — это уж сам «мыслящий тростник».

В придунайских плавнях явился мне «мыслящий тростник» в облике рыбака. Пристроился на кочечке и удочку закидывает. Народу — никого. Все на помидорном аврале. Чтобы их в землю после заморозков не замуровать. Значит, пришлый «тростник». Но ушлый оказался и дошлый.

«Дунайка клюет?» — спрашиваю. «Э, да ты как вчера из Москвы! Какая тут дунайка! Ты хоть пробовала ее?» Молчу. «А залом пробовала?» Я жи-

вилась: «Не, но люди рассказывали...» — «А раньше залом до Самары добрался. Эх, молодозелено...» Я обиделась: «То при царе Горохе было. Зато я черную икру помню. В селедочных лотках, в рыбном. Когда мы болеи, ее в нас силком пихали». Рыбак зауважал, на «вы» перешел: «А вы что, дело пытаете или от дела лытаете?»

Так, слово за слово — разговорились. Узнала я про лиман Сасык, куда из Черного моря ходила на нерест рыба и где клевали ее стада буслатов, пеликанов по-нашему. Но вот нагнали на берега технику, зарычали бульдозеры и отрубили лиман от моря. Морскую воду выкачали, прорыли канал от Дуная и закачали пресной водой. Превратился лиман в водохранилище. Стали из него воду брать и окрестные поля поливать...

«Стоп, — говорю. — Это под камень лежачий вода не течет. А тут песок. Море из-под земли Сасык достанет. И перемычка глухая не поможет. Ежику понятно». — «Да перемычка тут — что рыбе зонтик, — в тон мне отвечает рыбак. — Промывали промывали Сасык, а он не опресняется. Соли в его отложениях дунайская водичка растворяет, а стока нет. От полупромил норму поливную подняли до грамма. А соль все растворяется, ее еще на тысячу лет хватит и останется. Земля соленчаками заплешивела. А соленость уже до шести промилей добежала». — «Так тут же южные черноземы — хоть на хлеб мажь. Проклятые фашисты их к себе, в неметчину, эшелонами, что золото, вывозили...»

«Земля плохо, воде — не легче. Ты посмотри...» — рыбак носком сапога синий налет с берега скворыивает. У ног плещется вода цвета медного купороса. Но голубой Дунай тут ни при чем. То вели атаку, пробираясь к каналу, синезеленые водоросли — гибель живого, бич стоячих водоемов. «А дальше канал вон туда пойдет, — рыбак кивнул на северо-восток. — К Днепру-батушке». Я вспомнила про ученую машину, которая сама деньги не ищет. «А почему канал-то? В какую копеечку влетит?» Рыбак хитро сощурился: «Помнишь, как солдат кашу из топора варил? То маслицем просит подзаправить, то щепотку солицы кинуть.

Сасык семь раз промывали. У Дуная с водой напряженка, построили дополнительную насосную. А потом еще денежки потребовались, перемычку латыть: ее в юрд-ост волной размывало...»

Вот так узнала я про агонию Сасыка и очередной «проект века» — ДДД. Пока заслон ставили его большенному братцу — переборске северных рек, — нас с юга обоили. Вообще-то проекта нет. Есть ТЭО — технико-экономическое обоснование водохозяйственного комплекса Дунай — Днестр — Днепр. Протяженность канала — 436 километров, стоимость — 4,2 миллиарда рублей, а со всей инфраструктурой — 32 миллиарда рубчиков. Из-за отсутствия необходимых эколого-экономических обоснований «проект» полностью не принят экспертизой Госплана СССР. Однако его первая очередь Дунай — Сасык уже, как видим, действует. Взялись уже за следующий из шести черноморских лиманов, обреченных на преобразование — Днепро-Бугский.

Проектировщики обещают, что затраты окупятся за счет увеличения сельхозпродукции в 10 лет. А сколько денег и лет потребуются для ликвидации последствий? Какие проценты от сметы? Или сверх того? Впрочем, проценты — вещь удобная. Их всегда меньше всего остального.

Трасса канала планируют вдоль моря, вдали от орошаемых площадей. Засоленные Сасыком земли уже сейчас приходится гипсовать. А это — что мертвому припарки. Дунай давно уже не шибко голубой. У водозабора его вода сильно загрязнена, «поди, узнай, где чей подорок», — пробегает-то через пол-Европы. С Днестром дело и того хуже. Дефицитен он по стоку — Минэнерго по нему столько узлов навязало, что не дотягивает он до нижних плавней, сохнут они. А ведь плавни — естественный фильтр воды, что идет в Одессу. Летом закрыли одесские пляжи. Слухи потекли: радиация. А потом, когда разобрались, неунывающие одесские пели: «По реке плывет к нам стул из города Тирасполя...» И правда, по течению к Беляевскому водозабору шел поток залпового сброса тираспольских очистных, и одесская сестрица Аленушка уговаривала брата

Иванушку: «Не пей водичку, днестрофиком станешь...»

Вода здесь нужна. Тут без нее как без воды. Стонет от жажды город белой акации у Черного моря. До утра работает в Одессе ТВ. А воду отключают в полную. Дефицит. Знаете выражение — «не фонтан»? Так это тоже из Одессы. Лучшая вода браже из артезианских скважин Большого Фонтана. Средний Фонтан — тоже ничего была вода. А вот теперь анализы показывают, что гербициды с полей и туда просочились. И стала вода — не фонтан.

Вода нужна портам. Вернее, нужен берег. Южные ворота страны имеют береговой фронт в десять раз меньший, чем, скажем, антверпенский. Тесно кораблям. И требует Одесский порт глубокую акваторию в Днестровском лимане.

Вода нужна полям юга Украины и Молдавии. Без нее сельское хозяйство региона ни туды и ни сюды. Только вот развяжет ли все узлы ДДД? Снимем сливки, а обрат — вникаем. Ведь краткая дорога — не всегда лучшая. Кроме засоления земель, неизбежны и другие негативные последствия. Сокращение стока ДДД грозит ухудшением экосистемы и биопродуктивности северо-запада Черного моря. Будут ли, подобно моему маленькому соседу, не бывавшему в Одессе, петть черноморские ребятишки: «Шаланды полные канифоли...» Не забудут ли тараньку в лицо, как волжане поствоохранилищной эпохи забыли в лицо залом и воблу.

Кстати, о рыбе. Пока рыболовы колхоза имени Ленина из Вилкова тихо «воюют» с заповедником «Дунайские плавни» за право ловить рыбу в его ериках, кутах и приморской полосе, Дунайское пароходство наносит им удар в спину. Ему план спустили в деньгах. И роет пароходство песочек с берегов, торгует им себе на славу и на погибель нерестилищам. Но заповедник — противник слабый. С ним проще.

А не впадаем ли мы в некое экологическое луддитство, отвергая с порога всякое преобразование природы? В пещеры с луиной нам уже не вернуться. Есть ли альтернативы? Иногда они под ногами. Экономия и экология — две стороны, но — одной медали.

Прервало водопровод на Водопроводной улице в Одессе. Нырнувший в бурный поток слесарь извлек трубу с клеймом: «1902. Брюссель». Хотя в археологический музей сдавай! Чуть моложе, с 50-х годов нашего века, оросительная система в Киайлском районе. Какие же тут потери воды, если летом она в открытой системе нагревается выше 60 градусов? Мехотряд Виктора Солодовского из колхоза «Расцвет» берет по 130 центнеров кукурузы с гектара. Сколько порогов обилия солодовцы, моля реконструировать оросительную систему! Но Дунайводтоку не до того — он ДДД занят. Глобальными вопросами. Махнули рукой солодовцы, сами стали воду под землей вести. Вот только трубы пока сами не мастерят. Но кто их знает? Народные умельцы до всего додумаются. Собираются на арендный подряд переходить. Вот и прикидывают, как бы в трубу не вылететь.

Вот что рассказал мне еще приднэунайский «мыслящий тростник». Интересную штуку удумали в тридцатом заморском королевстве. Ежедневно на поля через опреснители подается 2 миллиарда литров морской воды. И цветет аравийская пустыня. А кроме того, такое устройство предусматривает производство электроэнергии. Но в королевстве том нету речек — «голы» на выдумки хитра.

А вот у нас в Средней Азии, в пустынных республиках, «голубое золото» речек разменяли на «белое» плантаций. Дооросались до того, что Сырдарья истратилась в полях и до Арала моря не дотягивает. Вода зарегулированной Амударьи минерализуется выше нормы в четыре раза, разбирается на хлопковых полях и падает уже не в Арал, а в створ Тахиаташского, последнего перед Аралом, водохранилища. Глас вопиющего Арала вовремя не был услышан. Ученая ЭВМ диагноз поставила: Арал исчезнет с лица Земли к 2010 году. Тот Арал, чьи рыбаки когда-то по просьбе Ленина накормили рыбой голодающих Поволжья.

Тимирязев говорил, что владеть землей не право и привилегия, а тяжелая обязанность, грозящая судом потомков. И водой тоже, добавим мы. Кому

же отвечать перед судом будущего за Волгу, Кара-Богаз, Ладогу, Араг? Всем — значит, никому... Вернемся к ДДД. Кто тут-то отвечает? Ба, знакомые все лица! Украинводхоз, родственник нашего, российского, породившего проект века «север — юг». Шумим, братцы, шумим. А Васька слушает, да ест. Народные деньги. Народные реки. Слова наши, как вода в песок, уходят...

«Карфаген должен быть разрушен», — твердил Катон Старший больше двух тысяч лет назад. Римские воины принесли в мешках и сбросили на поля благодатного края соль, впервые в истории прибегнув к экологическим методам войны. И Карфаген пал в руины.

«Доколе ж ты, Катилина, будешь испытывать терпение наше?» А вот интересно, есть ли «ученые машины» в Минводхозе? Армия его — 200 тысяч солдат. Штабов — научно-исследовательских учреждений — около шести сотен. Денег им искать не надо. Их бюджет, говорит, пошибе казны большой академии. Если и есть на вооружении ЭВМ, то программу в нее «мыслящий тростник» селекции Минводхоза закладывает. В трех координатах: длине (каналов), ширине (пустынного клина), глубине (пролитой воды). Применяется алгоритм «каши из топора» и выдается ответ: сумма освоенных денег. Чем больше выдаст машина, тем ему — Минводхозу — лучше.

И опять в брюхе «тройского коня» проекта бряцают оружием не только недруги природы, но и общества: ведомственный диктат, монополия на решения, отсутствие гласности. Кто покажет проекту «желтую карточку» и отправит на скамейку штрафников? С. Зальгин? Но на нем и так уж и Новый и Зеленый миры. Может быть, заступники наши — В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин, В. Крупин что-нибудь придумают? Хотя им писать надо, работа у них такая. Так доколе ж мы будем общественной активностью компенсировать профессиональную некомпетентность и гражданскую несостоятельность? Спросить, нешто, ЭВМ? Не дает ответа...

Недавно в редакции собирались «мыслящий тростник» Украины

и Молдавии. Что они думают о проблемах воды в регионе?

Мы приглашаем и читателей принять участие в разговоре о проблемах рационального использования воды. Присылайте свои соображения с пометкой «Байкальское движение» — по имени инициативы, объявленной советскими и японскими писателями на Байкале летом 1987 года.

От редакции. Когда фельетон был уже подготовлен к печати, мы получили сообщение из Киева о том, что Госплан Украины прекращает все исследовательские работы по прокладке канала Дунай — Днестр. Спорачиваются работы по сооружению Днепрово-Бугского гидроузла. Так что Днестр по-прежнему будет падать в Черное море. Надеемся, что решение окончательное. Мы также надеемся, что после рекомендации Государственной экспертной комиссии Госплана СССР будут прекращены работы по строительству канала Волга — Чограй. И хотя в берега великой реки продолжают вгрызаться экскаваторы «стройки века» Волга — Дон-2, ведомственные бастионы уже не кажутся такими неуязвимыми, как это было еще вчера.

АКТУАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Что там слышно, в истории?

В прошлом году выпускники школ были освобождены от экзамена по истории: написанное в учебниках, утвержденное в учебных программах не просто устарело, а во многом оказалось отвергнуто и опровергнуто перестройкой.

Что же изменилось в преподавании истории за год? Этот вопрос мы задаем старшеклассникам и, конечно же, студентам тех вузов, где читается курс истории.

Как преподавать историю на современном этапе? Нам очень важно это знать от вас, наш читатель.

Авторы десяти содержательных писем будут награждены только что вышедшей книгой «Страницы истории КПСС».

АКТУАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

«Не гасить — усилить удар»

С Натальей Муковенковой, Еленой Гусевой и Сергеем Травницким мы встретились в редакции «Ст. М.» в то самое время, когда в стране полным ходом шло обсуждение проектов Законов об изменениях и дополнениях Конституции СССР и о выборах народных депутатов. Как вы догадались, пригласили мы именно их неслучайно. Все они — депутаты: Н. Муковенкова, пятикурсница Московского финансового института, — Дзержинского районного Совета народных депутатов; Е. Гусева, студентка четвертого курса МАДИ, — Фрунзенского райсовета; С. Травницкий, четверокурсник Московского автомобильного института, — Первомайского. Естественно, первый вопрос, который задал наш корреспондент Илья Толстой, касался именно актуальных документов.

Наташа: Принятие этих законов — очень важный этап перестройки. Ведь речь по большому счету идет о власти — поделится ли ею с народом бюрократический аппарат? Станет ли он подконтрольным? Окажутся ли на всех уровнях управления страной действительно прогрессивные люди? Что может быть серьезнее этих вопросов!

Сергей: С детства мое представление о депутате было как

о представителе реальной власти — народной! Был уверен, что нынешние Советы обладают теми же правами, что и Советы при Ленине. Каково же было разочарование, когда, став депутатом, попал под плотную опеку исполкома. Оказалось, ничего напрямую не решается, все нужно выпрашивать, согласовывать...

Наташа: Ты в какой комиссии?

Сергей: По народному образованию.

Наташа: А где тебе легче работать: в комиссии или в территориальной группе, что ближе твоим представлениям о Советах?

Корр.: Тут необходимо пояснение, поскольку многие плохо представляют, из чего складывается деятельность депутата. Если очень коротко, у него два основных направления работы — в территориальной группе (а это: прием населения по самым разным вопросам, контроль за функционированием дзэзовских служб и т. п.) и в постоянной комиссии — планово-бюджетной, экологической, по делам молодежи, культуре и т. д.

Сергей: Ну, вообще-то работа комиссии и территориальной группы имеет разные направления. В комиссии я чаще всего получаю указания. Например,

Елена Гусева

Наталья Муковенкова

Сергей Травницкий

проверить школу, а потом отчитаться. Нам обычно предлагают план работы, редко кто-нибудь из депутатов сам выносит вопрос на повестку дня.

Наташа: Это-то и плохо. Мне кажется, реальную пользу для людей мы можем принести именно в территориальной группе. У меня — четыре дома. Ко мне приходят, говорят: в нашем дворе нужно построить детскую площадку, в таком-то доме с 80-го года вода не поступает на 4—5-е этажи. От меня во многом зависит, решатся ли эти проблемы. А вот в планово-экономической комиссии, в которой состою, я не вижу своей роли, и понимаю, что от моего мнения план не изменится...

Сергей: Нет, в нашей комиссии мы кое-что все-таки можем. Вот, например, в прошлом году проверял детский сад. Прихожу, а дети в шубах и валенках ходят. Прямо оттуда в исполком поехал, всех на ноги поднял. Через два дня детей в другое здание перевели.

Лена: Только такие вещи и оправдывают как-то наше существование...

Корр.: А с чем в основном люди приходят?

Сергей: Чаще всего с бытовыми проблемами.

Лена: Да, в основном мелкие вопросы: лифт не работает, лампы перегорают, мусор вовремя не вывозится и т. п.

Корр.: Не возникает чувства

досады, когда делаете то, чем обязаны заниматься специально существующие для этого службы?

Наташа: Это бы ладно, у кого не бывает упущений. Хуже то, что, когда на непорядки указываешь, никто не бросается со всех ног исправлять свою оплошность. Есть при исполнении служба, которая вообще...

Лена и Сергей: ПЖРО!

Корр.: Свиное название. Что это за зверь?

Наташа: Производственно-жилищно-ремонтное объединение — кулминация бюрократизма и волокиты, наш постоянный камень преткновения: все материалы, рабочая сила, ну все, что нужно жильцу, у них. Организация эта вроде подчинена Советам, но на нас смотрит, как на просителей, да мы и есть просители. И ладно бы сразу отказывали, — мол, не можем, и точка. Нет, обещают. У меня этих обещаний пачка лежит, кое-что в наследство досталось аж с 80-го года...

Сергей: В моих домах в основном пожилые люди, ветераны войны, труда. Попросили как-то помочь благоустроить двор, очистить от хлама. Вызвались выйти на субботник. Нужен был грузовик. В какие только исполкомовские службы не обращался, неделю ходил, но так ничего и не добился. Плакнул. Через друзей-знакомых нанял машину за деньги. Может, теперь, когда исполком станет подконтрольным Советам, полетче станет.

Наташа: Похожая история была и у меня. В одном из дворов на моей территории образовалась многолетняя свалка. Приходили на прием люди, жаловались, а решить вопрос через исполком все никак не удавалось. Ну, думаю, так можно вообще уважение потерять. Договорилась в институте, собралась ребят с международного факультета — они у нас самые активные, — устроили субботник и раздлакались с хламом. Жильцы благодарили. Конечно, отчасти это была и рекламная акция, но без того. Кстати, она не прошла даром. Смотрю, начали больше обращаться, и не только по бытовым вопросам. Ветераны на прием пришли, предложили вести работу в школе, потом ребята из окрестных домов — по поводу

организации клуба атлетической гимнастики. Одним словом, стали мне больше доверять.

Корр.: По новому положению, 500 жителей района могут собраться и выдвинуть своего кандидата в депутаты. Мне кажется, это довольно сложно — объединить такое количество незнакомых друг с другом людей, если, конечно, их не сплачивает общая беда, как это было, скажем, в московском районе Братеево, где очень сложная экологическая обстановка. Что вы думаете по этому поводу?

Лена: Мое мнение: чем больше будут избирать депутатов по месту жительства, тем лучше. Ведь такой депутат прекрасно ориентируется во всех проблемах, знает больные места, сам, наконец, кровно заинтересован, чтобы вопросы решались побыстрее...

Сергей: Сейчас выдвигает кандидата в депутаты трудовой коллектив, а голосуют за него совсем другие люди. Объединить избирателей по месту жительства очень сложно. Я, к сожалению, не знаю, что предпочесть.

Лена: Когда стало ясно, по какому округу буду баллотироваться, решила встретиться с людьми, поговорить в неформальной обстановке. Пошла по квартирам. И, знаете, очень многие говорили, если б не это, голосовать за меня они б не пошли. Настолько уже надоела людям эта анонимная процедура. Не хотят они больше выступать в роли статистов. Кстати, при той системе, когда выдвигают одни, а голосуют другие, многомандатная система, мне кажется, тоже мало что даст. Ну, допустим, выдвинут от нашего вуза четверых вместо одного. А толку что? Людям, если они нас никого не знают, все равно: я или кто-то другой. И предвыборные программы наши вряд ли помогут — проблем-то района, нужд людей мы еще не знаем.

Сергей: А хождение по домам, это что, твоя инициатива была?

Лена: Да. Многие были крайне удивлены — такого еще не видели...

Корр.: О чем же вы беседовали?

Лена: Ну, темы самые разные. Некоторые высказывали поже-

лания, касающиеся благоустройства дома, двора, района. Другие ругали молодежь, третьи — сферу обслуживания, с четвертыми беседовали о политике, с пятыми — о перестройке — в зависимости от возраста, образования, уровня культуры.

Наташа: Еще очень важный вопрос — кого выдвигают. Меня, например, дико возмущает, что не могут обойтись без крупных начальников, а тем более известных артистов. В моем территориальном округе была и народная артистка, и балерина Большого театра. Я их, например, ни разу не видела — они постоянно то на гастролях, то просто заняты. А ведь нетрудно было сразу предположить, что не смогут они полноценно выполнять свои депутатские обязанности. Кого обманываем? Так же и начальство большое, занятое сверх меры производственными проблемами.

Сергей: Ну, это ты зря. Руководители должны быть среди депутатов, потому что, как правило, этим людям присущи деловые качества, они умеют решать, да и проще им решать проблемы на своем уровне: позвонил нужному человеку — начальник начальника всегда поймет — и пожалуйста: ты мне, например, подвал для молодежного клуба, а я тебе — другую услугу...

Лена: Вот-вот, кстати, о подвалах. У нас в территориальной группе председатель, директор крупного предприятия, и действительно быстренько так договорился о подвале для молодежного клуба — все точно так, как ты говорил. И до сих пор — более полутора лет прошло — мы не можем добиться, чтобы он поставил там мебель, хоть он и обещал и не сложно ему это. Просто неисполнительный человек, ему вечно некогда, не до депутатских дел. И пример этот не единственный. Поэтому я тоже против избрания депутатами больших начальников.

Корр.: Теперь, когда действительно появится возможность выбора (а не утверждение единственной кандидатуры), надо надеяться, инертные и недобросовестные люди вовремя будут отсеиваться...

Сергей: Важно еще, чтобы активные, желающие работать

люди имели возможность попасть в число депутатов. В новом Законе предусматривается, что человек может сам себя предложить, представив свою программу и план действий.

Наташа: А ты реально представляешь, где он себя предложит? В исполкоме? Не знаю, как на промышленных предприятиях, а в институте, думаю, все останется почти так же, как было, — предлагаться будут кандидатуры секретаря парткома или ректора и студентов, разных стипендиатов, комсомольских активистов. То есть опять негласная разрядка. Когда выбирали, например, меня, нужна была девушка, член партии, ну и т. д.

Сергей: У нас тоже предполагалась девушка по разрядке. Меня никто не предусматривал... Но время все-таки изменилось, ребята стали возмущаться: зачем нам навязывают кандидатуру, предлагают несколько своих, голосовали, и вот — выбрали меня...

Наташа: Так ты депутат от своего института?

Сергей: Да.

Наташа: Только от своего? Ты уверен? Я тоже полгода назад была в этом уверена, но совершенно случайно узнала, что я депутат еще и от 10-го таксомоторного парка. Как вам такая новость? Бедный 10-й парк, живет и не знает своего депутата. Когда пришла в исполком и спросила, как это может быть, так сделали большие глаза: а разве тебе не скажали?

Лена: А я, кроме института, представляю еще и завод гражданской авиации, хотя там не была ни разу...

Корр.: Чувствуется ли изменение отношения к депутату в связи с переменами в обществе?

Наташа: Я бы эти отношения разделила: одно дело — с избирателями, другое — с исполкомом. С первыми — изменились, с исполкомом — нет.

Лена: А по-моему, исполкомские работники активно создают видимость того, что изменяются.

Наташа: А разве это не хуже?..

Лена: Раньше тоже была игра в демократию, только я не понимала этого. Теперь понимать стала больше. Вот, совсем недавно позвонили, говорят: по-

жалуйста, выступите на сессии — и четко задачу поставили: вопрос такой-то, сходите к тому-то, спросите то-то. Но мало этого! Оказалось, что до меня с этим же вопросом выступит ректор нашего вуза.

Наташа: Причем доклады на сессии в основном констатирующие: «Преступность в районе возросла, — докладывает начальник РУВД, — так-то по отношению к прошлому году, так-то в сравнении с прошлой пятилеткой, с США, со странами Западной Европы...» А что делается для ее сокращения?! По шесть часов заседаем, говорим на сессиях, а конкретных решений очень мало.

Лена: И после первого перерыва зал заметно пустеет... У нас в исполкоме тоже не любят конкретных решений. Пришли ко мне как-то студенты, попросили, чтобы я похлопала на счет торговых палаток возле общепития. В исполкоме, в отделе торговли, сразу заявили: никакие палаток ставить вам не будем, для нас они окажутся убыточными. Почему же убыточными, думаю, когда в общепитии четыре тысячи студентов... Поехала по наивности в Моссовет. Что меня там сразу поразило, так это как проверяли мое удостоверение, сверяли, соответствовало ли фотографии. И не только на входе, а и внутри, когда искала нужную мне комнату. Не понимаю, от кого защищают наш Моссовет? И как туда попадают люди без депутатских книжек? В результате мне там посоветовали обратиться в райком партии.

Корр.: А у себя в институте имеете ли имидж политических деятелей, чувствуете ли какое-то особое отношение?

Сергей: Да, есть. Но происходит это больше от непонимания того, чем мы занимаемся. Ребята предполагают, что мы решаем глобальные проблемы. Когда рассказываю, как на самом деле, думают, что шучу.

Лена: У меня — ничего похожего. Меня называют фанатичкой. Говорят: тебе что, делать больше нечего, как ты можешь столько времени и сил тратить на общественную работу (я еще и секретарь комитета комсомола факультета). Так что какой там имидж. Желания оказаться на моем месте ни у кого не возникает.

Наташа: Кстати, а тебя не упрекают в карьеристских устремлениях? Моё, в аспирантуру тебя как депутата точно возьмут. Ты, между прочим, в аспирантуру собираешься?

Лена: Да! Но не из-за того, что депутат. Я все-таки научной работой всерьез занимаюсь.

Сергей: А меня перед экзаменом ребята даже спрашивают: почему без депутатского значка пришел, нужно было нацепить...

Корр.: А товарищи по вузу к вам часто обращаются? И если да, то к чем?

Сергей: Ко мне — постоянно. То просят помочь ребенка в детский садик устроить, то пойти за стипендией попросить — такие проблемы буквально на каждом шагу. Идешь — тебя ловят, жалуются. Доходит до того: у нас на карточке очень плохие условия были, холодно, болели студенты, — и тоже ко мне...

Корр.: Ну а ты что?

Сергей: Хожу, конечно, хлопочу. В садик троих детей устроил, меня уже крестным папой зовут. Но, к сожалению, далеко не всегда и не все проблемы могу решить, хорошо еще, что состою в комиссии по народному образованию — меня в институте немного опасаются в том плане, что могу с какой-нибудь проверкой, комиссией прийти, но вообще-то к депутатам не слишком еще серьезно относятся.

Наташа: Не бояться должны, а уважать. Но у нас если и делают что-то, то именно из-за боязни. Повсеместно сталкиваешься с некомпетентностью, недобросовестностью, нежеланием работать.

Сергей: Исполкомы должны стать подконтрольными...

Лена: Не только это. Депутаты тоже должны быть настоящими представителями народной власти. А то некоторые даже на прием не ходят, а появляются только в день депутата, потому что там продают дефицитные товары.

Сергей: Идея была неплохая — как-то упростить жизнь депутату, который загружен сверх меры делами. Но то, что на этих депутатских днях происходит, мне совершенно не нравится. Говорят, депутаты — сознательные люди, а они там толкаться начинают, позор! Я

туда не хожу никогда.

Наташа: Да, это унизительно. Что бы там ни было, что бы ни продавали, нельзя терять достоинство. Но ведь до последнего времени среди депутатов было много случайных людей. Приходит на предприятие разрядка — избрать депутата. Никто не хочет: у всех дети, семьи. Начинают уговаривать — мол, давай, становись депутатом, а мы тебя в очереди на квартиру подвинем. Там распродажа, сям заказы... Ну и соглашались. По моим наблюдениям, таких всегда два не треть.

Лена: А некоторые мужчины из-за карьеры идут...

Корр.: Как обычно складывается ваш день?

Наташа: Я, например, прихожу домой только спать. К 9 утра обычно еду в исполком отвозить очередную бумажку: отчет, протокол, запрос, свои предложения и т. п. В 13.00 начинаются занятия в институте. Потом — либо прием, либо вузовские общественные дела. Прибегаешь домой часам к восьми вечера, хватаешь телефонную трубку, потому что необходимо сделать несколько деловых звонков. А потом только и можешь — допозднать до постели и уснуть.

Корр.: А как же личная жизнь?

Наташа: Личная жизнь женщины-общественницы здорово ограничена. До этого лета я и не знала, что это такое.

Лена: Надо подбирать мужчин-общественников. У меня так и есть. Правда, мой молодой человек уже закончил институт, но депутатские дела мы очень часто делаем вместе. По квартирам без него я бы вообще не решилась ходить, потому что всякое бывает...

Сергей: А я со своей девушкой познакомился в постоянной депутатской комиссии...

Корр.: Лена упоминала о карьере. Что вы думаете по этому поводу?

Сергей: Ничего предосудительного в карьере нет, если движение происходит за счет деловых качеств, а не интриг и острых локтей.

Лена: Депутатство не очень-то способствует карьере. Я, конечно, преследовала определенную цель, становясь депутатом. И мне кажется, благою целью: научиться работать с людьми, понимать их, уметь им

помочь, знать, как это делается... В этом отношении депутатство помогает, но вовсе не как строка в биографии.

Наташа: Первые дни меня буквально распирало от гордости: ни на минуту не могла забыть, что я — депутат. Мне казалось, что депутатами выбирают самых-самых: достойных, инициативных, серьезных. Потом уже, когда столкнулась с тем, как тяжело приходится нашим людям, — главным для меня стало дело. Ведь мы выросли в застойный период, когда кричали «ура-ура». И разве мы могли подозревать, что выбирают так, для галочки, по разрядке. Кто знал, что депутат ничего не может, что все это никому не нужно. Представлялось-то все на ура, а оказалось — это тяжелый труд, который натывает на массу искусственных препон, не естественных трудностей, которые могут быть в любом деле, а именно — искусственных преград, которые расставил административно-бюрократический аппарат.

Корр.: То есть, если рисовать образ депутата, его можно было бы изобразить в виде буфера между народом и тем же исполкомом, бюрократом...

Лена: Помню, на одну депутатскую сессию я никак не могла пойти, поскольку у меня был сложнейший экзамен. Позвонила в организаторский отдел. Меня там отчитали самым суровым образом: «Ты что, не знаешь, что первая обязанность депутата — посещать сессию». А я-то думала, что главное — помочь людям.

Наташа: Нас еще просто не успела укатать производственная текучка.

Корр.: То есть не успел подняться бюрократический каток...

Наташа: Да, пока мы студенты, в нас будет жить бунтарство: не засидимся, не засовецаемся. Хотя моя подруга пророчила, что система непременно подомнет и меня. Надеюсь, что все-таки нет. Кстатки, насчет буфера. А депутат в какой-то степени и должен быть буфером, чтобы принимать удар на себя и гасить его.

Сергей: А по-моему, не гасить он должен, а многократно усиливать этот удар, который в конце концов — верю — разрушит бюрократическую глыбу.

КОЛОПКА КООПЕРАТОРА

Кооператив «Счастье» предлагает помощь одиноким людям в поисках спутника жизни. Каждый желающий может получить подготовленную квалифицированным психологом детальную, многослойную анкету из более чем 200 вопросов, которая даст возможность составить социально-психологический портрет клиента и желаемого им претендента. На современной ЭВМ при помощи специально разработанной математической программы ваша анкета будет обработана, и ее данные останутся в базе памяти компьютера.

Таким образом, кандидат для вас будет подбираться на основании ваших требований на строго научной основе. Преимуществом этого метода является то, что внесенные в память компьютера данные о вас будут сопоставляться с пожеланиями других клиентов. Такой двусторонний поиск имеет больше шансов привести к положительному результату.

По вашему желанию кооператив «Счастье» заключит с вами своего рода контракт, по которому возьмет на себя обязательство взять вас под свою опеку на ближайшие 12 месяцев. За этот срок ваши данные будут периодически запрашиваться у компьютера с тем, чтобы подобрать за этот период возможно большее число подходящих вам претендентов, но не менее пяти.

Если за этот период ЭВМ подберет для вас менее пяти кандидатур, то срок нашего контракта автоматически продлевается до выполнения кооперативом данного обязательства. По мере поступления от компьютера информации она будет пересылаться вам по почте.

Чтобы стать нашим клиентом, необходимо приобрести анкету кооператива. Для этого в любом отделении связи из банковский счет кооператива переводятся 15 рублей — стоимость услуги на все 12 месяцев (деньги пересылаются по адресу: оперу Жилсоцбанка г. Львова, МФО 325019, расчетный счет № 46407 кооператива «Счастье»). Квитанция о почтовом переводе высылается вами в кооператив в почтовом конверте с пометкой «В Правление». По получении квитанции кооператив вышлет вам для заполнения свою анкету с уже предоставленным на ней вашим индивидуальным кодом для компьютера, который должен указываться во всех ваших письмах в кооператив. Тайна обратившихся в кооператив гарантируется. Кооператив «Счастье».

Наш адрес: 290005, Львов-5, абонементный ящик № 6632.

О мальчике, который умел летать, или Путь к свободе

Игорь Акимов,
Виктор Клименко

Его цель — удовольствие

Ну вот и пришла пора отдать
должное факельщику.

Чтобы разобраться с ним,
чтобы определить его особые
педагогические координаты, мы
должны ответить на два вопроса:

1) что у него общего с шестью
его коллегами?

2) что отличает его от них?

На первый вопрос наш внимательный читатель ответит легко: факельщик, как и шестеро его коллег, находится на уровне чувств. Они работают с предметом (алмазом, глиной, деревом, факелом); воздействуя на предмет, они получают от этого процесса положительные эмоции.

Они видят, как точно работает их инструмент, — и получают от этого удовольствие. Они видят, как в материале происходят запланированные изменения, — и получают от этого удовольствие.

Они видят, как воплощается задуманное ими, — и понимают, что трудиться и жили не зря: вот они, реальные следы их пребывания на этой земле, плоды их служения призванию и Родине, — их ученики, изготовленные их руками детали государственной машины, завтрашние граждане их страны...

Увы, приходится поставить им в вину очевидный эгоизм. Ведь они даже не задумываются о том, что их работа причиняет ученику страдания. Они заваливают ученика домашними заданиями, а вызвав к доске, спрашивают «по-черному», но попробуйте им доказать, что выбранная ими роль и метод служат только одному: самоутверждению. Самоутверждению

за счет ученика. Он теряет — они обретают.

Ах, если б их инструментом была гармония!.. Но гармония — это следующий, более высокий уровень, им (при их энергопотенциале) недоступный. Поэтому они пользуются эрзацами: 1) эталоном, 2) шаблоном, 3) схемой. Они укладывают ученика в свое личное прокрустово ложе — и разрушают гармонию, которую в каждом из нас заложила природа. Разрушают, не ведая, что творят.

Уже доказано: младшие школьники так устают к концу уроков, еще больше — к концу недели, и вовсе гаснут — к концу четверти, что ни осенних, ни зимних каникул им не хватает, чтобы восстановиться. Только летние каникулы дают им возможность (да и то не всем) продолжать учебу. Про средних и старших школьников говорить не приходится: все они (те, кто учится) находятся в состоянии хронического утомления, и только «сачки» (их инстинкт самосохранения сильнее пресса обстоятельств) сохраняют свою целостность.

Где выход?

Он напрашивается: нужно, чтобы ученики отдыхали не один, а два дня в неделю, и чтоб на эти дни они могли забыть об уроках. Кстати, и учителям это даст возможность разогнуться и не только отдохнуть, но и повысить свой энергопотенциал. Тогда те из них, кто находится на уровне эмоций, получат шанс подняться на уровень чувств; а те, кто пока на уровне чувств (семеро наших умельцев), вдруг обнаружат, что они не на вершине, что выше — над ними — есть еще этаж.

Мы проговорились о тех,

кто находится ниже нашей семерки. Об учителях, живущих на уровне эмоций. И теперь

уже не отступить. Следует отдать им должное.

Знаменательно: ни в одной анкете они не были упомянуты! — а ведь каждого мы просили писать именно о себе, и этих — живущих на уровне эмоций — было более чем достаточно. Почему же, отвечая на анкету, они поместили себя на более высокий этаж? Неужели не знали истинной себе цены? Знали. И именно потому, что знали, назвали не свой истинный уровень, а уровень своих притязаний. Тот образец, на который бы они равнялись, если бы сделали попытку работать этажом выше.

Итак, мы просили фотографии, а нам подсунили маски.

Потеряло ли от этого ценность наше анкетирование? Нисколько. Потому что оно показало знаменательные вещи:

1. Учителя, живущие на уровне эмоций, понимают, что для нормального учителя этот уровень недопустим.

2. Учителя, живущие на уровне эмоций, потенциально готовы передвинуться выше, но одни не имеют зеркала (или мурекса, чтобы взглянуть в зеркало), а другие просто не знают, где лестница.

3. Учителя, живущие на уровне чувств, довольны собой и не подозревают, что над ними есть один этаж.

Учитель, живущий на уровне эмоций, энергетически нищ; он и рад бы, но не может ничего дать своим ученикам. Его главные задачи — самосохранение, поддержание своей марки, стремление к покою. Как они достигаются? Очень просто (а сложно он и не может — не позволяет энергопотенциал). Надо только соблюдать принцип: он и ученик — автономные, не соприкасающиеся сущности. Учитель живет сам по себе, ученик — сам по себе. Для этого учитель 1) завышает оценки, 2) игнорирует учебную дисциплину, 3) захваливает. Шпаргалки, подказки, списывание — это святое: краевые камни его покоя. Ученику хорошо — и ему хорошо. И это далеко не худший случай, поскольку ученик получает возможность развиваться свободно, без прокрустовых штучек и принудительной учебной давящей, загоняющей его в раннее хроническое утомление. И

тут уж только от самого ученика, от его живости и смелости зависит, какую территорию он успеет отхватить, какие силы сохранит для последующей территориальной экспансии.

Этот учитель знает свой предмет, но — в пределах стереотипа учебной программы. От и до... Обязательное повышение квалификации для него — наказание. Ведь он живет в комфорте своей маленькой раковины, а всякое новое знание нарушает равновесие, вынуждает заняться перестановкой, передвижением мебели — работой, на которую у него и сил-то нет. Вот отчего любую новизну он бессознательно отторгает — в одно ухо вошло, в другое вышло. Так спокойней.

Вы полагаете, он скудно преподает? Ничего подобного! Монотонность и скука для него смерти подобны: ведь они рождают отрицательные эмоции и могут в считанные минуты истощить энергопотенциал. Скука для этого учителя — непроизвольная роскошь. Ведь он балансирует на краю; чтобы не упасть, он должен постоянно подпитывать свой энергопотенциал, а поскольку чувства, как источник положительных эмоций, ему недоступны, он получает положительные эмоции от самого себя. Жизнь вынуждает его любоваться самим собой, своими действиями — говорением. Это нарцисс? Да. Гедонист? Обязательно. Сам он никогда с этим не согласится, но мы-то с вами глядим на него со стороны, да нас это очевидно.

Он — соловей. В тесной клетке своего стереотипа он проявляет чудеса изобретательности, переставая, сочетая и интерпретируя те несколько коленец и рулад, которыми он владеет. Метод его преподавания — игра; но! — игра с самим собой, для собственного удовольствия. Ученики не имеют к ней никакого отношения. И если все-таки кто-то из них вдруг пожелает выйти на контакт с этим учителем... вы все поняли правильно: он немедленно дает отпор. Резкий. Неадекватный. Обить, обрить, поставить на место — все что угодно, лишь бы сохранить ненарушенным свой хрупкий комфорт. Потом — почти сразу — этот учитель постарается смазать, стереть конфликт, может даже при-

Фото В. Пущакина

знать свою неправоту. Разумеется, и этот шаг будет продиктован не чувством справедливости (которое, как и все другие чувства, ему недоступно), а все той же потребностью сохранить покой.

Вывод: учитель, который живет на уровне эмоций, замкнут на себя и реактивен, а потому не имеет морального права работать с людьми.

Его цель — удовольствие (продолжение)

Итак, мы выяснили, что общего у факельщика с шестью коллегами: все они живут и работают на уровне чувств.

В чем отличие?

1. Ученики первых шести — участь — страдают; ученик факельщика учится с удовольствием.

2. Первые шестеро выжимают своих учеников как мокрое белье и вытесняют, сбрасывают их на уровень эмоций; ученик факельщика прочно утверждается на уровне чувств.

3. Первые шестеро работают с материалом; факельщик — с человеком.

Там — материал, здесь — человек... Новое качество!

Когда мы сделали это ма-

ленькое открытие, мы едва удержались от искушения выделить факельщика в отдельную прослойку — между шестеркой его коллег и верхним этажом. Но, поостыв, возвратили его в коллектив. Почему? Главный, принципиальный отличительный признак этой группы — работа на уровне чувств. И как бы нам ни был симпатичен факельщик — истина дороже.

Кстати, у этой группы есть еще один отличительный признак, и если вы читали внимательно, вы, должно быть, уже срзаете от нетерпения и досады — когда же наконец авторы этот признак назовут?

Пожалуйста. Это признак — решенная задача.

Вот доказательство: все семеро работают с материалом (человек — тоже материал); они материал преобразуют; следовательно, каждый из них владеет алгоритмом *однажды* решенной задачи.

Этот алгоритм — предмет их гордости, их индивидуальный инструмент. Если б они бездумно пользовались полученными в вузе знаниями, умениями и навыками — это были бы учителя на уровне эмоций. Но наши умельцы сами выбра-

ли специализацию (гранильщик, садовник, факельщик), сами подогнали полученный багаж по руке — создали свой инструмент, сами создали методику обработки материала.

Понимаете? Они искали, искали, искали — пока не создали свой штамп, эталон, схему, которые полностью их удовлетворяли, а значит, стали для них образцом. Идеалом.

Тут опять напрашиваются вопросы:

1) почему им суждено решить только одну-единственную задачу? Иначе говоря — почему этот процесс не получил продолжения?

2) почему ответом оказался штамп?

3) в чем сущность штампа?

Ответ не составит труда, если вспомним, что прежде всего отличает человека на уровне чувств: ограниченность энергопотенциала. Был бы энергопотенциал на минимуме, ни о какой задаче и речи бы не шло — дай бог выжить! Но наши умельцы живут с поднятой головой, смело смотрят вперед; существовать — это для них слишком мало; они хотят жить! и жить с удовольствием! Вот почему они ищут тот метод, тот процесс, тот алгоритм, который будет и по плечу, и сможет гарантировать стабильное удовольствие. Значит, в эту семерку попадают только те, кто изначально имеет достаточный энергопотенциал, чтобы увидеть свою задачу.

Почему же она оказывается и последней?

Потому что ограничен энергопотенциал.

Он не просто ограничен; здесь мы можем назвать и уровень, которым этот энергопотенциал ограничен: его достаточно, чтоб увидеть задачу, но мало, чтобы эту задачу решить.

Заметили противоречие? Ну не может быть, чтоб не заметили — ведь на поверхности лежит: чуть выше мы сказали, что они решили задачу, а здесь — черным по белому — что из-за дефицита энергопотенциала не способны решить. Где же врут авторы — тогда или теперь?

Ни там, ни здесь. Смотрите, как мы уничтожаем это минное противоречие: не имея достаточно энергопотенциала, чтобы решить задачу, наш умелец соз-

дает ответ, который ему нравится. Этот ответ не имеет ничего общего с истинным, впечатанным в конце задачника, но наш умелец даже не подозревает об этом. Он убежден, что решил задачу правильно, что истина принадлежит ему. И никакие аргументы не могут его с этого убеждения сдвинуть, переубедить, — нет энергопотенциала, чтобы воспринять чужие аргументы, чужую задачу.

Вы его жалете? сочувствуете ему?

Не стоит. Ведь и он тоже смотрит на вас свысока.

Между прочим, у него есть для этого все основания: алгоритм, который он создал, годится на все случаи жизни. Шаблон можно приложить к любому материалу; качества материала при этом не имеют значения, важны только две вещи — вера в истинность шаблона и в свои силы. Эти требования взаимосвязаны. Помните? — энергопотенциал нашего умельца ограничен, поэтому он работает близко к пределу своих сил. Он это чувствует, он это знает — и гордится этим! Вот почему ему необходимы и вера в свои силы, и шаблон — инструмент для экономизации усилий.

Учитель, живущий на уровне эмоций (раб), в свои силы не верит (он знает, что в конфликте не совладеет ни с одним учеником — поэтому и избегает конфликтов) и алгоритма не имеет. Он даже не канал связи между учебной программой и учеником, поскольку избегает контактов с ним. Он просто живой учебник.

Учитель, живущий на уровне чувств (исполнитель), работает как канал связи. Напомним «золотое правило» теории информации: канал связи работает всегда с потерями; если на входе 100 процентов, то на выходе — всегда меньше. Но учитель — часть живой природы, которая существует по «сдвинутому» законом, поэтому «золотое правило» для него работает иначе: если на входе 100 процентов, то на выходе... другое. Может, и не совсем другое, но непременно — новое качество.

Личность этого учителя окрашивает его труд; мы отдаем ему должное, но шляпы перед ним снять не можем: работает он все-таки по шаблону, и если

быть уж совсем нелицеприятными — это самодовольный и ограниченный человек.

Его судьба поучительна, по крайней мере, нам она подсказала еще один маленький закон: если, решая задачу, мы создали шаблон или схему, это значит, что задача осталась нерешенной.

Из этого закона напрашиваются следствия:

1) шаблон и схема — тупики мысли.

2) шаблон и схема убивают чувство задачи (потребность в ней).

3) если решенная задача называет новую, значит, она была решена правильно.

Мы открыли запертую дверь и вошли в комнату (решили задачу) и тут же увидели следующую дверь, значит, и ваше эпк в порядке и решение истинно. Но если вы не просто в норме, но и в великолепной норме, в этой комнате вы увидите не одну дверь, а несколько.

Значит ли это, что любая схема является инструментом для умерщвления мыслительного процесса?

Да — если она суть средство экономизации усилий.

Нет — если она источник энергии; в этом случае мы имеем дело только с формальными источниками схемы; на самом же деле перед нами порождающая модель.

Его цель — удовольствие (окончание)

Осталось разобраться, как работает факельщик.

Что мы знаем о нем?

1) Он работает на уровне чувств.

2) Он работает на положительных эмоциях.

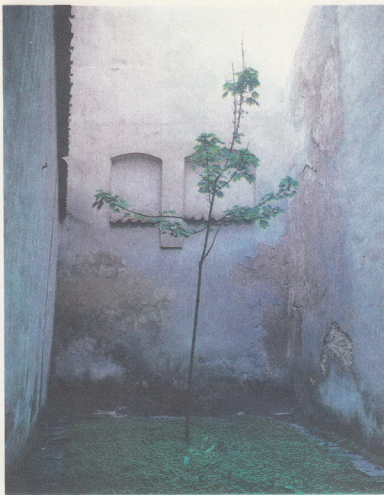
3) Он работает с учеником, в котором видит человека.

Попытаемся рассуждать:

1) Чтобы поджечь — он должен сообщить энергетический импульс.

2) Чтобы поджечь — он должен гореть сам.

3) Чтобы поджечь — он должен войти в контакт с учеником (как и остальные шестеро). Но у других учителей ученики (пытаясь спастись от отрицательных эмоций) контакта избегают; а факельщик умудряется вызывать положительные эмоции, следовательно, не он идет к уче-

никам, а они к нему тянутся. Значит, он должен гореть не просто ярко, но и привлекательно.

Как мы уже говорили, главный его отличительный признак — он видит в ученике человека. И в этом все дело! *Шестеро его коллег преподают знания, умения и навыки; факельщик — учит получать удовольствие от истины, добра и красоты.*

В чем же заключается найденный им алгоритм?

У него положительная установка на любого ученика, на любую ситуацию, на любую информацию. И в этом правиле для него исключений нет!

Но как же так, скажете вы, неужели это возможно? Ведь мир состоит не только из истины, добра и красоты; в нем столько же зла, лжи и уродства; неужели и от них факельщик получает удовольствие? Тогда это просто безнравственно...

Вы попали в самую точку. Но оставим пока оценки — ведь нас интересует его алгоритм, как он работает, как справляется с ситуацией.

Пока факельщик имеет дело с прекрасным — проблем нет. Но вот ему встретилась ложь, или зло, или уродство; контакт с ним не обещает ничего, кроме отрицательных эмоций, как быть? Факельщик поступает очень просто — он отгораживается. Делает вид, что этого просто не существует. Нет — и все! Зачем портить свои нервы из-за каких-то неурядиц, если жизнь одна и мир прекрасен, а все нескладное раньше или позже как-то само собой устроится...

Усугубив ситуацию: отгородиться, сделать вид, что ничего не происходит, не удалось; зло ворвалось в мир факельщика; как ему выдержать свою программу, сохранить положительную установку на все?

Отвечаем: он облагораживает зло. Проще говоря, он демонстрирует способность понять и оправдать каждого — не только зайчишку, который хочет жить, но и волка, который тоже должен кушать, и не его вина — это природа так устроила, — что главное блюдо на его столе — зайчатина. Между прочим, заяц тоже хорош, не воздухом питается — стрижет ни в чем не повинную травку.

Значит, для факельщика съедобно все. Вот в чем его секрет. Только поняв его, мы можем назвать его алгоритм: это алгоритм потребления.

Он — обыватель.

Обыватель рафинированный, то есть убежденный в своей правоте, в единственной истинности своего мировоззрения. Правда, он никогда не согласится с таким определением — ведь он живет среди прекрасного и ради прекрасного, он всем желает добра и никого не осуждает, но... ведь мы говорим не о ярком его оперении, а про его образ жизни, не о том, какое впечатление он хочет на нас произвести (а наша реакция — для него тоже источник положительных эмоций, потому что факельщик всегда тщеславен), а как направлены потоки энергии в радиусе его действия. А они направлены в одном направлении — к нему. Потому что он — эгоист.

Но ученики тянутся к нему. Мало того, научившись у него жить (жить так, как он), они до конца дней вспоминают о нем с умилением и благодарностью.

Парадокс? Нисколько. Потому что факельщик учит не просто удобному образу жизни, но и красивому, привлекательному. Он учит — по-своему — жизни без поражений. И получается это у него лихо и убедительно. А как же! — ведь он философ. И мудрец. И добрый человек. И по-своему мужественный (облагораживание зла немислимо без мужества). И энциклопедист. И художник. И демократ: коллеги утверждают — нельзя; факельщик улыбается — можно. Он живет радостью, притягательная сила которой неотразима. Его невозможно не любить. И даже завистники отдадут ему должное.

Но ни одной задачи он не

решит. Ведь задача начинается с ощущения дискомфорта, а факельщик от дискомфорта мгновенно отгораживается.

Жизнь, озаренная смыслом

Ах, как хочется всех учеников разделить на две категории: тех, у кого среди учителей был факельщик, и тех, которые этого удовольствия были лишены!..

Учителя на уровне эмоций не остаются в нашей памяти, а зря. Поблагодарить бы судьбу за встречу с ними: отъединяясь от нас, ни на что не претендуя, допуская бурсу, они не мешали нам быть самими собой, не мешали нам развиваться по программе, которую заложила в нас природа. Но тогда мы этого не могли оценить, потом — забыли. Учителей на уровне чувств мы вспоминаем с ненавистью, и школу всю жизнь ненавидим — из-за них. Но ведь есть же среди нас и такие, кто вспоминает школу с удивлением и нежностью: «Учительница первая моя...» Прямо слеза прошибает. Ну конечно же, она была факельщицей.

Как мотыльки летят на свет, так ученики тянутся к факельщику. Иначе и быть не может. Вот аргументы:

1) Дети чувствуют гармонию как никто, а факельщик — неустанный потребитель гармонии, и свет, который он излучает, — это отраженный свет гармонии.

2) Факельщик — единственная светлая фигура в унылых школьных коридорах. Отзывчивый, доброжелательный, всепонимающий, всезнающий веселый мудрец, он даже внешне выделяется из суконно-чопорного ряда своих коллег. Улыбка! — без улыбки он немислим. Пластика! — можно подумать, что он учился ей специально; в ней тоже его существо, он немислим без пластики. Наконеч, ритуал — а как же без ритуала! — ведь каждый его урок (как и любое общение) — это священнодействие, в котором он — верховный жрец — пропускает весь мир через магический кристалл истины, добра и красоты. Он заворачивает этим зрелищем и незаметно делает пленницей своей религии доверчивую детскую душу.

3) В жизни ученика факель-

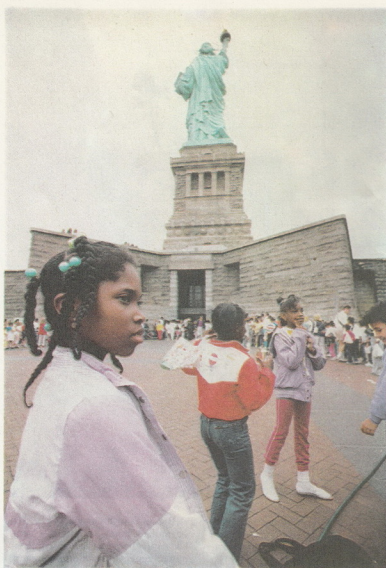

Фото В. Плескина

щик появляется необычайно своевременно. В пору, когда прорезается зрение, когда идеалистическое представление о мире, обо всех его ценностях (дружба, правда, добро) разбирается о скалы реалий этого мира, и все рушится вокруг, оставляя нигилизм, озлобление и отчаяние, — в это время появляется факельщик и говорит: неправда, твой корабль не разбился, все в порядке; взгляни вокруг себя — «и ты увидишь — мир прекрасен...». По сути, он предлагает самый примитивный гедонизм, но этот рецепт так прост, так доступен, так привлекателен (еще раз подчеркнем: это происходит в пору нигилизма, в пору отчаяния, когда эталон гармонии в учени-

ке разорван энергетическим вакуумом), что ученик хватается за него как за спасательный круг — и, получая положительные эмоции, начинает оживать. Ему это нравится; он тянется к факельщику; окончательно доверившись, поверив, что здесь и правда, и красота, и смысл, — он входит с факельщиком в контакт — и вспыхивает сам.

Вот вы и узнали главный секрет неотразимости воздействия факельщика: он делает жизнь ученика осмысленной.

Нас много, мы разные, но никому не удалось и не удастся уйти от трех вопросов, которые поочередно (а иногда — в сочетании) встают перед каждым:

- 1) кем быть?
- 2) как жить?

Итог внимательного взгляда

Раньше говорили — мастер. Сегодня — профессионал. В это понятие мы порой вкладываем различный смысл, но всегда соглашаемся, пожалуй, в одном — в основе. Это — умение человека дело свое выполнить красиво, четко и очень ответственно перед самим собой.

Володя Пчелкин — фотограф-профессионал. Со всеми вытекающими последствиями. Персональными выставками, фотоальбомами, работой по заказам и без них.

У каждого художника есть движущая сила, та внутренняя задача, которая определяет его в искусстве. В окошко видеосъемки виден целый мир. Но у него есть границы. Их ставит автор. Что заставляет фотографа именно сейчас нажать кнопку затвора? Каждого — свое. Любый фотограф похож на Фауста, его «остановись, мгновенье» — принципиальный метод постижения мира...

Может быть, лучшими знатоками фотографий Володи являются поклонники классического балета Большого театра. Стремительная феерия танца на удивление легко умещалась в маленькую коробку фотокамеры.

Синтетическое искусство балета научно фотографа, как самому строить пространство и ставить свет, сочетать динамику движения с точно найденной позой и выразительным цветом. Работа с рекламной композицией — сложнейшим сплавом идеи и формы — вписывается в творческую биографию Володи легко и просто.

Пожелаем ему удачи!
Андрей Лобашинский

Марья Ивановна?» Стереотип жизни Марьи Ивановны они перенимают и делают своим. Стереотип вкуса Марьи Ивановны они перенимают и делают своей мерой вкуса. Секрет потребления гармонии, которым в совершенстве владела Марья Ивановна, они делают главной пружиной своей деятельности. Они становятся жрецами в храме, где поклоняются истине, добру и красоте, но никогда, ни на миг не забывают, что этот храм построила она — любимая, единственная Марья Ивановна.

Чтого стоит прожитое?

Ученики факельщика жалеют людей, проживших жизнь впустую, и сочувствуют им. Но их собственная жизнь наполнена и прекрасна. Сколько книг прочитано! Сколько спектаклей и выставок видно и обсуждено! Столько переговорено в классе, в поле, и в лесу возле класса, и поздно вечером, когда ученицы приглаголи выплакаться, устаться и посоветоваться. Столько учеников идут позади — след в след.

Их удовлетворение прожитой жизнью — несомненно. Их уверенность, что жизнь была прожита счастливо, говорит только о крепости их желудков, способных переварить все; об их нетребовательности. Они просто не знают, что такое счастье, и принимают за счастье, как вы уже поняли, положительные эмоции (независимо от их количества! вот один из секретов Марьи Ивановны: умение замечательно согреться даже у крохотного камелька).

Теперь припомним: когда наша жизнь наполняется смыслом?

Ответ: когда мы переделаем этот мир; когда на дубленой коже этой жизни мы оставим свои неизгладимые насечки; когда мы разрываем свой территориальный императив.

А у факельщика собственная территория ограничена его телом, все остальное — мнимые владения. Значит, жизнь факельщика только озарена смыслом, отблесками его пламени. А наполнена она тем, что он успел переварить — с удовольствием и чувством отлично проведенного времени.

Продолжение следует

3) чего стоит прожитое?

Это не просто три вопроса — это три зверя, которые нас терзают. Сперва — только ум, затем — и совесть, наконец — и душу.

И вся наша жизнь (а для тех, кто не осознает этого или не желает в этом признаться, скажем иначе: ночная жизнь души, жизнь души раскрепощенной, выпущенной на травку, на прогулку в тюремном дворе наших стереотипов) посвящена тому, что мы приучаемся жить рядом с этим зверьем, пытаемся приваждать его к себе, приручить, обучить ходить в наморднике. И ведь многим удается! Или только врут, что удается?..

А для учеников факельщика этих проблем нет. Не можете такого представить? Значит, плохи дела у вашего энергопотенциала, без которого фантазия неспособна развернуть свои крылья. Придется поверить нам на слово: нет у них этих проблем. Вопросы есть, а проблем — нет. Потому что это зверье, прирученное факельщиком, явилось к его ученикам в образе ласковых мурышек, настолько дрессированных, что они уже забыли о существовании собственных когтей.

Кем быть? Ну конечно же, учителем! Таким же, как его любимый учитель. Таким же во всем: в поведении, в деле, в мировосприятии. Принять от него факел, пронести факел через всю жизнь, зажигая, зажигая, зажигая факелы уже своих учеников. Ведь когда-то же этих факелов будет гореть столько, что тьма уйдет совсем и наступит царство истины, добра и красоты.

Как жить? Разумеется, как любимый учитель, сопоставляя каждый свой шаг с ним как с эталоном. Пока он рядом — советуясь с ним не только в больших делах, но и по любому пустяку,

(вот чем неотразим факельщик — он никогда не отмахнется, не пренебрежет — «мелочь», он на все реагирует с интересом, что, впрочем, трудно понять: ведь все это для него — источники самоутверждения; а если проще — источники положительных эмоций),

когда его рядом не будет — сверяясь с его образом: «а как бы поступила на моем месте

Женская красота... Самые противоречивые образы несет в себе это понятие. Каждая эпоха, каждый народ имеет свое представление об Идеале. Да и каждый человек тоже. Это представление нельзя изменить приказами и санкциями. Человечество свободно в своих мечтах. Красота неотделима от свободы. Наверное, поэтому эпохи жестокости и искажений — от средневековья до построеного Сталиным тоталитарного общества — казали женскую магию как ворожбу ведьм, эротику как порнографию и наследие капитализма.

Но сменяются эпохи, рушатся диктатуры, самоуничтожаются империи, а Красота живет. Борьба за нее продолжается. Разные пути выбирают женщины, чтобы достичь желаемого совершенства...

ФОТОРЕПОРТАЖ

Совершенство. Женщины продолжают борьбу

Оксана Киченко — артистка балета Государственного академического Большого театра СССР: «Красив тот, кто чувст-

гия. Не каждая сразу воспримет и поймет красоту культуризма. Но, поняв и приняв ее, становится ясно, что это единственная форма красоты, к которой должен стремиться человек. Мускулистое тело еще в древности являлось культом. Позже ему на смену пришли другие идеалы. И недостатки, которые они породили, пришлось маскировать противоестественными средствами: корсетами, косметикой. Сейчас человечество снова стремится к физическому совершенству. Женщины уходят от румян, от болезненной худобы. Мы так же, как мужчины, хотим владеть своим телом. Строить его. И в силах это сделать».

Елена Евелева — Мартинес — операционная сестра Московского института красоты: «Женщины самоотверженны и бесстрашны. Ради красоты они готовы преодолевать боль, страх и стыд. Они вступают в схватку с Природой — и, с нашей помощью, побеждают. Хотя, как медик, считаю, что красота — это прежде всего здоровье. Как можно меньше сигарет, вина и косметики».

Диана Лобова — студентка Московского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева, демонстратор конкурсного макияжа: «Красота — это мечта человечества. И косметика — одна из возможностей воплотить эту мечту».

...Разные пути выбирают

вует красоту. Способность чувствовать дана человеку природой — и он не властен выработать в себе эту способность. Занятия балетом развивают чувство Красоты. Грустно, что нарастающий сейчас среди молодежи культ физической силы не оставляет места чувствам, подменяя их инстинктами».

Оксана Талагаева — студентка Московского энергетического института со специализацией по робототехнике, занимается атлетической гимнастикой в клубе «Атлетика» — четвертое место на Всесоюзных соревнованиях по культуризму «Каунас-88»: «Нужно отречься от всего. Культуризм — это рели-

женщины в борьбе за Красоту. Как трудно приходится им порой. А нашим женщинам — особенно. Ведь, кроме штанг, балетных тренажеров, изнурительных диет — кроме всего этого, разного для каждой, все они втянуты в общую борьбу, неравную и бессмысленную. Кто посчитает, сколько ночей не смыкали глаз советские женщины, чтоб сшить себе модное платье? Сколько зарплат вложили они в сапожки на каблучках? Сколько часов простояли в очередях за косметикой? Сколько слез пролили оттого, что нечего надеть на свидание? Сколько сил потратили на проблемы, на пустяки, о которых какая-нибудь француженка и думать-то никогда не думала?! На поиск колготок наши женщины теряют драгоценное время жизни, которое могло быть потрачено совсем на другое. Им некогда почитать стихи, заметить полное звезд небо. Поднять голову...

Кто испугит эту вину? Сытые болтуны-чиновники, жены которых упакованы в дорогие шубы и автомобили? До каких пор будет длиться инерция восприятия образа нашей женщины как некоего бесполого суще-

ства в красной косынке и мужских сапогах, торчащего на вышке электрорепердачи с задорной улыбкой? Кто вернет нашим матерям отобранные политическими ошибками жизни, промелькнувшие в суете? Жизни, которых они достойны?

Красоту путешествий, волшебных стран, блеск тканей, нежмущие туфли? Все, что должно достаться женщине без усилий и борьбы.

Алексей Вейцлер
Фото автора

ВАШЕ МНЕНИЕ

Если раньше мы вас, дорогие читатели, просили делать анализ номеров журнала за полугодия, то теперь предлагаем перейти на ежемесячное обсуждение.

Конкурсная основа остается в силе, и вопросы, по сути, прежними.

Итак, шесть вопросов.

1. Назовите лучшую публицистическую статью.

2. Назовите самое актуальное письмо (докажите это).

3. Как оцениваете прозаическое произведение номера?

4. Назовите самый интересный материал.

5. Чего не хватает нашему журналу и, в частности, данному номеру? (Дайте совет).

6. Назовите самую острую — на сегодняшний день — проблему высшей школы.

Последний срок отправки ваших работ — 1 апреля с. г.

Тех, кто даст обстоятельные, подробные ответы, конструктивные, интересные предложения, как и прежде, ждет награда.

Открыта подписка на 1990 год

Напоминаем нашим читателям, что они могут уже сейчас подписаться на «Студенческий меридиан» на 1990 год. Подписка свободная, продлится она до 1 октября с. г. Наш индекс — 70932. Подписная цена на год — 3 руб. 60 коп.

Ст.М представляет: Рой Медведев

Фото С. Панина

Тогда, в 1956-м

Рой Медведев

Предлагаем вниманию читателей отрывок из еще не вышедшей книги Роя Медведева «Н. С. Хрущев. Политическая биография».

Перед съездом партии

Извещение о предстоящем созыве 14 февраля 1956 года очередного XX съезда КПСС было опубликовано в июле 1955 года. В газетах появилась традиционная рубрика «Встретим съезд партии новыми трудовыми успехами». В январе 1956 года были опубликованы тезисы доклада Н. А. Булганина о директивах КПСС к шестому пятилетнему плану, что дало новое обсуждение в печати экономических проблем страны. Одновременно велась работа по подготовке Отчетного доклада ЦК КПСС. В отчете нужно было отразить не только многочисленные начинания во внутренней и внешней политике, которыми было столь богато время от XIX до XX съездов партии. Невозможно было обойти и тему культа личности и его последствий, которая все более волновала советскую общественность.

Хотя в органах Прокуратуры СССР имелись миллионы заявлений от заключенных и их родственников, рассмотрение этих заявлений происходило крайне медленно. В 1955 году было реабилитировано и возвращено домой не более 10 тысяч человек, в основном это были оставшиеся в живых партийные работники 30-х годов. Несколько тысяч человек были реабилитированы посмертно. Это были главным образом видные члены партии, такие, как С. Косиор, В. Чубарь, П. Постышев, А. Косарев, Г. Каминский, В. Антонов-Овсеенко, Р. Эйхе, Я. Рудзутак и некоторые другие. Были реабилитированы и некоторые из известных ранее всей стране писателей, ученых, деятелей культуры, погибших в лагерях и тюрьмах.

В 1954—1955 годах в различных городах страны, в частности, в Ленинграде, Тбилиси

и Баку, прошли судебные процессы по делам ближайших сподвижников Берии, недавних видных работников НКВД — МГБ — МВД. В Ленинграде судили группу работников НКВД во главе с бывшим министром МГБ Абакумовым, на которого было возложено практическое осуществление так называемого «Ленинградского дела». В Баку судили группу работников НКВД и бывших партийных работников во главе с недавним руководителем республики Багировым. В Тбилиси на скамье подсудимых сидела группа ближайших сподвижников Берии во главе с Рухадзе. Хотя в советской печати об этих процессах были опубликованы лишь короткие заметки, но их влияние на общественное мнение было значительным. Процессы были открытыми, на них смогли побывать, сменяя друг друга, тысячи человек из местного партийного актива и недавних политических заключенных. При ЦК КПСС и Комитете партийного контроля, а также в Прокуратуре СССР было создано несколько комиссий для рассмотрения некоторых наиболее крупных репрессивно-политических акций сталинского режима. Изучалось дело об убийстве Кирова и о самоубийстве С. Орджоникидзе. Изучались показательные судебные процессы 1936—1938 годов. Проводилось повторное расследование по делу Тухачевского и его соратников, расстрелянных в 1937 году. Закончила свою работу и комиссия ЦК КПСС во главе с секретарем ЦК П. Поспеловым, которой было поручено изучить вопрос о культе личности Сталина и его последствий. П. Поспелов был одним из авторов биографии Сталина и наиболее активных пропагандистов культа личности. Но возглавляемая им комиссия не могла все же не указать на множество злоупотреблений

властью со стороны Сталина и органов НКВД.

Нельзя было игнорировать и давление со стороны самих заключенных. Хотя большая часть людей, репрессированных в 30-е годы, умерла от голода и тяжелейшего труда и речь в данном случае могла идти только о посмертной реабилитации, однако в лагерях и в смысле продолжали томиться еще миллионы невинно осужденных советских людей. Ликвидация «дела врачей», судебный процесс над Берией и группой его приближенных, реабилитация части заключенных, о которой становилось известно и всем остальным, — все это создавало одновременно и надежду и напряженность. Охрана уже не позволяла вести себя с заключенными с прежней грубостью. Администрация лагерей сама проявляла беспокойство, и это не могло укрыться от заключенных. Отдельные случаи жестокого обращения с заключенными вызывали теперь массовые протесты, кое-где перераставшие в настоящее восстание. Волнения заключенных происходили в 1955 году в Воркуте. В Норильске на шахте «Капитальная» произошло восстание заключенных, часть из которых сумела вооружиться. Сюда прилетел по распоряжению министра внутренних дел С. Н. Круглова генерал Масленников. Восстание на шахте было жестоко подавлено с использованием бронетранспортеров. Погибли сотни людей. Еще более крупные волнения происходили в казахстанских лагерях. Крупное восстание произошло в Кенгире. Оно было также жестоко подавлено с использованием танковых частей. Становилось очевидным, что проблему лагерей надо решать как можно скорее. За несколько дней до открытия XX съезда КПСС Круглов был снят со своего поста, и министром внутренних дел был назначен Н. П. Дудоров.

При обсуждении в Президиуме ЦК КПСС Отчетного доклада Хрущев предложил включить в него специальный раздел о культе личности и его последствиях. Это предложение было отвергнуто по настоянию Молотова, Кагановича, Ворошилова и Мадленкова. «Это не твой личный доклад, а доклад всего ЦК КПСС», — заявили

эти люди Хрущеву. Н. С. Хрущев предложил затем дать возможность выступить в прениях на съезде двум-трем недавно реабилитированным работникам, находившимся в 20—30-е годы на ответственных партийных постах. Конкретно он предлагал дать слово А. В. Снегову, одному из свидетелей по делу Берии, старому большевику, находившемуся в начале 30-х годов на партийной работе в Закавказье, а в начале 50-х годов отбывавшему длительный срок заключения в одном из колымских лагерей, и О. Г. Шатуновской, работавшей ранее на различных постах в аппарате партии, а теперь занимавшейся в КПК расследованием ряда преступлений прежних лет. Это предложение было также отвергнуто большинством Президиума ЦК. «Ты предлагаешь, чтобы бывшие каторжники судили нас», — сказал Каганович. Реабилитированные советские люди оставались для Кагановича «бывшими каторжниками». Впрочем, у него было достаточно оснований бояться предполагаемых разоблачений.

XX съезд КПСС

XX съезд КПСС открылся 14 февраля 1956 года. Хотя после XIX съезда прошло немногим менее четырех лет, состав делегатов значительно обновился, что отражало существенные изменения в составе партийного и государственного руководства в центре и на местах.

XX съезд был первым после смерти Сталина. Однако все делегаты и наблюдатели отметили тот многозначительный факт, что никаких особых процедур в память «великого отца и учителя» на съезде не было предусмотрено. По предложению открывшего съезд Н. С. Хрущева делегаты почтили вставанием память сразу трех «виднейших деятелей коммунистического движения: Иосифа Виссарионовича Сталина, Клементя Готвальда и Кюнци Токуда». После этого ни в докладе, ни в выступлениях делегатов съезда не содержалось никаких восхвалений в адрес Сталина.

С самого начала заседания съезда были весьма насыщенными. Делегаты слышали немало нового и в официальных

докладах, и в речах участников съезда, и в его кулуарах. И действительно, руководству партии было что отметить в своем активе. В отчетный период быстро развивалась промышленность Советского Союза. Наметился существенный сдвиг и в развитии сельского хозяйства. Производство сельскохозяйственной продукции возросло с 1952 по 1955 год более чем на 20 процентов, а доходов колхозников увеличилось почти в два раза. Значительно увеличилось жилищное строительство, расширилась сфера услуг, возросло производство товаров широкого потребления. Укрепилось международное положение СССР, были значительно улучшены связи с независимыми государствами Азии и Африки. Ряд существенных изменений к лучшему произошел в отношениях СССР с западными капиталистическими государствами. В Отчетном докладе было подчеркнуто, что последовательное проведение политики мирного сосуществования создает возможность предотвращения новой мировой войны. Говоря о международном коммунистическом движении, Н. С. Хрущев указал не только на возможность, но и на необходимость многообразных форм перехода различных стран от капитализма к социализму. Было отмечено, что в отдельных капиталистических странах рабочий класс может завоевать большинство в парламенте, что могло бы облегчить здесь мирное развитие социалистической революции. Н. С. Хрущев отметил в своем докладе, что партия взяла под строгий контроль работу органов государственной безопасности и внутренних дел. Однако при этом докладчик ничего не говорил о Сталине. Он отметил лишь разгром «банды Берии».

И все же Хрущев не оставил мысли гораздо шире и серьезнее поставить на съезде тему культа личности Сталина и его последствий. Поэтому через несколько дней после начала съезда Хрущев вновь собрал руководство партии и заявил примерно следующее: «Когда съезд начинает работу, полномочия всех руководящих органов партии заканчиваются, и все главные вопросы полномочен решать только сам

съезд. Я ничего не сказал о преступлениях Сталина в Отчетном докладе от имени ЦК КПСС. Но никто не может запретить мне выступить на эту тему в качестве простого делегата съезда на одном из его заседаний. Если члены Президиума ЦК по-прежнему против этого возражают, то он, Хрущев, обратится непосредственно к делегатам съезда с просьбой заслушать его выступление». Это был вызов той чаше Президиума ЦК, которую не без основания можно было бы назвать «стаинистской». Однако эти люди были теперь не в силах помешать Хрущеву осуществить его намерение. Начались переговоры, в результате которых было решено, что Хрущев выступит с докладом о культе личности, но не от своего имени, а от имени ЦК, и не в прениях, а на специальном закрытом заседании съезда после выборов нового ЦК. При этом никакого обсуждения этого второго доклада Хрущева не будет. Многие члены Президиума ЦК опасались, что при этом ходе событий их уже никогда не изберут в ЦК КПСС. Хрущев согласился на такой компромисс и начал активно готовиться к своему второму докладу, который оказался главным событием XX съезда и главным событием всей жизни и деятельности самого Н. С. Хрущева.

Впрочем, еще до Хрущева кратко, хотя и вполне определенно сказал о злоупотреблении властью при Сталине А. Микоян. «В течение примерно 20 лет, — сказал Микоян, — у нас фактически не было коллективного руководства, процветал культ личности».

Микоян подверг критике ряд ошибок Сталина во внешней политике, он заявил, что «Краткий курс истории ВКП(б)» неудовлетворительно освещает историю партии, много ошибочных положений есть и в последней работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Микоян не только сказал несколько теплых слов в адрес «товарищей Кошиора и Антонова-Овсенко», расстрелянных в конце 30-х годов, но и в более общей форме заявил, что многие партийные деятели времен гражданской войны были неправыми

Н. С. Хрущев.

объявлены «врагами народа» и «вредителями»^{*}.

Если судить по опубликованному летом 1956 года стенографическому отчету, доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях» был заслушан на утреннем закрытом заседании съезда 25 февраля, и что после перерыва на открытом

заседании в тот же день был утвержден проект Директив по шестой пятилетке и были оглашены результаты выборов в центральные органы партии. Сами эти выборы, как можно судить по стенограмме, происходили на закрытом вечернем заседании съезда 24 февраля 1956 года.

Н. С. Хрущев тщательно готовился к своему докладу. Для участия в этом закрытом заседании были изготовлены специальные пропуска. На заседание были приглашены около ста

реабилитированных и освобожденных из заключения бывших партийных активистов, список которых Хрущев просмотрел и утвердил лично. Текст доклада Хрущева не был предварительно заслушан и одобрен Президиумом ЦК КПСС. К тому же Хрущев произносил свой доклад как раз в тот промежуток времени, когда съезд избрал уже новый состав ЦК КПСС, но этот состав еще не был даже объявлен. Невольно возникает вопрос — кто помогал Хрущеву готовить текст его доклада? Как появился на свет этот документ, ставший одним из важнейших документов мирового коммунистического движения?

Известно, что сам Хрущев никогда не писал текстов своих речей и докладов. Письменная речь давалась ему с трудом, и даже в письменных резолюциях Никиты Сергеевича на тех или иных документах можно встретить орфографические ошибки. Когда ему нужно было составить то или иное письмо или текст выступления, он вызывал стенографистку и диктовал ей, чтобы затем помощники или референты провели необходимое редактирование. Иногда он просто поручал аппарату ЦК КПСС (а раньше — аппарату ЦК КП Украины) подготовить текст того или иного доклада. Однако Хрущев при этом давал работникам аппарата довольно конкретные инструкции и рекомендации, а затем внимательно знакомился с подготовленным текстом, внося в него многочисленные добавления. К тому же, выходя на трибуну, Хрущев очень часто отступал от имевшегося у него текста и свободно импровизировал, и именно эти импровизации часто были наиболее интересной частью его речей и докладов. Опытный агитатор и пропагандист, Хрущев легко мог выступить с большой речью без предварительной подготовки, что он часто делал во время своих поездок за границу. Примерно то же самое было и во время его «закрытого» доклада на XX съезде КПСС. Хрущев располагал подробными материалами комиссии П. Поспелова, которая была создана вскоре после суда над Берией и его сообщниками. Хрущев был зна-

^{*} XX съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1956, т. 1, с. 302—328.

ком и с предварительными материалами других комиссий, которые были созданы для рассмотрения отдельных, наиболее вопиющих нарушений законности в период правления Сталина. В 1953—1955 годах Хрущев беседовал со многими реабилитированными членами партии и прежде всего с теми, с кем он был знаком еще до их ареста. Да и собственная память подказывала ему теперь многое, о чем он раньше опасался даже думать. Соединением всех этих разрозненных частей и стал доклад Хрущева. Конечно, сегодня этот доклад можно было бы критиковать за недостаточную глубину или недостаточную широту, за отсутствие теоретического анализа, за многие умолчания. Но в тех условиях, в каких готовился этот доклад, и нельзя было сделать большего. Более того, никто, кроме Хрущева, не решился бы тогда на подобный шаг. Он был единственным в составе партийного руководства, кто был способен с такой смелостью поставить на съезде партии вопрос об осуждении преступлений и ошибок Сталина. Во всяком случае, для делегатов съезда большая часть того, что они слышали сейчас в Большом Кремлевском дворце, было откровением.

Потрясенные делегаты и немногие гости молча слушали этот доклад, лишь изредка прерывая докладчика возгласами изумления и возмущения. Хрущев говорил о массовых незаконных репрессиях, санкционированных Сталиным, о жестоких пытках, которым подвергались многие заключенные, не исключая и членов Политбюро, об их предсмертных письмах и заявлениях. Он говорил о конфликте между Лениным и Сталиным в последние месяцы жизни Ленина и о предложении последнего сместить Сталина с поста Генерального секретаря партии. Хрущев говорил о многих сомнительных обстоятельствах, связанных с убийством Кирова в 1934 году, и недвусмысленно намекал насчет возможной причастности Сталина к этому убийству. Хрущев говорил о растерянности Сталина в первые дни войны и его фактическом дезертирстве в эти дни со своего поста. Именно на Сталина докладчик возлагал

главную ответственность за тяжелые поражения Красной Армии в первый период войны и за оккупацию громадных территорий нашей страны. По свидетельству Хрущева, именно Сталин был инициатором массовых репрессий в послевоенный период. Он уничтожил более $\frac{2}{3}$ членов ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии, а в последние годы жизни готовился к новым репрессиям в ЦК и уже фактически отстранял от участия в руководстве Молотова, Микояна, Кагановича и Ворошилова. На Сталина Хрущев возложил главную ответственность за глубокий кризис советского сельского хозяйства и за многие грубые просчеты в советской внешней политике. Хрущев рассказал о том, что Сталин сам поощрял создание культа его личности, фальсифицировал историю партии и даже вписывал в свою биографию целые страницы, содержащие новые восхваления самого же Сталина.

Прений по докладу Хрущева не было. В постановлении XX съезда, которое было опубликовано лишь несколько месяцев спустя, съезд одобрял доклад Н. С. Хрущева и поручал ЦК КПСС «последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы»^{*}.

Вечером 25 февраля, когда уже был готов стенографический отчет о «закрытом» докладе Хрущева, в Кремль пригласили делегации всех коммунистических партий, присутствовавших на съезде. Каждой делегации дали возможность ознакомиться с содержанием прочитанного доклада, предупредив о его «закрытом» характере. Все экземпляры доклада после этого были возвращены в ЦК КПСС.

Как известно, «закрытый» доклад Хрущева не удалось сохранить в тайне. Да и сам Хрущев, как можно предположить, не стремился к этому. Еще Сталин как-то сказал, что

партийная тайна может быть сохранена только внутри Политбюро и что выносить какой-либо вопрос даже на Пленум ЦК, это значит «выносить его на улицу». Но Хрущев читал свой доклад не на Пленуме, а на съезде партии перед 1,5 тысячами делегатов из всех областей страны. С этим докладом были ознакомлены и многие из гостей съезда. Неудивительно, что не только сам факт проведения закрытого заседания съезда, но и главные тезисы «секретного» доклада уже на следующий день были известны за границей и были опубликованы в некоммунистической прессе. Не слишком настойчивым опровержениям Хрущева мало кто верил, тем более что через несколько недель госдепартамент США распространил полный текст доклада Хрущева в переводе на английский язык.

Мы не будем писать здесь об огромном влиянии доклада Н. С. Хрущева на мировое общественное мнение и на коммунистическое движение в особенности. Отметим лишь, что многочисленные упреки в адрес Хрущева за недостаточную глубину его доклада, отсутствие в нем теоретических обоснований и исторического анализа причин и условий, породивших культ Сталина и облегчивших массовый террор, ограничение критики Сталина только периодом 1934—1953 годов, оставление без внимания преступной деятельности многих ближайших помощников Сталина и многое другое — все эти упреки, при их внешней справедливости, не являются обоснованными. Обстановка внутри ЦК КПСС и в международном коммунистическом движении к началу 1956 года была такова, что Хрущев просто не мог проводить каких-либо продолжительных научных изысканий, подробных обоснований и дискуссий. Любое международное совещание коммунистических партий при участии в нем таких людей, как Мао Цзэдун, Энвер Ходжа, Матиас Ракоши, Вилко Червенков, Болеслав Берут, Морис Торез и других, высказалось бы решительно против разоблачения Сталина. Готовя свой доклад, Хрущев вынужден был конспирироваться от таких лю-

* XX съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1956, т. 2, с. 498.

дей, как Молотов, Маленков, Ворошилов и Каганович. Хрущев не мог еще полагаться и на многих работников следственных органов и аппарата ЦК КПСС. Хрущев в данном случае шел на огромный личный риск, не меньший, чем при аресте Берии и его сподвижников. Нужно было действовать быстро, решительно и самостоятельно, опираясь на поддержку лишь самых доверенных людей. Огромный риск состоял для Хрущева и в том, что и он сам, и многие из его ближайших помощников не были безгрешны, они также несли свою долю ответственности за преступления сталинской эпохи, хотя эта доля была, вероятно, значительно меньшей, чем у других членов партийного руководства. Не обернется ли разоблачение Сталина и против них самих? Когда Ворошилов узнал о намерении Хрущева произнести свой «закрытый» доклад, он воскликнул: «А что же с нами будет?» Но этот же вопрос вставал перед всеми, не исключая и Хрущева. «Посев ветер», не придется ли «пожинать бурю»? Этого заранее не мог знать никто. И все же риск был хотя и велик, но оправдан. В долгосрочной перспективе результаты столь неожиданного для многих разоблачения преступлений Сталина должны были намного превзойти временные издержки. Хрущев предпочел пойти на риск, и мы можем быть только благодарны ему за это.

И в зарубежной коммунистической печати, и в работах советологов всех направлений продолжают дискуссии о тех мотивах, которыми руководствовался Хрущев, решив низвергнуть столь прочно утвердившийся в нашей стране и партии культ Сталина. Это сложный вопрос, и на него нельзя ответить однозначно. Решение Хрущева определялось многими мотивами, и даже сам он, вероятно, не во всех из них отдавал себе ясный отчет.

Часто высказывается мнение, что осуждение самых явных, но при этом далеко не всех преступлений Сталина было предпринято на XX съезде главным образом для того, чтобы рационализировать систему бюрократического управления и даже укрепить привилегии

и власть номенклатуры. Поэтому Хрущев осудил в первую очередь не все незаконные репрессии Сталина против народа, а именно репрессии против партийных кадров. Не был поставлен вопрос о незаконных репрессиях 20-х и начала 30-х годов. Не был поставлен вопрос и о реабилитации тех коммунистов, которые в 20-е годы принимали участие в различных оппозициях и которые с началом массового террора были почти поголовно уничтожены. Иными словами, Хрущев хотел izbавить высшие слои бюрократии от страха репрессий и таким образом усовершенствовать тоталитарную систему. Не секрет, что в 40-е годы даже явные карьеристы боялись подчас выдвижения их на высшие государственные посты. Приближение к Сталину казалось им смертельно опасным.

Конечно, мы знаем теперь, что от террора сталинских лет не был застрахован никто, более того, как раз верхи партийно-государственного аппарата подвергались во все годы сталинского управления особенно жестоким чисткам. Как маршалы Наполеона устали, в конце концов, от войн и опасностей и жаждали спокойной жизни в своих дворцах или целых королевствах, так и секретари обкомов, министры, генералы и маршалы 40-х годов, даже всецело обязанные Сталину своим возвышением, устали от постоянного страха репрессий, от болезненной подозрительности Сталина, от обязанности сидеть по ночам в своих кабинетах, ожидая звонка почти всегда чем-либо недовольного Сталина. Многие из этих «солдат Сталина» устали от необходимости постоянно прибегать к насилию и угрозам в своих областях и ведомствах для того, чтобы выполнить непомерные планы заготовок сельскохозяйственных продуктов или указания о проведении какой-либо очередной «охоты за ведьмами». Эти настроения, несомненно, помогли Хрущеву в развенчании культа Сталина и обеспечили ему на первых порах поддержку основной части партийных кадров. Однако это лишь одна и притом не главная часть истины. Высшая бюрократия хотела ликвидации крайностей сталинского режима, но она не

была заинтересована в открытом его разоблачении, которое в конечном счете могло подорвать и ее власть и авторитет. К тому же в высшем и среднем звене партийно-государственного аппарата было не так уж много людей, не замешанных прямо или косвенно во многих беззакониях прежних лет. Они боялись ответственности за содеянное, и даже полный всецелых оговорок доклад Хрущева казался многим из них чрезмерно рискованным и опасным шагом.

Еще чаще высказывается мнение, что выступление Хрущева на XX съезде было решающим эпизодом в борьбе за власть в верхах партии и государства. Взяв в свои руки инициативу разоблачения сталинских преступлений, Хрущев наносил удар по таким ближайшим соратникам Сталина, как Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов, Микоян, которые могли считать, что у них имеется больше политических и моральных оснований, чем у Хрущева, «унаследовать» власть умершего деспота. Хотя Хрущев в своем докладе и не называл ни одного из перечисленных членов Президиума ЦК КПСС, все знали, как близко эти люди стояли рядом со Сталиным в 30—40-е годы, и потому они не могли быть не замешанными в его преступлениях. Хрущев выбивал почву из-под ног этих вчерашних «вождей», оставляя для них выбор — или склонить голову перед его властью, или быть выброшенными из столь привычных для них «коридоров власти». Очевидно, и в этом мнении есть доля истины.

Многое в поведении Н. С. Хрущева в 1956 году связано и с его достойными похвалы личными качествами. Солдатуны, несомненно, прав, когда он писал, что такое чудо, как роспуск лагерей и освобождение миллионов заключенных, было во многом результатом не политических расчетов, а «душевного движения» Хрущева, сохранившего и в удушью обстановке сталинского времени способность к добрым делам и к раскаянию. Н. С. Хрущев в гораздо большей мере, чем кто-либо другой из членов сталинского Президиума ЦК, сохранил еще связи с рабочими и с деревней. Тяжелое положение

рабочих и особенно крестьян действительно волновало Хрущева. Его волновало также и тяжелейшее положение миллионов заключенных, безо всякой вины брошенных на многие годы в лагера и тюрьмы.

Мы склонны, однако, думать, что многие поступки Н. С. Хрущева в первые годы его руководства определялись в какой-то степени и теми качествами кадрового партийного работника и профессионального революционера, которые были характерны для партийных руководителей среднего звена в 20-е годы и которые Хрущев сумел, по крайней мере частично, пронести через всю свою жизнь. Упрощая во многом действительность, можно сказать, что в высшем эшелоне партийных руководителей, возглавивших революцию, не было достаточной сплоченности, это поколение не смогло избавиться от последствий острых фракционных схваток в предреволюционные годы, эмигрантских склок, теоретических разногласий, от борьбы личных амбиций. Ленин был общепризнанным авторитетом и вождем партии, но после его смерти борьба в высших слоях партии была почти неизбежна не только из-за различия во взглядах, но и как борьба за власть.

Второй эшелон, или второе поколение партийных руководителей, выдвинувшихся в годы революции, гражданской войны, разрухи и в трудные годы нэпа, было более сплоченным, хотя и менее подготовленным с теоретической точки зрения. Работая на местах, в условиях анархического или враждебного к ним мелкобуржуазного окружения, эти люди относились друг к другу, как правило, с полным доверием и с той особой дружбой партийных функционеров, которая сродни солдатской дружбе или дружбе закаленных в боях офицеров, спаянных к тому же единством интересов. К этому слою руководителей относились такие люди, как Киров, Орджоникидзе, Косиор, Чубарь и другие, которым к началу революции было около 30 лет. К этому же слою относились и такие более молодые работники, как Хрущев, которым к началу революции было около 23—25 лет. Непосредственно к

этому же слою примыкали и более молодые революционеры, такие, как А. Косарев и Николай Островский. Внешняя простота и даже грубость Сталина больше импонировала этому среднему слою партии, чем утонченная образованность и высокомерие Троцкого или ученый догматизм и интеллигентская нерешительность Каменева и Зиновьева. Эта поддержка в большей мере определила победу Сталина над «левой» оппозицией, чем теоретические разногласия.

Второй эшелон руководителей революции состоял в основном не из теоретиков, а из людей действия, хотя не все, что они делали, заслуживает одобрения. Были, впрочем, среди них и начинающие теоретики, новая партийная интеллигенция, которая не успела, однако, развернуть свои потенциальные возможности. У этих людей было много как достоинств, так и недостатков,— их отличала простота отношений, готовность к жертвам и риску, дисциплина и твердость. Еще в 20-е годы Сталин пытался разрушить солидарность этого слоя партийных функционеров, ему удалось, однако, это сделать лишь частично. После XVII съезда ВКП(б) именно эти люди составили большинство ЦК ВКП(б), они возглавляли почти все обкомы партии и обкомы комсомола. И именно эти люди, сохранявшие еще лояльность к Сталину, были почти полностью уничтожены физически в годы террора 1937—1938 годов. Н. С. Хрущев уцелел, приняв многие правила поведения, навязанные Сталиным. Но он так и не стал «настоящим» сталинистом. В глубине души он всегда сомневался в виновности своих старых друзей и ближайших руководителей, он не смирился с их гибелью, пусть и открывшей ему самому возможности более быстрого продвижения в партийной иерархии.

Возглавив Секретариат ЦК КПСС и разгромив в союзе с Маленковым, Булганиным и Жуковым группу Берия, Хрущев был озабочен не только хозяйственными делами, но и восстановлением доброго имени своих прежних друзей и соратников. Он почти сразу вернулся из ссылки семью своего друга

по Московскому горкому партии С. З. Коратного, а также оставшихся в живых членов семей С. Косиора, А. Косарева и других. Многие из того, что он слышал от них, и для Хрущева было открытием, вызвавшим горечь и возмущение. И это в немалой степени стало побудительным мотивом для той настойчивости, с какой Хрущев добивался постановки своего доклада на XX съезде партии. И нелепо критиковать этот доклад «за недостаточную теоретическую глубину». Хрущев сделал его как умел. Решительное разоблачение пусть даже и не всех сталинских преступлений было личной инициативой и личной заслугой Хрущева. Оно останется главным подвигом его жизни, перекрывающим и все его прежние и все последующие ошибки. Н. С. Хрущев вошел и останется в истории в первую очередь благодаря XX съезду партии, и этому не помещает то полное замалчивание его имени, его деятельности и его заслуг, которое продолжалось в советской печати более 20 лет.

От редакции. Мы надеемся, что наши читатели с интересом приняли новую рубрику «Политический семинар». В последующих номерах она будет продолжена. И продолжена, надеемся, не только профессиональными экономистами, историками, философами. Приглашаем к продолжению разговора всех, кого волнуют затрагиваемые нами темы, кто имеет свою позицию, свои суждения на сей счет. Ждем ваши отклики.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Разговор о прошлом

Валентин Распутин

1000-летие крещения Руси — дата настолько великая и многозначная и несет в себе так много всего, что относится не к одной лишь религии, что составляет историю, искусство, народное мировоззрение и чувствование, народный характер и душу, уклад жизни, традиции, язык; наконец, мораль, духовное звучание мира... Выбор, сделанный тысячу лет назад князем Владимиром Святославовичем, имел для нашей Родины столь огромные последствия, что у нас сегодня нет возможности приблизиться к их полному осознанию. Это можно сравнить с тем, что, имея землю, Русь получила небо, а славянин, имея тело, получил душу.

Тысяча лет прошло... Срок этот кажется археологическим. Но стоит примерить к нему свои лета, он приблизится настолько, что впору отводить глаза. В сравнении с моими 50 это всего в двадцать раз больше. Рядом. В сравнении с возрастом молодого человека больше всего в 40—50 раз. Все равно рядом. Из сегодня вымеряется еще, что Русь крещена была как раз на половине от начала христианства, к концу первого тысячелетия, и в этой равнозначности двух эпох, выпавших на наше время, есть что-то и волнующее, и пугающее, и обнадеживающее. Волнующее избранностью нашего поколения — именно мы прихлясь на эту дату, нам дано почувство-

вать и понять смысл не только происходящего сегодня, но и происшедшего за тысячелетие. Сможем ли, сумеем ли, осталось ли у нас для столь огромной работы чувство, сохранились ли меры для измерения духовных перемен — пугающее из-за этой ответственности и неуверенности в себе. Пугающее, кроме того, исполненностью сроков, в которые не оспаривали и не утешали человек. В великих датах всегда чудится что-то от затмения, когда, заканчивая круг, конец сходится с началом, и поступательное движение до того, как определиться новому кольцу, приостанавливается, свет меркнет. Но больше всего в этом событии обнадеживающего. Оно, обнадеживающее, происходит из той же любви и того же тепла к человеку, на которых возникло христианство. Должен быть и у России свой покровитель. Вспоминается, что, когда праздновала она пять веков от своего крещения, состоялось полное освобождение от татаро-монгольского 250-летнего ига.

Что-то величественное и судьбоносное невольно ожидается и теперь. И хотя считается, что откровение посещает человека в часы страдания, а народ — в годину испытаний, — так ведь пострадались и напечаловались с избытком, по мере страдания Россия должна быть избранницей неба и не без оснований рассчитывать на искупление.

В «Повести временных лет», одном из самых древних письменных памятников Руси, есть рассказ о том, как князь Владимир устроил испытание религий. Свои услуги Руси предлагал ислам — от волжско-камских булгар, предлагал со стороны хазар иудаизм, были послы и от римского папства. Владимир Свяtosлавович, ставший крестителем, избрал византийскую ветвь христианства. Неверно было бы делать предположение, что выбор зависел лишь от него и что при другом ходе событий мы могли оказаться магометанами или иудаистами. Владимиру ничего другого и не оставалось, как склонить голову перед православием, это предопределено было склонностью народного характера, степенью его отзвучивости на тот или иной призыв. Сосудистая

система славянина подходила для учения Христа, другие учения вызвали бы в нем болезненные, а вероятней всего, губительные последствия, при которых народ оказался бы жертвой и мог исчезнуть, как это произошло с хазарами. Энгельс сказал: «Ислам — это религия, приспособленная для жителей Востока». Так и христианство в том его направлении, центр которого находился в Византии, было приспособлено для Руси и не случайно потом нашло в России главную опору. Как руководительная идеологическая сила, религия слишком влияет на духовные черты своей паствы, но до того, как влиять на нее и менять ее, религия должна иметь с нею родство, какой-то природный магнетизм должен их притягивать друг к другу. Тут, грубо говоря, дело в сорте веры, с одной стороны, и в душевных залогах народа — с другой.

Христианство стало утверждаться в Киевской Руси с переходом ее в феодальные формы государства. «Чтобы освятить их», — говорят историки. И их освятить, это само собой, религия заинтересована в крепком государстве, поскольку она становится частью государственного организма, но самое главное — чтобы освятить человека, привести его жизнь в соответствие с моральными законами, вдохнуть в него вечность, дать внутреннее зрение, показать на поле в его душе, которое требует возделывания с немалой старательностью, чем поле хлебное, и постоянно засеивать его любовью. Любовь — первое слово и дело православия, его знамя. Житель Древней Руси не был таким варваром, как по прошествии тысячи лет с позиций варварства просвещенного нам представляется сегодня, но и он не знал, как не знаем мы этого сейчас снова, как воспользоваться собой, не видел ясно цели своего прихода в жизнь. «Родила козявка козявку, козявка поползала и умерла», — нет, с этим человек никогда не согласится. И если он не найдет цели, он скорее уничтожит себя, чем станет жить с хаосом в душе и обходиться прожиточным минимумом духовного суррогата.

Не забудем: став господст-

вующей идеологией и борясь с язычеством, христианство на Руси тем не менее отнеслось к нему терпимо, это было не выкорчевывание древних верований, а отнесение их своим авторитетом и приспособление для своих нужд. И если мы до сих пор несем в себе языческие отголоски, так потому именно, что предкам нашим было оставлено для них место, что учение, пришедшее на смену предыдущему, составленному, казалось бы, из одних предрассудков, нашло нужным считаться с его природной укорененностью. Когда передовое приходит на смену устаревшему, если оно действительно передовое, оно не способно начинать с решительного уничтожения прежнего верования. Только не уверенная в себе сила, только сила, не имеющая иных аргументов, способна на насилие. По нравственному закону, существующему в мире единым итогом, независимо от учений, всякое насилие в конце концов наказуемо, хотя наказание и может растянуться на поколения.

Восточное христианство, наложившись на природу славянина, выработало из него особый духовный тип. Внешне это незаметно, но все духовное и не принадлежит к внешним чертам. Хотя и на них влияет. Два направления христианства с центрами в Риме и Константинополе за одно и то же дело по строительству человека принялись как бы с разных концов. И ни там, ни там не закончили его, увлекшись своей правотой и своей стороной строительства. К тому же русское православие пошло в своих отягчениях дальше византийского — оно было свободней, терпимей, идеалистичней. Русский человек за века православия развивался в фигуру неопределенно мечтательную, чувственную, менее практическую, чем человек Запада. В западном человеке первенствовало внешнее устройство жизни, в нашем — душеустройство, чувство родства с другими народами. Для одного важней была форма, для другого — содержание. Будучи сыновьями одной матери, они происходили как бы от разных отцов и могли считаться сводными братьями. Когда бы удалось свести достоинства друг друга, получились

бы, вероятно, личность, которая устроила бы ее без трагического разлада с собой. Любое дело православный начинал с чувства, с молитвы, с грез, католик — с чертежа, с формулы, с уверенности в его успешном окончании. Один — дитя цивилизации со всем лучшим и худшим, что несет в себе это понятие, другой — дитя представлений и иллюзий также со всем тем, что есть в них противоречивого, бросающийся торопливо за материальной цивилизацией всякий раз, когда выяснялось, что мир избрал путь, мало согласующийся с его представлениями. Для одного причиной радости бывал успех, другой умел радоваться без всяких внешних поводов, только потому, что существует радость. Точно так же для одного страданием было нарушение его планов, какой-либо разрыв в увязанном им воедино мире, другой полюбил страдание за страдание, за то, что оно дает возможность уйти в себя еще глубже, чем при радости. Только в России могло явиться поклоение страданию и привычка к нему. Полярность, обрывистость, противоречивость русского характера, трагические его изломы нужно объяснять, вероятно, прежде всего тем, что ход вещей не отвечал его верованиям и надеждам. В Европе и религиозное чувство имеет свое вычисление и объяснение, у нас, как сказано Достоевским, «сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения не подходить; тут что-то не то, тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеисты». На Западе скажут точно, в России много вот этого «как-то, что-то, почему-то», происходящего не от недоуманности, а от обращения к тому, что и нельзя додумать, что относится к миру надчеловеческому.

У нас науку души, преподаваемую церковью, восприняли всерьез, она стала основанием святоотеческих начал и распространялась далеко. Она родила у нас в прошлом совсем особую литературу, ни на какую другую не похожую, и если вы хотите знать, чем был русский человек в XIX веке, ищите его самого и душу его в книгах Гоголя, Лескова, Достоевского, Толстого, Фета и Тютчева. Вер-

шинные творения духа — это и есть направление нации; среднеарифметический русский тип был, разумеется, иным, но он должен был чувствовать свою попутность этому направлению; оставалось продолжить движение. Величие русской литературы — в высоте ее взгляда; вероятно, в законах физического зрения и оптики не существует такого соотношения, что чем выше поднимаешься, чем дальше отстоишь, тем глубже и лучше видишь. Для этого требуется духовное видение, когда писатель достигает пределов, в которых ему передается зрение истины. Великие мастера есть всюду, во всякой большой литературе, во всяком развитом искусстве. Русская литература прошлого века выделялась не одной лишь талантливостью, талант — это возможности

художника, талант может быть и разрушительным, — она выделялась больше всего своей духовной буквой, поисками в человеке ростков, из которых могут взойти искупительные действия, поисками того, что нового появилось в нем в результате духовной эволюции. Несмотря на свою горячность, неистовость и разоблачительность, она писалась словом питательным, словно бы пропущенным через какой-то особый состав, который способен восстанавливать силы.

Не забудем: школа старчества в русской церкви, в которой до сих пор светят живоносные имена Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского, Тихона Задонского и других, а также последних оптинских старцев Амвросия и Нектария, была и школой русской литературы.

Совершенно отличной (и в смысле отличительности, и в смысле превосходности), происходящей из православия и славянской почвы, была в конце прошлого — начале нынешнего века русская философская мысль. Она созрела к этому времени до небывалых урожаев, которыми нынче мы, к несчастью, почти не пользуемся. Леонтьев, Соловьев, Федоров, Федотов, Розанов, Шестов, Бердяев, Флоренский, Булгаков, Трубецкой, Франк и другие привели ее к Ренессансу в философии, к невиданному взлету.

Главное отличие ее было не в открытиях ума, не в формальных и отвлеченных построениях, не в архитектуре мысли, завезенной на спор и доказательств, а в пластичности, удобности, красоты, обая-

тельности мысли, в которой ум руководится душой, а духовное и мирское сходятся в человеке без всяких усилий. Похороненная наполовину в родной земле, наполовину в зарубежье, в нашей стране она не имела почти продолжения. Не стану утверждать, что мы самый нравственный народ в мире, особенно теперь, когда и нравственность из образа перешла в звук, но русская мысль тогда в вопросах духовно-нравственного бытия человека сказала так много, что могла бы считаться катехизисом новейшего времени. Предреволюционному обществу нужно было заткнуть уши, чтобы не услышать ее предупреждений и отделаться брашью.

Изыскания искусства и вообще повсюду должны бы быть искусством богоделания. Под богоделанием надо понимать любвестроительство, возведение единого храма красоты и братства. Все, что не отвечает этому требованию, не есть искусство, и чем лучше в таком случае исполнено произведение, чем ближе оно к искусству подобием его, тем вредней. Оно есть строительство соблазна, есть разрушение человека. Века и века в великих муках шел человек к себе, шел, как бы боясь себя — того, к которому надобно стремиться, по тому же самому необъяснимому закону, по которому сказано: «Конец приближится, когда евангелие будет проповедано везде». И неблизко еще, надо думать, было ему до себя, впереди высматривались труды и труды; и когда соблазн стал истекать из всех пор, в том числе и из искусства, когда принялись в голос со всех сторон говорить ему, что не туда он идет, что спасение не там, а гораздо ближе, — надо ли удивляться, что не удержался человек на избранном пути?

Соблазн одного человека — это соблазн, ошибка; соблазн общества — это прогресс.

Не только литература, не только философия, но и музыка, живопись, архитектура достигли в России к концу прошлого века вершинной отметки — словно оттуда, с высоты, прощаясь навсегда с искусством, которое, переродившись, примет скоро уничтожить свои же собственные идеалы и проповедовать духовное «ню».

Лев Шестов, философ, пытается разгадать Достоевского, делает одно удивительное, в духе русской мысли, предположение: «В одной мудрой древней книге... рассказано, что ангел смерти, слетающий к человеку, чтобы разлучить его душу с телом, весь сплошь покрыт глазами. Почему так, зачем понадобилось ангелу столько глаз — ему, который все видел на небе и которому на земле и разглядывать нечего? И вот, я думаю, что это глаза у него не для себя. Бывает так, что ангел смерти, явившись за душой, убеждается, что он пришел слишком рано, что не наступил еще человеку срок покинуть землю. Он не трагует его души, даже не показывает ее, но, прежде чем удалиться, незаметно оставляет человеку еще два глаза из бесчисленных собственных глаз. И тогда человек внезапно начинает видеть сверх того, что видит все и что он сам видит своими старыми глазами, что-то совсем новое».

Кажется, только этим зрением и можно объяснить у Достоевского «Легенду о Великом Инквизиторе», словно бы не вымышленную, а считанную глазами ангела с текста, составленного помимо человека. В ней, в «Легенде», и воспоминание, и объяснение, и пророчание, далеко выходящие за опыт одной жизни. Эти мысли, эти образы, эти горькие истины могут, кажется, лишь протекать через русло избранника, считающегося их создателем. Вопросы соответствия природы человека его христианскому назначению, то есть возможностям и целей, практики и идеалов, земности и небесности человека — без них при всяком серьезном размышлении о наших судьбах не обойтись. Великий Инквизитор в «Легенде» вопрошает у Христа, которого по его приказу взяли:

«Так ли создана природа человеческая, чтобы отвергнуть чудо и в такие страшные моменты жизни, моменты самых страшных основных и мучительных душевных вопросов своих оставаться лишь со свободным решением сердца? О, ты знал, что подвиг твой сохранится в книгах, достигнет глубины времен и последних пределов земли, и понадеялся, что, сле-

дую тебе, и человек останется с богом, не нуждаясь в чуде. Но ты не знал, что чуть лишь человек отвергнет чудо, то тотчас отвергнет и бога, ибо человек и ищет не столько бога, сколько чудес. И так как человек оставаться без чуда не в силах, то насоздаст себе новых чудес... Ты не сошел с креста, когда кричали тебе, издеваясь и дразня тебя: «Сойди со креста, и уверюем, что это ты». Ты не сошел потому, что опять-таки не захотел поработить человека чудом и жаждал свободной веры, а не чудесной. Жаждал свободной любви, а не рабских восторгов невольника перед могуществом, раз навсегда его ужаснувшим. Но и тут ты судил о людях слишком высоко, ибо, конечно, они невольники, хотя созданы бунтовщиками. Озрись и суди, вот прошло пятнадцать веков, поди посмотри на них: кого ты вознес до себя? Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем ты о нем думал. Столь уважая его, ты поступил, как бы перестав ему сострадать, потому что слишком много от него и потребовал, — это кто же тот, который возлюбил его более самого себя! Уважая его менее, менее бы от него и потребовал, а это было бы ближе к любви, ибо легче была бы ноша его».

Этим словам Великого Инквизитора нельзя не ужаснуться. От них веет холодом, в который оказалась погружена истина. Они верны, но — той правдой, что выпадает в осадок. «Менее бы потребовал — легче была бы ноша». Но результаты выйдут при тяжести ноши, от человека ждали результатов, и требовалось от него ровно столько, чтобы быть человеком. Меньше — получался недорост, искривление позвоночника, уродливость фигуры от несоответствия, несогласованности между внешним и внутренним.

Так оно в конце концов и случилось. Человек не выдержал своего предназначения. Он себя не выдержал, своих противоречий, которые хителю скорей примирить, и примирять их он взялся необременительным способом «поверх добра и зла». Так было проще, чем пожеждать в себе зло. Он так долго не побеждалось, что он счел себя уставшим и свободным от борьбы.

Можно ли говорить сегодня об этом как о чем-то уже состоявшемся, что человек окончательно сдался, что начертанные ему заветы уже никогда не будут исполнены? Чей язык повернется, чтобы произнести подобный приговор, ведь жизнь продолжается, продолжается и борьба, немало пришлось бы перечислять и старых духовных крепостей, и новых общин, в которых возвращается ныне память к заветам отцов, и все же в сравнении с тем, чем был человек хоть и сто лет назад, теперешняя его фигура и пути, которыми он руководится, заставляют и надежды высказывать неопределенно и робко.

Конечно, это произошло не вдруг, не так, что взял и отказался человек от авторитета веры и пошел искать авторитет силы; вместо того чтобы вести борьбу за себя, кинулся в борьбу за переустройство мира; не справившись с собственной свободой, не став братом ближнему, потребовала всемирного братства и освобождения всех. Еще в 1848 году Ф. И. Тютчев, размышляя о европейской революции, уверен был: «Тысячелетние предчувствия не могут обманывать, Россия, страна верующая, не ощутит недостатка веры в решительную минуту. Она не устратится величия своего призвания и не отступит перед своим назначением». Но пройдет всего несколько десятилетий, и соблазн чуда, соблазн скорого и окончательного устройства людского счастья охватит русское общество. Великий Инквизитор предрекал, что во имя хлебов земных пойдет человек на любое преклонение, что «нет заботы беспрерывнее и мучительнее для человека, как оставшись свободным, сыскать поскорее то, перед чем преклониться».

Русская церковь и свою вину должна чувствовать в том, что, уверившись в истинности и неизбывности своего учения, исходя из принципа свободной веры, она оказалась безжалостной, когда началось общее смятение жизни в идеалах, запросах, а со смятением в огне, который все раскалял и раскалял новые вероучители, началось кипение социальных страстей. Но ведь и вера — это не только утешение, но и обуза. С развитием наук, с появле-

нием открытий в технике, экономике, обещающих легкие хлеба земные, с появлением мэрлаби, издевающейся над грехом, философии, отрицающей старые истины, при всеобщем бунте ввиду близкого и манящего рая — это был не просто соблазн, это был экстаз, спасительный исход, торжество человеческой природы. Христианские лозунги: свобода, равенство, братство! — принесены были на иные полотна и наполнены иным смыслом. Герцен обринул, кажется, в отношении к Европе: «Свобода! Равенство! Братство! — или смерть!» Русский философ К. Леонтьев, считающийся реакционным, не без досады заметил: «В «социальном строе» один везет, а девятеро лодырничают... И думается: «социальный вопрос» не есть ли вопрос о девяти дармоедах из десяти, а вовсе не о том, чтоб у немногих отнять и поделить между всеми. Ибо после дележа будет четырнадцать на шею одного трудолюбца, и окончательно задавят его. Упразднить же себя и даже принудительно поставить на работу они никак не дадут, потому что у них большинство голосов, да и просто кулак огромное».

Это уж совсем про наши дни. Еще опаснее ныне, чем «большинство голосов и кулак огромное» при добывании хлеба, подобное же преимущество при добывании истины. Но тут разница вдесятеро больше. Образование (я говорю не об одном лишь нашем образовании, весь мир свернул на приобретение знаний двигательного свойства), образование занято тем, чтобы увести человека от главных законов бытия и снабдить его усовершенствованной системой и технологией пробуждения от рождения до смерти. Малограмотная деревенская старуха сейчас к истине ближе, чем профессор, читающий общественные науки. Близко к тому, чтобы сказать: ученые — тьма... «Хлеба и зрелищ!» — стало смыслом жизни. Всякий, кто пытается напомнить о душе, о совести, о назначении человека, о смысле его жизни, вынужден сталкиваться с тем, что понятия эти из руководительной духовной династичности переведены в обслуживающий персонал и набиты чехулой. Если же начинаешь допытываться до

старых их смыслов, говорить о вечности, о ценности души, об единственно спасительных путях — неминуемо попадаешь в разряд ретроградов, реакционеров и обскурантистов. Ловкость прогрессистов, умеющих предавать дружной анафеме любого, кто пытается пользоваться памятью, а не доминировать, словами истины, а не построений, чувствами глубинных заповедей, а не выносом времени, — ловкость эта удивительна и всеильна. Не всегда это, вероятно, злоумышленники, но что из того нам, если заблудители и заблужденные соединяются, растут, если многое делается по неведению и темноте души.

Посмотрите, чем занято общество: химизация, политехнизация, научная организация, сейчас — компьютеризация. И только одним оно не занято — гуманизацией, еще не отмененной окончательно, но задвинутой в такой угол, откуда шепот ее почти не слышен. Только одним пренебрегает общество, сочтя ее устаревшей, подобно технологиям, азбукой — духовностью. Едва ли надо сомневаться, что в результате предпринимаемых сейчас усилий хлебом земным мы сможем накормить человека, но это произойдет по правде Великого Инквизитора, по которой человек принадлежит только доду. Все это опять-таки будут средства жизни, средства, накалаживаемые на средства, средства, продолжающие средства, а как быть с вопросом: во имя чего наша жизнь? — с вопросом, который начинает голодать нас не меньше, чем потребность в хлебе.

«Плоть рождает плоть, дух рождает дух», — сказано Христом. Из плоти дух не родится. Но если человек все еще человек, если не опустился он до подобия человеку, он не сможет согласиться с одной лишь плотью. И встретит он: «Дух! Дайте мне дух!» — или я откажусь от своих учителей, прокляну новые божества, лишившие меня духа! И произойдет это тем скорей, чем скорей человек будет накормлен. Религия потребительства, пытающаяся встать над всеми религиями мира, которой пока все еще соблазняется человек, не может иметь будущего, ибо ею удовлетвориться нельзя.

Уныние, отчаяние, неверие признаются, как известно, христианским грехом. Не будем же и мы предаваться отчаянию. Выход, если мы захотим им воспользоваться, есть, он известен давно. Он — в нравственном перерождении человека, в самостроительстве, в самовоспитании из тех духовных начал, которые мы продолжаем в себе носить, в опамтовании и высветлении разума...

И сегодня, празднуя великую дату русского христианства, дату, которая сама по себе не может не явиться огромным соборным действием, призванием всего лучшего, что осталось в нации, под единые знамена, — празднуя, не забудем...

...Не забудем, что во многом благодаря соединительному духу церкви народ наш выстоял в века иноземного порабощения...

...что воспитался он в один из самых отзывчивых народов мира...

...напитал в недалеком прошлом великое искусство и великую мысль, образцы великоученичества во славу души и истины...

...Не забудем, что в последнюю войну русская церковь под колокольный звон всей верующей России отправила на фронт танковую колонну.

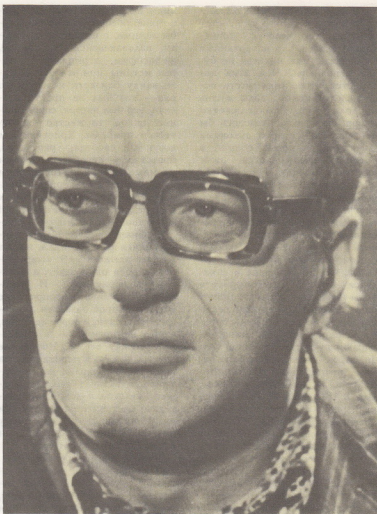
А коль не забудем, коль подхватим память сознанием, а сознание подхватим действием, значит — живы.

СОКРОВИЩЕ МЫСЛЯЩИХ

«Корень учения горек, но плоды его сладки» — так называлось сочинение, которое вслед за гимназистом Алексеем Лосевым писали через 70 с лишним лет наши читатели.

Итог конкурса подведен. Лучшими признаны: Л. Новикова, С. Вагильева, Н. Арутюнян, Е. Тимошина, А. Рахимжанова, Е. Шанеткина, А. Урустемова, С. Карпачева, В. Кимосова, О. Жасан, А. Мачигов, А. Миронов, А. Алебастров, Н. Лишке, А. Суранчиева, И. Свирина, Е. Казанцева, О. Полухина, О. Ландо, Ш. Нугманова, В. Петрушков, Л. Лопатина, Б. Тарасевич, Л. Чигин, М. Додонова.

Они награждены книгой Алексея Федоровича Лосева «Дезертизм духа».

ВСТРЕЧА

Виктор Коневский: завещанное слово

«...Время нынче очень уж серьезное, и надо бы нам всем, хоть напоследок, нравственно обняться...»

Ю. Казаков в прощальном письме В. Коневскому, написанном 21 ноября 1982 года — за несколько дней до смерти.

Архив Казакова практически весь погиб. Черновики он любил уничтожать сам. А другие документы и письма долгое время после его смерти валялись в пустом доме в Абрамцево. И хулиганье, которое зимой дала по

пригородным дачам, использовало бумажки для растопки печей.

Я считаю Юрия Казакова лучшим стилистом моего поколения. Своей прозой он попытался восстановить и в самом себе, и в читателях послевоенных лет радость жизненной плоти. Эта живая радость, которая порой бывает животной, дана человеку, дабы немного скрасить ему мучительность духовного существования. Мы, хлебнувшие военного лиха, к пятидесяти годам утратили вкус, обоняние, наслаждение видом

тонкого стекла, цветом напитка...

Согласен с оценкой Трифонова, написавшего в 1977 году по случаю 50-летия Ю. Казакова: «Сейчас много и дельно хвалят писателей так называемой деревенской темы, имена их общеизвестны, но вывод из потока статей таков, будто хвалящие авторы выступили на этой ниве зачинателями, а мне сдается, что некоторые мотивы, разработанные Шукшиним и Беловым, впервые прозвучали в ранних рассказах Казакова». Добавлю от себя еще, что Казаков был полон исторического оптимизма, что свойственно было в полной мере и Чехову.

Твардовский сердился на Казакова за «слишком усердно эксплуатируемую детализацию всевозможных запахов», ибо считал эти запахи эпигонством — от Бунина. А дело-то в том, что после потери слуха и только частичного его восстановления у профессионального музыканта Казакова обострились другие органы чувств — в первую очередь обоняние. Поэтому он и про собак так любил писать.

— Что делало в основе вашей дружбы?

— Сближило нас прежде всего одинаковое стремление к красивому. Я всю жизнь живописью занимался, а в основе живописи, как известно, лежит эстетическое начало. Цвет, тон, краска, колорит — все это напрямую связано с красотой. А Юра с детства увлекался музыкой. Он играл на контрабасе. В пору борьбы с джазом остался без работы и вынужден был целиком переключиться на писательство. И у меня стремление к живописи сменилось писательством — так что это у нас совпало.

Но главное, конечно, то, что мы оба считали — искусство должно помогать людям жить, а помогать оно может только через красоту. Сближали еще тяга к путешествиям и моя профессиональная морская работа: у многих сухопутных людей есть такая светлая зависть к тем, кто плавает. Я не видел человека, который не хотел бы «поплавать»...

— Виктор Викторович, кто для вас был психологически более совместимым, если бы,

скажем, довелось жить в одной каюте?

— Ну, во всяком случае, не Юра Казаков. Я думаю, что мы бы с ним быстро поссорились, несмотря на всю дружбу. Я ушел в тяжелые, длительные рейсы — по 7—9 месяцев без захода в советские порты. Например, Северный морской путь. Или Антарктида. Психологическая нагрузка от несовместимости за время такого рейса чрезвычайно обостряется. А Казакова легким человеком назвать довольно трудно. Поэтому я бы предпочел плыть с профессионалом, который за кормой оставил много тысяч миль и знает, как это важно — уметь сдерживать свои высказывания, приспосабливаться к другому человеку.

— Что же объединяло вас и Казакова?

— Настроенческая проза. Когда мы начинали, она приближалась в своей сути к музыкальности. Не могу назвать музыкальной прозу самых гремящих сегодня книг — романы «Дети Арбата» и «Белые одежды». Я все-таки явственно вижу, насколько даже в лирических местах авторы утрачивают способность настроенческой прозы. И даже такая близкая для моей души и любимая мною книга, как «Печальный детектив», хотя в самом уже названии здесь есть настроение. Причем это настроение удивительным образом Виктор Петрович Астафьев в финале находит-таки и воплощает в рассуждении героя о том, какое счастье есть внутри семьи. «Просто семья» может родить счастье и радость, о которых говорит Юрий Казаков. Но воплощение в самой прозе этого настроения в значительной степени сегодня в литературе утрачено.

Острые социальные вопросы стали вытеснять высокое художественное качество прозы. Но проза должна быть художественной, тогда она несет в себе свет и то утешение человеку, которое помогает ему потом бороться...

И вот Юрий Казаков, несмотря на очень трудную свою литературную биографию и на то, что часто писал очень грустные рассказы, все равно твердо проповедовал необходимость красоты и света в литературном искусстве. Еще в конце 70-х го-

дов он писал мне о начинающем в те времена прозаике Викторе Лихоносове: «Я думаю, что радость такая же сторона жизни, как и несчастье. Ее может быть меньше, но она есть, и можно очень честно писать об этом. Она, то есть радость, очень сейчас подмоченная во мнении думающего читателя. И как-то даже мы стесняемся иной раз писать оптимистические вещи, ибо оптимизм иной раз у нас спекулятивен, фанфаронен, а я говорю о другом оптимизме, вытекающем из естественной необходимости счастья и бодрости во всем живом».

Казаков проповедует лирическую прозу, которая в самой глубине своей несет ясное ощущение радости жизни. Этого, я думаю, сегодня нашей литературе ни в коем случае нельзя забывать. Ведь главная функция литературы — художественная. Только через красоту в художественной прозе я могу помочь человеку не только в тот момент, когда он читает мою книжку. Подлинное искусство берет на себя огромную нагрузку, скрашивая одиночество и давая возможность общения со всем миром, кусочек той красоты, которую он часто не найдет в своей реальной жизни. И тогда у человека возникает надежда, и он уже возвращается к реальной жизни, имея запас какой-то силы. Вот это и есть главная функция искусства: заражать верой в жизнь...

Большее всего сейчас человечество страдает от одиночества. Я это знаю как моряк, побывавший во многих странах. Мне и самому не раз бывало горько и ужасно, хотелось поплакать в чей-то подол. И таким «подолом» для меня долгие годы был Юрий Казаков. Особенно остро это чувствовалось, когда у нас бывали ссоры, и теперь — когда его нет.

Жизнь бесконечно сложна, тяжка, надрывана, а все хорошие люди не умеют жить, напрягаться, побеждать и помогать друзьям. Так всем нам бывает жутко от будущего, так не верим мы в него, что и все вокруг начинает мельтешить, мельчать... Но нельзя бросаться друг дружкой, нельзя бросаться друг другом — в одиночку счастья не обрестишь.

Беседу вел Олег Чечин

Писатель Виктор Конецкий передал нашему корреспонденту Олегу Чечину письмо своего друга Юрия Казакова и его статью-размышление о лирической прозе — том самом жанре, в котором Юрий Казаков столь блистательно работал.

Письмо, как нам кажется, совершенно неожиданно преображает образ самоуглубленного, грустного мечтателя и весьма несчастливого человека, каким привычно представляется писатель. Просто удивительно, сколько живого, легкого юмора, какие бездонные глубины иронии и самоиронии могут содержать тридцать с небольшим «по-шкловски» укороченных, рублиных строк.

7.11.64. Алма-Ата, дом отдыха

Конецкий! Конецкий! напиши мне заветное слово! Ты когда-нибудь влюблялся в казашек?

У казашек черные косые глаза. Маленькие груди, Пупки.

Я пишу как Шкловский. Я живу в горах. Тут снег. Недавно я взвешивался. Весы показали ровно

100 килограммов. Откинь 3 кг на трусы, носки, тапочки и очки.

Остается 97. Это на 17 кг больше нормы. Я награжден Почетной грамотой Верховного Совета Казахской Социалистической Республики.

А ты — нет. Я перевожу роман. А ты — нет.

Посылаю тебе вид Архангельского моста. Я выступаю 100 раз.

Посылаю тебе записку одного из моих слушателей.

В ответ на эту записку я заплакал и сказал, что дружу с тобой.

Как там наш сценарий? Начал ли Данаелия съемки? Кто в главных ролях?

Я тебя люблю. Я твою маму люблю. Я не люблю только Одессу.

Прислать тебе яблоко? Я бы послал тебе одну из моих казашек, но их не принимают на почте.

Знаешь ли ты, что тут многоженство?

Витя! (Проникновенно.) Поедем закрывать Северный полюс?

Хочешь, я прилечу к тебе и буду жить у тебя три месяца? Обнимаю.

Целую.

Целую маме ручку. Напиши мне, бродяга, старый хрен, неповешенный пират, напиши своему другу Джиму Вшивому Носу.

Прощай, крестин, прощай, тридцать третий зуб!

«Будем уважать лирическую прозу»

Говоря о сегодняшней лирической прозе, нам необходимо помнить, какой мужественной ей нужно было быть, чтобы отстоять самое себя. Лирическую прозу стегали все кому не лень. Иной маленький рассказ вызывал, бывало, такую злую реакцию в критике, что количество написанного об этом рассказе в сто раз превышало объем самого рассказа.

Мы еще не настолько оскудели памятью, чтобы забыть версты проработочных статей, сопровождавших лирическую прозу на протяжении многих лет. Каких только ярлыков не навешивали на нее! «Очернительство» и «клевета» были еще не самыми сильными литературоведческими терминами. Дело доходило до того, что статьи-фельетоны появлялись даже в «Крокодиле», подверстанные к фельетонам о жуликах и рвачах. Иные статьи недавнего времени надоело отбивать у авторов охоту работать в области лирической прозы, а у редакторов — иметь с ней дело.

И все-таки лирическая проза выжила и процвела. Произошло это потому, что лирическая проза пришла на смену потоку бесконфликтных, олеографичных поделок и принесла в современную литературу достаточно сильную струю свежего воздуха. Она не могла не вызвать ожесточения известной части критиков, потому что сначала робко, а потом все смелее начала ломать установившиеся каноны как в самой прозе, так

и в критике. Да, и в критике, — потому что писать о лирической прозе набором штампов и газетных прописей, составлявших лексикон рецензий о «производственных романах», уже нельзя было, нужно было подтягиваться до уровня нового писателя.

Если чувствительность, гибкая и вместе с тем целомудренная, ностальгия по быстротечному времени, музыкальность, свидетельствующая о глубоком мастерстве, чудесное преображение обыденного, обостренное внимание к природе, тончайшее чувство меры и подтекста, дар холодного наблюдения и умение показать внутренний мир человека, — если эти достоинства, присущие лирической прозе, не замечать, то что же тогда замечать?

Конечно, не добротой одной жива литература, но разве доброта, совестливость, сердечность, нежность так уж плохи по нынешним временам? И вздох может пронзить...

Я что-то не слышал, чтобы поэзии грозила когда-нибудь опасность перепроизводства. Русская литература всегда была знаменита тем, что, как ни одна литература в мире, занималась вопросами нравственности, вопросами о смысле жизни и смерти и ставила проблемы высочайшие. Она не решала проблем — их решала история, но литература была всегда немного впереди истории.

Мы потому и оглядываемся постоянно на наших великих предшественников, что современных писателей такого масштаба у нас нет или, говоря точнее, почти нет. Мы потому и всматриваемся в них с такой ненасытностью, что велики они не тем только, что прекрасно писали, а тем еще, что писали о самом главном, что составляет сущность жизни общества.

Многое из того, что волновало их, теперь для нас несущественно и нас теперь не взволнует, но критерий, с которым должно подходить к настоящей литературе, важен и для нас, но нравственные проблемы — и для нас проблемы, от этого мы никуда не уйдем.

Юрий Казаков

Юрий Казаков

Двое в декабре

Рассказ

Он долго ждал ее на вокзале. Был морозный солнечный день, и ему все нравилось: обилие лыжников и скрип свежего снега, который еще не успели убрать в Москве. Нравился и он сам себе: крепкие лыжные ботинки, шерстяные носки почти до колен, толстый меховатый свитер и австрийская шапочка с козырьком, но больше всего лыжи, прекрасные клееные лыжи, стяннутые ремешками.

Она опаздывала, как всегда, и он когда-то сердился, но теперь привык, потому что, если припомнить, это, пожалуй, была единственная ее слабость. Теперь он, прислонив лыжи к стене, слегка потопывал, чтобы не замерзли ноги, смотрел в ту сторону, откуда она должна была появиться, и был покоен. Не радостен он был, нет, а просто покоен, и ему было приятно и покойно думать, что на работе все хорошо и его любят, что дома тоже хорошо, и что зима хороша: декабрь, а по виду настоящий март с солнцем и блеском снега, — и, что главное, с ней у него хорошо. Кончилась тяжелая пора ссор, ревности, подозрений, недоверия, внезапных телефонных звонков и молчания по телефону, когда слышишь только дыхание, и от этого больно делается сердцу. Слава богу, это уже прошло, и теперь другое — покойное, доверчивое и нежное чувство, вот что теперь!

Когда она наконец пришла и он увидел близко ее лицо и фигуру, он просто сказал:

— Ну-ну! Вот и ты...

Он взял свои лыжи, и они медленно пошли, потому что ей надо было отдышаться: так она спешила и запыхалась. Она была в красной шапочке, волосы прядками выбивались ей на лоб, темные глаза все время косили и дрожали, когда она взглядывала на него, а на носу уже были первые крохотные веснушки.

Он отстал немного, доставая мелочь на поезд, глянул на нее сзади, на ее ноги и вдруг подумал, как она красива и как хорошо одета и что опаздывает она потому, наверное, что хочет быть всегда красивой, и эти ее прядки, будто случайные, может быть, вовсе не случайны, и какая она трогательная, озабоченная!

— Солнце! Какая зима, а? — сказала она, пока он брал билеты. — Ты ничего не забыл?

Он только качнул головой. Он даже слишком набрал всего, как ему теперь казалось, потому что рюкзак был тяжеловат.

В вагоне электрички было тесно от рюкзаков и лыж и шумно: все кричали, звали друг друга, с шумом занимали места, стучали лыжами. Окна были холодны и прозрачны, но лавки с печками источали сухое тепло, и хорошо было смотреть на солнечные снега за окнами, когда поезд тронулся, и слушать быстрое мягкое постукивание колес внизу.

Минут через двадцать он вышел покурить на площадку. Стекла в одной половине наружных дверей не было, на площадке разгуливал холодный ветер, стены и потолок закуржавели, резко пахло морозом, железом, а колеса здесь уже не постукивали, а грохотали, и рельсы гудели.

Он курил, смотрел сквозь стеклянную дверь внутрь вагона, переводя взгляд с одной скамейки на другую, испытывая ко всем едущим чувство некоторого сожаления, потому что, как он думал, никому из них не будет так хорошо в эти два дня, как ему. Он рассматривал также и девушек, их оживленные лица, думал о них и волновался слабо и горько, как всегда, когда видел юную прелесть, проходящую мимо с кем-то, а не с ним. Потом он посмотрел на нее и обрадовался. Он увидел, что и здесь — среди молодых и красивых — она была все-таки лучше всех. Она смотрела в окно, лицо ее было матово, а глаза темны и ресницы длинные.

Он тоже стал смотреть через дверь без стекла на мороз, на воздух, шуршал от яркого света и от ветра. Мимо проносились скрипучие деревянные, заспаннные снегом платформы. На платформах иногда попадались фанерные буфеты, все выкрашенные в голубое, с железной трубой над крышей, с голубым же дымком из трубы. И он думал, как хорошо сидеть в таком буфете, слушать тонкие посвящения проносившихся мимо электричек, греться возле печки и пить пиво из кружки. И как вообще все прекрасно: какая зима, какая радость, что у него есть теперь кого любить, что та, которую он любит, сидит в вагоне и на нее можно посмотреть и встретить ответный взгляд! О, как это здорово, уж он-то знает: сколько вечеров он провел дома один, когда у него не было ее, или бесцельно слонялся по улицам с приятелем, философствовал, рассуждал о теории относительности и других приятно-умных вещах, а когда возвращался домой, было грустно. Он даже стихи сочинял, и

они тогда нравились приятелю, потому что у него тоже никого не было. А теперь приятель женился...

Он думал, как странно устроен человек. Что вот он юрист и ему уже тридцать лет, а ничего особенного он не совершил, ничего не изобрел, не стал ни поэтом, ни чемпионом, как мечтал в юности. И как много причин у него теперь, чтобы грустить, потому что жизнь не получилась, а он не грустит, его обыкновенная работа и то, что у него нет никакой славы, вовсе не печалит, не ужасает его. Наоборот, он теперь доволен и покоен и живет нормально, как если бы добился всего, о чем ему мечталось.

У него одно было только всегднее беспокойство — мысли о лете. Еще с ноября начинал он думать и загадывать, как и куда поедет на время своего будущего летнего отпуска. Этот отпуск всегда ему казался таким нескончаемым, таким в то же время кратким, что нужно было заранее все обдумать и выбрать место самое интересное, чтобы не ошибиться, не прогадать. Всю зиму и весну он волновался, узнавал, где хорошо, какая там природа, и какой народ, и как туда добраться, и эти расспросы и планы были, может быть, приятнее даже самой поездки и отпуска.

Он и сейчас подумал о лете, о том, как поедет на какую-нибудь речушку. Они возьмут с собой палатку, приедут на эту речушку, накачают байдарку, и она станет как индейская пирога... Прощай тогда Москва, и асфальт, и всякие процедуры, и юридическая консультация!

И он тут же вспомнил, как они первый раз уехали из Москвы вместе. Они поехали тогда в Эстонию, в крохотный городок, где он как-то был по делам. Как они ехали в автобусе, как ночью приехали в Валдай, там все было черно и один только ресторан еще жил, светился; как он вынул стакан «Старки» и опьянел, и ему весело было в автобусе, потому что рядом ехала она и глухой ночной порой дремала, прислонясь к нему. И как они приехали на рассвете, и хоть была середина августа и в Москве зарядили дожди, здесь было чисто и светло, беленые домики, острые красные черепичные крыши, обилие садов, глушь, и тишина, и заросшие курчавой травкой между камнями улицы.

Они поселились в чистой, светлой комнате, везде там по подоконникам, под кроватью и в шкафу лежали, зрели антоновские яблоки и крепко пахли. Был еще богатый рынок, они ходили вместе и выбирали себе копченое сало, мед кусками, масло, помидоры и огурцы (дешевиона была баснословная). И этот запах из пекарни, непрерывное воркование и плеск крыльев голубей. А главное — она, такая неожиданная, будто бы совсем неизвестная и в то же время любимая, близкая. Какое было счастье, и еще, наверное, не такое будет, только бы не было войны!

Последнее время он часто думал о войне и не навидел ее. Но теперь, глядя на сияющий снег, на леса, на поля, слушая гул и звон рельсов, он с уверенностью подумал, что никакой войны не будет, так же как не будет смерти вообще. Потому что, подумал он, есть минуты в жизни, когда человек не может думать о страшном и не верит в существование зла.

Они сошли чуть не последними на далекой станции. Снег звонко скрипел под их шагами, когда они пошли по платформе.

— Какая зима! — снова сказал она, шурясь. — Давно такой не было!

Им надо было пройти километров двадцать до его дачи, переночевать там, покатыться еще днем и возвратиться вечером домой по другой железной дороге.

У него был маленький фруктовый участок слетней дощатой дачкой, а на этой дачке — две кровати, стол, грубые табуретки и чугунная немецкая печка.

Надев лыжи, он подпрыгнул несколько раз, похлопал лыжами по снегу, взявта пушистую пороху, потом проверил крепления у нее, и они потихоньку двинулись. Сначала они хотели идти быстрее, чтобы пораньше добраться до дому, успеть прогреть его хорошенько и отдохнуть, но идти быстро в этих полях и лесах невозможно было.

— Смотри, какие стволы у осин! — говорила она и останавливалась. — Цвета кошачьих глаз.

Он тоже останавливался, смотрел — и верно, осины были желто-зелены вверху, совсем как цвет кошачьих глаз.

Лес был пронизан дымными косыми лучами. Снег пеленой то и дело повисал между стволами, и ели, освобожденные от груза, раскачивали лапами.

Они шли с увала на увал и видели иногда сверху деревни с белыми крышами. Во всех избах топились печи, и деревни исходили дымом. Дымки поднимались столами к небу, но потом сваливались, растекались, затягивали, закутывали окрестные холмы прозрачной синью, и даже на расстоянии километра или двух от деревни слышно было, как пахнет дымом, и от этого запаха хотелось скорей добраться до дому и затопить печку.

То они пересекали уваженные, затертые до блеска полозьями дороги, и хоть был декабрь, в дорогах этих, в клочках сена, в голубых прозрачных тенях по колеям было что-то весеннее, и пахло весной. Один раз по такой дороге в сторону деревни проскакал черный конь, шерсть его сияла, мышцы переливались, лед и снег брызгали из-под подков, и слышен был дробный хруст и фыркание. Они опять остановились и смотрели ему вслед.

То нервно и взлохмаченно летела страшно озабоченная гака, за ней торопилась другая, а вдаль ныряла, не выпуская галок из виду, заинтересованная сорока: что-то они узнали? И на это нужно было смотреть. А то качались, мурлыкали и деловито копошились на торчащем из-под снега татарнике снегири — необыкновенные среди мороза и снега, как тропические птицы, и сухие семена от их крепких, толстых клювов брызгали на снег, ложась дорожкой.

Иногда им попадался лисий след, который ровной и в то же время извилистой строчкой тянулся от бьялы к бьяло, от кочки к кочке. Потом след поворачивал и пропадал в снежном сиянии. Лыжники шли дальше, и им попадались уже зайчьи следы или белчицы в осинových и березовых рощах.

Эти следы таинственной ночной жизни, которая шла в холодных пустынных полях и лесах, волновали сердце, и думалось уже о ночном самоваре перед охотой, о тулапе и ружье, о медленно текущих звездах, о черных стогах, возле которых жируют по ночам зайцы и куда издали, становясь иногда на дыбки и повоя дьяволу, приходят лисицы. Воображался громовой выстрел, вспышка света и хрупкое ломающееся эхо в холмах, брех потревоженных собак по деревьям и остающиеся, стекленеющие глаза растянувшегося зайца, отражение

звезд в этих глазах, заиндевелые толстые усы и теплая тяжесть заячьей тушки.

Внизу, в долинах, в оврагах, снег был глубок и сух, идти было трудно, но на скатах холмов держался муаровый наст с легкой порошей — взбираться и съезжать было хорошо. На далеких холмах, у горизонта, леса розово светились, небо было синее, а поля казались безграничными.

Так они и шли, взбираясь и скатываясь, отдыхая на поваленных деревьях, улыбаясь друг другу. Иногда он брал ее за руку, притягивал и целовал ее холодные обветренные губы. Говорить почти не ходили, редко только друг другу: «Посмотри!» или «Послушай!»

Она была, правда, грустна и рассеянна и все отставала, но он не понимал ничего, а думал, что это она от усталости. Он останавливался, ожидая ее, и когда она догоняла и смотрела на него с каким-то укором, с каким-то необычным выражением, он спрашивал осторожно, — он-то знал, как неприятно спутнику такие вопросы:

— Ты не устала? А то отдохнем.

— Что ты! — торпливо говорила она. — Это я так просто... Задумалась.

— Ясно! — говорил он и продолжал путь, но уже медленней.

Солнце стало низко, и только одни поля на верхних холмах сияли еще; леса же, долины и овраги давно стали сизеть и gloхнуть, и по-прежнему по необозримому пространству лесов и полей двигались две одинокие фигурки — он впереди, она

сзади, и ему было приятно слышать шуршание снега под ее лыжами и чирканье палок.

Однажды в розовом сиянии за лесом, там, где зашло уже солнце, послышался ровный рокот моторов, и через минуту показался высоко самолет. Он был один озарен еще, и солнечные блики вспыхивали на его фюзеляже, и хорошо было смотреть на него снизу, из морозной сумеречной тишины, и воображать, как в нем сидят пассажиры и думают о конце своего пути, о том, что скоро Москва и кто их будет встречать.

В сумерки они наконец добрались до места. Потопали заледенелыми ботинками на холодной веранде, отомкнули дверь, вошли. В комнате было совсем темно и казалось холоднее, чем на улице.

Она сразу легла, закрыла глаза. Дорогой она разгорячилась, вспотела, теперь стала остывать, озноб сотрясая ее, и страшно было пошевелиться. Она открывала глаза, видела в темноте дощатый потолок, видела разгорающееся пламя в запотевшем стекле керосиновой лампочки, зажмуривалась — и сразу начинали плавать, сменять друг друга желто-зеленое, белое, голубое, алое — все цвета, на которые нагляделась она за день.

Он доставал из-под террасы дрова, грохал возле печки, шуршал бумагой, разжигал, кряхтея, а ей не хотелось ничего, и она была не рада, что поехала с ним в этот раз.

Печка накалилась, стало тепло, можно было раздеться. Он и разделся, снял ботинки, носки, разве-

сил все возле печки, сидел в нижней рубашке — довольный, жмурился, шевелил пальцами босых ног, курил.

— Устава? — спросил он. — Давай раздевайся!

И хоть ей не хотелось шевелиться, а хотелось спать от грусти и досады, она все-таки послушно разделась и тоже развела сушить куртку, носки, свитер, осталась в одной мужской ковбойке навыпуск, села на кровать, опустила плечи и стала глядеть на лампу.

Он сунул ноги в ботинки, накинул куртку, взял ведро, которое, когда он вышел на веранду, вдруг певуче зазвенело. Вернувшись, он поставил на печку чайник, стал рыться в рюкзаке, доставал все, что там было, и раскладывал на столе и подоконнике.

Она молча дождалась чаю, налила себе кружку и потом тихо сидела, жевала хлеб с маслом, грела горячей кружкой руки, прихлебывала и все смотрела на лампу.

— Ты что молчишь? — спросил он. — Какой сегодня день был! А?

— Так... Устава я страшно сегодня... — Она встала и потянулась, не глядя на него. — Давай спать!

— И это дело, — легко согласился он. — Погоди, я дров подложу, а то дом настыл...

— Я сегодня одна лягу, можно вот здесь, у печки? Ты не сердись, — торопливо сказала она и опустила глаза.

— Что это ты? — удивился он и сразу вспомнил весь ее сегодняшний грустно-отчужденный вид, а вспомнил, озлобился, и сердце больно застучало.

Он понял вдруг, что совсем ее не знает — как она там учится в своем университете, с кем знакома и о чем говорит. И что она для него загадочна, как и в первую встречу, незнакома, что он, наверное, груб и туп для нее, потому что не понимает, что ей нужно, и не может сделать так, чтобы она была постоянно счастлива с ним, чтобы ей уж ничего и не было не нужно было.

И ему стало сразу стыдно за весь сегодняшний день, за эту жалкую дачу и печку, и даже почему-то за мороз и солнце, и за свой покой: зачем все это нужно? И где же это хваленое проклятое счастье?

— Ну что ж... — сказал он равнодушно и перевернул дух. — Ложись, где хочешь.

Не взглянув на него, не раздеваясь, она сразу легла, накрылась курткой и стала смотреть в печку на огонь. Он перестал на другую кровать, сел, закурил, потом потушил лампу и лег. Горько ему стало, потому что он чувствовал: она от него уходит. Что-то не выходило у них со счастьем, но что, он не знал и злился.

Через минуту он услышал, что она плачет. Он привстал, посмотрел через стол на нее. От печки было довольно светло, а она лежала ничком, глядела на пылающие дрова, и он видел ее несчастное, залитое слезами лицо, жалко и некрасиво кривящиеся дрожащие губы и подбородок, мокрые глаза, которые она все вытирала тонкой рукой.

Отчего ей сегодня стало вдруг так тяжело и несчастливо? Она и сама не знала. Она чувствовала только, что пора первой любви прошла, а теперь наступлет что-то новое, и прежняя жизнь ей стала неинтересна. Ей надоело быть никем перед его родителями, дядями и тетками, перед его друзьями и своими подругами, она хотела стать женой и матерью, а он не видит этого и вполне

счастлив так. Но и смертельно жалко было первого тревожного времени их любви, когда было все так неясно и неопределенно, зато незнакомо, горячо и полно ощущением новизны.

Потом она стала засыпать, и ей пригрезилась снова ее давнишняя мечта, с которой она засыпала каждый раз еще девочкой. Что будто бы он сильный и мужественный и любил ее, а она его тоже любила, но почему-то говорила: «Нет!» — и он уехал далеко на север и стал рыбаком, а она страдала. Он там охотился в прибрежных скалах, прыгал с камня на камень, сочинял музыку, выходил в море ловить рыбу и думал все время о ней. Однажды она поняла, что счастье у нее только с ним, все бросила и поехала к нему. Она была так красива, что все ухаживали за ней дорогой: летчики, шоферы, моржки, но она никого не видела, а думала только о нем. Встреча с ним должна была быть такой необыкновенной, что страшно было даже вообразить. И придумывались все новые и новые задержки, чтобы как-то отдалить эту минуту. Так она и засыпала обыкновенно, не встретившись с ним.

Давно уже не думала она на сон ни о чем подобном, а сегодня почему-то опять захотелось пометать. Но и сегодня, в то время, когда она уже ехала на попутном мотоботе, мысли ее стали мешаться, и она уснула.

Проснувшись ночью оттого, что было холодно. Он сидел на корточках и растоплял остывшую печку. Личу у него было грустное, и ей стало его жалко.

Утром они помолчали сначала, молча завтракали, пили чай. Но потом повеселели, взяли лыжи и пошли кататься. Они взбирались на горы, съезжали, выбирая все более крутые и опасные места.

Дома они грелись, говорили о незначительном, о делах, о том, какая все-таки хорошая зима в этом году. А когда стало темнеть, собрались, заперли дачу и пошли на лыжах на станцию.

К Москве они подъезжали вечером, дремали, но когда показали большие дома, ряды освещенных окон, он подумал, что сейчас они расставаться, и вдруг вообразил ее своей женой.

Что ж! Первая молодость прошла, то время, когда все кажется простым и необязательным — дом, жена, семья и тому подобное, — время это миновало, уже тридцать, и что в чувстве, когда знаешь, что вот она, рядом с тобой, и она хороша и все такое, а ты можешь ее всегда оставить, чтобы так же быть с другой, потому что ты свободен, — в этом чувстве, собственно, нет никакой отрады.

Завтра целый день в юридической консультации писать кассации, заявления, думать о людских несчастьях, в том числе и о семейных, а потом домой — к кому? А там лето, долгое лето, всяком поездки, байдарка, палатка — и опять — с кем? И ему захотелось быть лучше и человечнее и делать все так, чтобы ей было хорошо.

Когда они вышли на вокзальную площадь, горели фонари, шумел город, а снег уже успели убрать, увезти, и они оба почувствовали, что их поездки как бы и не было, не было двух дней вместе, что им нужно сейчас проститься, разъезжаться каждому к себе и встретиться придется, может быть, дня через два или три. Им обидно стало как-то буднично, покойно, легко, и простились они, как всегда прощались, с торопливой улыбкой, и он ее не провожал.

1962

Светлана Кузнецова

* * *

Говорили люди — переберется,
Не душой, а месяцем утешится,
Половинкой сердца станет
жить.

Что ж, видать, со стороны
виднее.

Жалко, я не сделалась умнее,
А ведь как бы было хорошо

Проживать в поселке
Лиственничном,
Умываться мылом земляничным
И носить оранжевый платок.

* * *

Я легко хожу, далеко гляжу,
Дружбы легкие завожу.
Не гневлю судьбу, не гневаю.
Там, где надо хвалить, хваляю,
Там, где надо ругать, молчу,
Говорю, что чаю хочу.
Говорю, что погода скверная.
Говорю, что в любви неверная.

Лариса Соколова

* * *

За любовь не жди
вознаграждения...
Вся награда — есть сама она.
Ей претит товарообращенье,
У нее особая цена.
Дар любви — талант довольно
редкий,
стоит жизни... Даже не одной!
Птица счастья жить не станет
в клетке,
будь та клетка даже золотой.

Елена Горячева

* * *

Все очень просто: я тебя люблю.
Впервые — безответно.
И безмерно.
Не двадцатью годами —
тридцатью,
Годами бед, обид, добра и
скверны.

И снова, как в шестнадцать,
я лечу,
И мир внизу прекрасный и
бездумный,
И только мчит меня не планер
юный,
А ноша лет. И зря я с ней шучу.

Любовь Бессонова

Поэт

Поэт и торжествуя — тужит,
и раболепствуя — царит.
Но души, мелкие, как лужи,
глубинным светом озарит.
Свети, поэт, источник света!
И — привыкай, что тыщи лет
поэт жадеет непозта,
а непоэт поэта — нет.
Зато поэт имеет право
на свет, рассеянный в веках,
что в русских сказочках лукаво
просвечивает в дураках...
Поэту дудка скоморошья
и скрипка нежная нужна,
и потому поэту площадь
за гранью жизни суждена.

Елена Наумова

Старый комод

Все повывесли-повытрясли,
Но уже который год
Мать никак не хочет выбросить
Грубый, выцветший комод.
— И не модный,
и потресканный,
И давно уже не нов,
Да с мешанскими довесками
В виде маленьких словен...
Дети взрослые, проворные
Все надеются, ворчат.
Мать-старуха непокорная,
Нянчит маленьких ввучат.
И идут гурьбою слоники,
Будто впрямь из дальних стран.
...Мать читает треугольники
От друзей-однополчан.

Зинаида Палванова

* * *

Я вхожу в телефонную будку,
В телефонный апрельский
сквозняк.
Я звонить никому не буду.
Постою просто так.
Телефонный апрельский
ветер!..
Стекла выбиты по бокам.

Вон осколки снаружи. Ветер
Так и рвется к моим рукам.
«Позвони!» — надрывается
ветер,
А кому — не знает и сам.

* * *

Скажи, когда перестанешь мне
сниться, —
Где ты летаешь, за какой
чертой?
Откуда ты умеешь
возвратиться,
По-новому желанный и святой?

Там, за границей снов моих
щемящих,
Какую даль вбираешь ты в себя,
Что вспоминаю чаще, чаще,
И вдруг проснусь — любя,
опять, любя?..

Людмила Ефремова

* * *

Ничего не будет, слышишь?
Будет так же, как всегда,
тот же ветер биться в крышу,
замыкая провода.

Те же вымокшие сени,
перекошенный венец,
и любовь — из опасенья
не отчаяться вконец.

Ирина Шкуропат

Читая «Фауста»

Небосвод непривычно высок.
Тонкий лед как чешуйки сладости,
И от лужицы наискосок
Расцветают собачьи следы.

И устало глядит книгочей:
Все вокруг, как вчера,
да не то —
Черный пудель, как будто
ничей,
Без конца тербит за пальто.

Ольга Лукьянова

* * *

Бабочка сидела на цветке.
Мальчик не дыша смотрел
на чудо.
В кухне тихо звякала посуда.
Гром плясал на туче вдалеке.
На каком-то медленном витке
радости земли, печали, сроки
замерли. И не вместили строки
бабочки, сидящей на цветке.

В декабре 1988 года в ЦДЛ под председательством Г. Калюжного состоялось второе заседание писателей и ученых, посвященное необходимости создания всеобъемлющей Энциклопедии ушедших и уходящих русских деревень.

В своем вступительном слове Г. Калюжный отметил, что названная энциклопедия явится не только памятником тысячам стертых с лица земли деревень и миллионам репрессированных крестьян. Она, по существу, является долговременной программой по осмыслению почвы и народности с целью скорейшего возврата нашего общества в русло естественного развития. Знания о земле, о народе никогда не устареют. Их всегда не хватает. В этом смысле Энциклопедия ушедших и уходящих русских деревень оправдана как сигнал тревоги на аварийном табло страны, — до тех пор, пока гибель сел и деревень не будет остановлена.

Г. Калюжный предложил воспользоваться предстоящим подмиллионным сокращением наших Вооруженных Сил, и всем народом, как это делалось во времена освоения целины, призвать демобилизованных вернуться к земле, в Центральную Россию.

На заседании присутствовали представители общественного совета «Яуза» города Мытищи Московской области. Они сообщили: безо всякого согласования с мытищинцами, с москвичами, в нарушение Конституции СССР насильственно сносятся исторические села Челобитьево, Стояники, Волково и т. д. На их месте будет строиться ТЭЦ и промзона. Мытищи, находящиеся по отношению к промзоне в низине, превратятся в отстойник смога и газов. Вытекающая из мытищинских родников Яуза станет источником заражения Москвы-реки, в которую она впадает. Мытищинцы решили подать на «творцов» этой варварской стройки в суд. Заседание в лице ученых и писателей поддержало общественность города Мытищи: митингами и протестами в высокие инстанции губителей Подмоскovie не останавлило. Складывается впечатление, что наши села и города в реальности не обеспечены правовой защитой.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ УХОДАЮЩИХ РУССКИХ ДЕРЕВЕНЬ

Из личного опыта знаю — многие самолетные истины созвучны земным. Например, недостаточное знание материальной части своего самолета летчиком является тягчайшим преступлением. Но разве незнание своей страны, ее истории и природы не такое же преступление?! В наше время экологических катастроф уже никто не спорит с этим. Однако поражает тот факт, что технические описания самолетов и морских кораблей составляют сотни и тысячи томов, а всеобъемлющего, отвечающего современным требованиям многоотного описания нашего Отечества нет. Зато есть многочисленные призывы идти вперед к новому, заломившему за себя такую цену, что в светлое будущее на Земле сегодня уже никто не верит. Не потому ли телевидение все чаще переключает наше внимание на космос, обсуждает с учеными вопросы внеземных поселений, говорит устами восторженного журналиста о космической архитектуре?.. Земную разрушили, довели до безликости...

«Новая жизнь в деревне»

Александр Ефремов

Где-то я прочитал, что сила России заключается в десятках тысяч деревень, разбросанных по бескрайним просторам Русской равнины. Времена меняются. Деревень становится все меньше и меньше. Например: до революции в нынешней Кировской области было 35 тысяч деревень, теперь их осталось только 3500. Исчезают деревни, люди переезжают в города, меняется их сознание.

Иногда деревни исчезают совсем, иногда они превращаются в нечто среднее между городом и деревней. Такие населенные пункты часто имеют претенциозные названия — «Новая жизнь» или «Новый быт».

Исчезают деревни, исчезают и их названия, обычно очень

Вообще, неумяная жажда нового при абсолютном нововедении о «старом», подобно СПИДУ, стала действительно новой болезнью современной молодежи. Один студент сказал пожилой женщине о ее поколении: «Мы хотим, чтобы вы скорее ушли, с вами умрет и ваше былое. Мы хотим абсолютно нового!..» В связи с этим я вспомнил, как, будучи двадцатилетним штурманом самолета, дал своему командирю стихи нашедшего поэта. «Что ты в нем нашел?» — спросил он меня, возвращая книгу. «Ни на кого не похожее... новое!» — выпалил я с восторгом. На что командир незамедлительно ответил: «Запомни, штурман, если в твою кабину войдет нечто совершенно новое, с чем ты никогда до этого не встречался, то это будет сама смерть».

...Прошлым летом вместе со студентами Московского историко-архивного института Александром Ефремовым, Андреем Щеголовым, Максимом Пашиным я был в археологической экспедиции во Владимирской области. Много было друг другу сказано, вместе пережито. Мнение общее — нужно создавать энциклопедию ушедших и уходящих русских деревень.

Слово — одному из них...
Григорий Калюжный

поэтичные, несущие в себе определенный духовно-нравственный смысл, а иногда и чисто историческую информацию.

Ни для кого высказанное не является секретом. Это знают все, кто хочет знать. Абстрактное знание, однако, волнует мозг, но мало трогает душу. Чтобы понять масштаб и глубину трагедии, нужно увидеть все самому... Такая возможность предоставилась мне, когда в составе археологической экспедиции МГУ оказался в русской глубинке.

Первым населенным пунктом, куда я попал вместе с моим товарищем Андреем Щеголовым, было село Ориха (точнее, бывшее село) Шуйского района Ивановской области. Пустые развалившиеся и полуразвалив-

щиеся дома, иногда просто куски гнилого дерева и тучи мух неизвестно откуда. Впрочем, два дома выглядели обитаемыми.

Действительно, в первом живет ветеран войны Иван Николаевич, а во втором 75-летняя, но еще крепкая бабушка Мария Прокофьевна. Разговорились. Оказывается, оба ветерана живут здесь только летом, а зимой уезжают к детям в город. «Ох, хороша была наша деревня, ох, хороша», — рассказывает Мария Прокофьевна. — Домов было доста, и в колхозе весело жили». Я удивляюсь. «Весело, весело, — подтверждает Мария Прокофьевна, — бывало, идем с девочками на работу, песни поем. Обедать садились все вместе — шутки, смех. Иногда и вино выпивали, но — редко». — «Почему же ушел народ из села?» — спрашиваем мы. «Скучно им было: ни клуба, ни чего другого нет, вот и ушли все. Да и работу она ищет легкую, молодежь-то». — «Тут много деревень было, — вступает в разговор Иван Николаевич. — Вон там Семейкино, — говорит он, указывая рукой на совершенно пустой холм. — А там еще одна, только нет их уже». — «А церковь у вас была?» — «Была, сынок, церк-

ва, была, да снесли ее еще до войны, э-хе-хе...»

В деревне Овсянниково Владимирской области, недалеко от Судогды, дела обстоят вроде бы подлучше. На деревенской улице играют загорелые дети, почти в каждом дворе виден автомобиль. Многолюдно и оживленно.

Однако из разговора с жителями выясняется, что дети привезены сюда из города на отдых к родственникам. Вот почему здесь машины с владимирскими и даже московскими номерами. Зимой в деревне остаются в основном все те же старушки и старички. Впрочем, по нынешним временам это еще не плохо. В окрестностях Овсянникова было несколько православных храмов. Остался один. В деревне живут немногие женщины-старообрядки. Угощая нас парным молоком, они рассказывают нам о вере и ругают за безверие детей. «Как была вера порушена, — говорит одна из них, — так все стало падать. А бога любить надо, да непросто это. Три вещи на земле трудно делать — родителей содержать, долги платить да богу молиться. Так-то!»

К сожалению, от жителей Орлихи и Овсянникова не уда-

лось узнать древнюю историю их сел. Будет большой бедой, если эта история и эти села уйдут от нас навсегда.

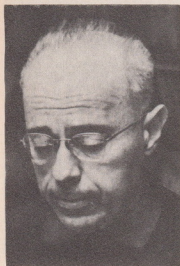
Большое повезло нам в селе Дунилово Палехского района.

Царь Петр подарил это село своей юной жене Евдокии Лопухиной. Народ в Дунилово был хозяйственный, и оно стало быстро богатеть. Перед революцией его жители имели прямые торговые связи с Германией и даже, по утверждению старожилов, с США. В эти страны дуниловцы продавали выделанные кроличьи шкурки... Теперь о бывлом богатстве и процветании напоминают лишь дуниловские храмы. Всего их шесть. Несмотря на заброшенность, видна в них почти столичная величавость. Один — старообрядческий. В нем расположен дом престарелых, где в нелегких условиях заканчивают многотрудную жизнь восемь старушек. Остальные пять храмов стоят пустые и мрачные, с покосившимися крестами. Очень хотелось бы, чтобы они были сохранены для потомков и продолжали нести людям красоту. Хочется верить, что и сюда дойдет перестройка!

Беседы с Лемом

Продолжение. Начало в № 9, 10,
12 за 1988 г. и в № 2 за 1989 г.

С. Бересь: Очень интересной книгой мне всегда казались «Записки, найденные в ванне»*.

С. Лем: Об этой книге я хорошего мнения, хотя довольно давно в нее не заглядывал. Так получилось, что ее быстро перевели на иностранные языки, и после первых авторизованных изданий я уже не имел случая вернуться к ней — ведь когда появляются переводы на греческий, иврит или японский, мне уже делать нечего.

В этой книге содержится концепция, которая выходит за рамки актуальной политической сатиры. Понятие интенциональности возводится здесь в абсурд. Ведь человек действительно способен все, что появляется в поле его зрения, рассматривать как адресованное ему сообщение. Сделать из этого сюжетные акты романа — замысла довольно таки интересный, даже в философском плане. Как известно, тотемизм и анимизм, да и многие другие явления подобного рода в первобытных культурах основаны как раз на том, что весь мир

рассматривается как сообщение, адресованное его обитателям. То, что это может быть использовано творцами определенной общественной системы, а потом выйти за рамки намерений политических диктаторов, весьма показательно. С этого момента буквально все начинает рассматриваться как информация. Например, абсолютизируется концепция «конспиративного видения истории», и тогда даже дождь становится указанием на перемену к лучшему или к худшему в политической сфере. Все это начинает определять мышление и поведение тех несчастных, которым выпало жить в замкнутой системе.

С. Б.: Если держаться хронологии, то в нашем поле зрения должен появиться «Солярис».

С. Л.: Мне трудно комментировать эту книгу. Думаю, и ней мне удалось сказать то, что я хотел сказать. Из рецензий на «Солярис» можно составить толстый том, и довольно забавный, потому что идея этой книги понималась совершенно по-разному. Например, один очень антикоммунистически настроенный англичанин счел, что Океан — это СССР, а люди на Станции — окружающие его малые государства.

С. Б.: Можно ли считать «Сумму технологий» средоточием вашего творчества, своего рода складом теорий и замыслов, облуживающих беллетристику как таковую?

С. Л.: В каком-то смысле я заимствую оттуда идеи для беллетристики, но не потому, что заранее так решил. Так оно само получилось.

С. Б.: Хотелось бы знать, чего вы хотели добиться своими небеллетристическими трактатами и гротесками с научной подоплекой?

С. Л.: Хм! Осчастливить мир, предсказывая ему, что его ждет, если он меня не послушает. Это — прогнозы-предостережения. Другое дело, что никто не обращает на них внимания. Это было проклятием Кассандры:

предсказывать истину и не быть выслушанной. Ведь это не то что самосбывающиеся прогнозы типа: «завтра я пойду в театр», после чего я действительно иду в театр. Но что значит мой голос по сравнению с компьютерными моделями, доказывающими существование граници индустриального роста, моделями, появившимися после первого рапорта Римского клуба? В патроны себе я мог бы выбрать Кассандру.

С. Б.: И в качестве алиби вам нужен гротеск.

С. Л.: В каком смысле?

С. Б.: Прием гротеска дает понять, что весь этот труд, вложенный в прогнозирование, вы считаете совершенно напрасным.

С. Л.: Так уж совершенно?

С. Б.: Постоянный переход от трагизма к насмешке защищает вас от отчаяния, вызванного тем, что никто вас не слушает. Допустим, в этом есть какой-то глубокий смысл; но разве это не напоминает поведение отца, который делает внушения сыну, чтобы потом иметь возможность сказать: «Ну, я же говорил!»?

С. Л.: Во-первых, если уж случится то, что может случиться, некому будет сказать: «Я же говорил!» А во-вторых, вы, конечно, помните классический афоризм Паскаля?

С. Б.: О мыслящем тростнике?*

С. Л.: Вот именно. Мне ужасно важно знать, что его ломает, не так ли? Это мне невероятно близко. Я хочу знать, и это знание для меня — ценность сама по себе, ценность, не требующая еще какого-либо обоснования. У каждого есть свои пристрастия: футбол, копуляция, пиво из банки. А мне огромное удовольствие доставляет узнавать разные неприятные вещи из трудных книг.

С. Б.: Каждый ищет инстанцию, которая была бы чем-то

* «Человек — всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он — тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не надо всей Вселенной: достаточно дуновения ветра, капли воды. Но пусть даже его уничтожит Вселенная, человек все равно возмущеннее, чем она, ибо сознает, что расстается с жизнью и что слабее Вселенной, а она ничего не сознает».

* Роман опубликован в 1961 году.

самым устойчивым в этом самом неустойчивом из миров. Для вас это наука. Вам известно, что вас называют «видным идеологом scientистской технократии»?

С. Л.: Ну уж нет! Я утверждаю со свойственной мне несдержанностью, что это определение совершенно ложно — как по отношению к нынешнему Лему, так и к тому, который писал «Сумму технологии». Когда-то Слонимского обвиняли в пораженческих настроениях, доказывая ему, что все-таки Гдыня успешно строится. Он ответил тогда, что в таком случае каждый свой фельетон будет начинать с фразы: «Несмотря на то, что Гдыня успеш-

но строится...» А для экономии места обещал пользоваться сокращением «итчгус».

Я не могу начинать каждую свою книгу с фразы: «Хотя все, что угодно, можно использовать как средство уничтожения...» Могушество науки — это одно, а то, как используется это могушество, — другое. Я занимался средствами, а не целями. Если род человеческий посягнет сам на себя, просто ничего не останется. Эта сторона дела ужасна, но и банальна. Меня не занимает ни вопрос об уничтожении человечества, ни перспектива такого крушения цивилизации, от которого она не оправится даже за шестьсот лет. Но отсюда вовсе не следует, будто бы

я — видный идеолог scientистской технократии.

Технократия предполагает правление технократов. Где можно отыскать такое правление в моем творчестве? Только в одном отношении можно признать меня большим технократом, чем в шестидесятые годы. Тогда я категорически отверг идею машины, управляющей государством, а сегодня это вовсе не кажется мне бессмысленным. Машина, должным образом защищенная (от покушений жаждущих власти людей), управляла бы государством куда беспристрастнее любого политака.

С. Б.: Может быть, перейдем к следующей теме: «любовь к женщине». Боюсь, мы получим картину не слишком радостную: здесь вы проявляете исключительную сдержанность.

С. Л.: Принято считать, что писатель должен черпать материал из самых личных и интимных переживаний. Я с этим согласен, однако *cum grano salis**, просто потому, что моя жизнь не вращалась вокруг сексуальных вопросов. Еще ребенком я больше интересовался разными механизмами, чем всякими такими округлостями. Разумеется, меня занимали девочки, но большее волнение вызывали во мне звезды: я считал, что они заслуживают большего внимания, чем загадки, которые таит в себе... скажем, женская душа. Так оно попросту было! Надеюсь, тут нет ничего постыдного для меня как частного человека.

Я всегда держался того мнения, что не следует слишком выставлять свою интимную жизнь. Это видно даже в «Высоком Замке», где я занимаюсь собой лишь до определенного момента, хотя не обхожу молчанием таких эпизодов, когда отец застает меня за грешным занятием — пощипыванием служанки за ягодицы. Но чтобы превращать это в канву своего творчества? Нет, тогда уж лучше писать исторические романы...

Пьесы, в которых главное — это измены, супружеские треугольники, трагическая любовь и распад семьи, я смотрю без всякого удовольствия; я считаю, что при показе таких вещей в те-

Живопись Джорджо де Кирико

* Здесь: с оговорками (лат).

атре не должно быть ни единого зрителя, а у сцены должны быть не три стены, а четыре. Это частное дело каждого. В такие моменты у меня на глаза шоры. Меня не интересует психология отдельных персонажей, если она не является выражением проблем более высокого порядка.

С. Б.: Страшно подумать, что осталось бы от мировой классики, если бы каждый писатель думал подобным образом.

С. Л.: «Красное и черное», «Ромео и Джульетта» — это, конечно, прекрасно; «Ромео» я очень люблю, но не потому, что это изумительная любовь, а потому, что это превосходная поэзия.

С. Б.: В «Сумме технологий» вы затрагиваете вопрос об эротической фантоматике, изображение рисует картины каких-то каучуковых имитаций партнера или партнерши, мастурбационных машин, гедоматов и облажаден, но в ваших гротесках этого не очень-то много.

С. Л.: В «Кибериаде» для этого почти не нашлось места. Но уже в «Звездных дневниках» есть такие штучки с дихотомиями, которые «самоуслаждаются». В «Осмотре на месте»* изображены антиподы человеческой биологии, для которых секс — нечто вроде спорта, которым занимаются исключительно на бегу. Не исключено, что я написал бы, как вы предлагаете, секс с какими-нибудь андроидами, но до сих пор этого не сделал.

С. Б.: Почему?

С. Л.: По правде сказать, не знаю, должно быть, это не слишком меня увлекло. Но, может быть, — так мне, по крайней мере, казалось в те годы, когда я формировался как писатель, — я не могу выйти за «врожденные» пуританские ограничения, свойственные всей польской литературе, в рамках которой неч-

то такое выглядело бы непристойной выходкой.

А может быть, я, не сознавая того, разделяю точку зрения Тарновского*, который говорил: «Книга должна быть такой, чтобы ее можно было без опаски держать в доме, где живут подрастающие барышни».

С. Б.: Зато вы любите изображать в издевательском виде парадоксальное сращение сферы секса с удалением из организма физиологических выделений — действительно, сочетание просто ужасное.

С. Л.: Но ведь большинство людей просто не замечает этого. Писать об этом в серьезном тоне было бы не очень серьезно, но в гротеске это вполне оправдано. Ведь вовсе не глуп «Безнравственный трактат» Хетатюксюрксирукса**:

* С. Тарновский (1837—1917) — польский критик и историк литературы.

** Далее Лем цитирует роман «Осмотр на месте».

* Роман С. Лема (1982), входящий в цикл «Из воспоминаний Иона Тихого».

«Земляне — выродки природы: В любви у них имеет вред. То место, где исход находит Метаболический процесс. Узнав, где ищут идеал Сию злостность страдальцы, По всей Вселенной стар и мал В отчаянье ломают пальцы».

И разве не забавен текст, на который ссылается профессор Тодоров?

«Свою голубку опыляя *, Я славою пчел и мотыльков. Но твой обычай не таков, Срамная нация людская! В экстазе самку обнимая, Ужель твой лирик воспоеет — Канал для отброса нечистот?»

О демократии и цивилизации экспертов

С. Л.: Демократия, которая на Западе такая демократическая, не очень-то мне нравится. Это не значит, что мне по душе тоталитарные режимы, но такое направление развития демократии (ведь демократия не есть нечто застывшее на века) совершенно меня не удовлетворяет. Эта демократия означает, что каждый может выступить публично, если у него достаточно средств, и болтать что угодно — например, что нет никакой разницы между мужчиной и женщиной, что надо ликвидировать все школы и тому подобное. Недавно в ФРГ уранили в правах врачей и знахарей — и все в рамках демократии. А потом огромное фото какого-то типа с внимательным взглядом, в белом халате и с пробиркой в руках должно убедить нас идти не к врачу, а к знахарю. Такое равенство мне не по душе, потому что я — сторонник цивилизации экспертов. А между цивилизацией экспертов и цивилизацией, в которой по каждому вопросу голосуют, — большая разница.

В этой демократии кандидатов на важнейшие политические посты предлагают и «продают» обществу совершенно такими же методами, как томатный суп в банках. Механизм в точности тот же. Я воспринимаю это как

прогрессирующий упадок интеллектуальных способностей политиков. Отдельные исключения не опровергают правила. А кроме того, в этой демократии каждый голос весит одинаково: уборщицы, профессора университета и психа, только что вышедшего из больницы. Это нехорошо, хотя, может быть, это наименьшее зло, которое можно себе представить.

Самое горькое разочарование для таких натур, как я, — убеждать в том, что наш мир состоит в значительной части из сумасшедших и идиотов и что его судьбы в значительной степени зависят именно от этих идиотов. Разумеется, если бы человечество состояло из одних сумасшедших и идиотов, жить вообще не стоило бы. До этого, к счастью, еще не дошло, но сумасшедшие страшно мешают жить остальным.

Автоэволюция человека и «машинный разум»

С. Б.: Итак, видите ли вы какие-нибудь возможности гармонического развития человечества?

С. Л.: Нет, не вижу.

С. Б.: А какие условия следовало бы выполнить, чтобы это стало возможным?

С. Л.: Об этом написано в «Толеме XIV». Мой компьютерный философ утверждает, что человек должен совершенно переделать себя, но тогда не перестанет ли он быть человеком? Гармоническое развитие человечества для меня нечто вроде квадратуры круга.

С. Б.: А насколько вероятна автоэволюционная перестройка человека?

С. Л.: Пока что невозможна, ибо она предполагает знания, которых у нас еще нет. Нельзя перестроить то, устройство чего нам неизвестно.

С. Б.: Похоже, что человек заведет различными мощнейшими силами, и в первую очередь ядерной энергией, слишком рано.

С. Л.: Да, такая концепция существует. Это как если бы подростка поселили не в монастыре, а в борделе. И все же нельзя представить себе, что наступит момент, когда человечество настолько глубоко осоз-

нает скрытые в природе разрушительные возможности, что овладеет ими не преждевременно, а в «самую пору». Способность к автоэволюции, о которой вы упоминали, люди приобретут, вероятно, в XXI столетии, и тогда, несомненно, проницательные комментаторы хорошо заголосят, что это слишком рано. Разумеется, это ни на что не повлияет, и человечество пойдет дальше.

Для меня несомненно, что длительный процесс вытеснения человека из его бесчисленных жизненных ниш уже начался и прогрессирует. Мы не замечаем его лишь потому, что свалились в глубокую цивилизационную западню, откуда виден только его скат.

Лет через сорок на Западе попробуют заменить солдат — жизнь которых бесценна и которые к тому же просто боятся — автоматами.

Мы превосходим компьютеры интеллектом, потому что они в духовном смысле пусты, а значит, глупы; но это изменится, и они перегонят нас очень быстро. Я в этом уверен. Не знаю, через сорок или девяносто лет это случится, но случится наверняка. Это, что и говорить, будет не слишком приятно.

Об инопланетянах

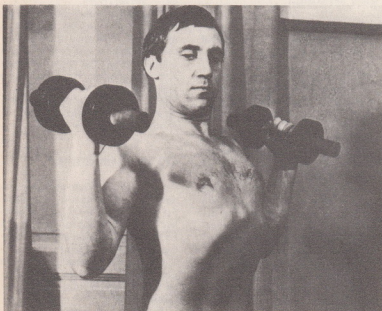
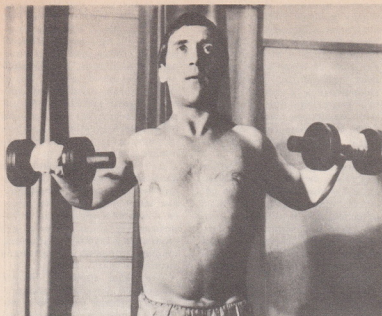
С. Б.: Сам я в это совершенно не верю, но читатели линчевали бы меня, если бы я не спросил вас о возможности выбраться из цивилизованной западни благодаря инопланетянам.

С. Л.: Контакты с другими цивилизациями представляются мне совершенно неправдоподобными.

Я не верю в возможность посещения Земли «Другими» и не верю в возможность принять понятные для нас сигналы из Космоса. Почему — не знаю! Все объяснения только усложняют бы дело. При этом я не считаю, будто Земля — единственная обитель живого в Космосе. У меня в голове засело, что «Они» — иные, и ведут себя иначе, не так, как мы можем себе представить.

Перевел с польского
Константин Душенко

* У жителей планеты Энциа оплодотворение совершается путем опыления на расстоянии.

ЗА КАДРОМ

Лирическое отступление

Многие интересные материалы повести «Владимир Высоцкий: эпизоды творческой судьбы» остаются как бы «за кадром», поскольку не имеют порой прямого отношения к его творчеству. Некоторые из них просто жалко терять, поэтому мы избрали несколько необычную форму подачи материала — вне

контекста повести. Пусть это будет своеобразным «лирическим отступлением».

К иллюстрациям мы прилагаем интервью, взятое у фотокорреспондента журнала «Спортивная жизнь России» Д. М. Кричевского.

«Моя встреча с Высоким произошла в 1968 году. Где-то

в 20-х числах марта я вернулся с соревнований, где готовил фоторепортаж (был выходной день — суббота). Вдруг неожиданный звонок: завтра утром придет в редакцию Высоцкий. Нужно провести съемку — сделать портрет для статьи и, кроме того, постараться сфотографировать его с гантелями.

К тому времени Высоцкий уже был популярен как актер и автор нетрадиционных песен. Думаю, что появившиеся у него тогда песни о спорте и явились одной из причин интереса, проявленного нашим журналом. Но я этого имени еще не знал.

Назавтра в полдень пришел в редакцию аккуратный молодой человек спортивного вида. Был он не один — вместе с красивой блондинкой. Тогда я не знал, что это французская кинозвезда Марина Влади. Она держалась очень скромно, отойдя как бы на второй план.

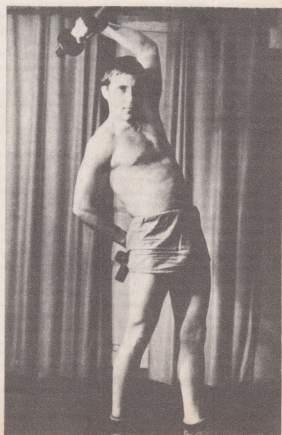
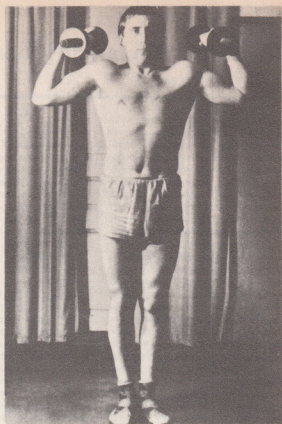
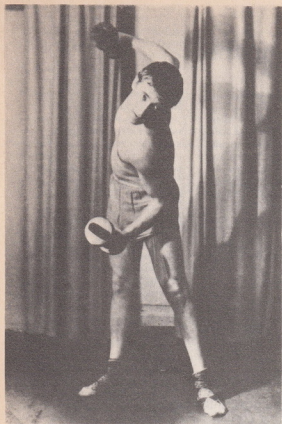
Они оба проявили неподдельный интерес к тому, что нам предстояло. Владимир старался во все вникнуть: он рассматривал фотографии на стенах лаборатории, спрашивал про спортивные дела, интересовался, бывал ли я у них в театре.

Закончив основную съемку, я попросил его сняться еще и с гантелями (гантели всегда у меня были наготове — они и сейчас здесь). Владимир посетовал, что у него нет с собой спортивной формы, но все-таки согласился позировать.

По тому, как он взял гантели, было видно, что Владимир с ними знаком. Он, правда, не обладал хорошей школой (это чувствовалось по мелочам: параллельности рук и т. п.), но был явно не новичок: имел крепкий хват, выверенную технику, пластика движений была ему хорошо знакома. Свой комплекс упражнений проделал крайне энергично — вся съемка длилась чуть более часа.

Откровенно говоря, видя его экипировку, я не захотел его мучить позированием. Решил: пусть будет как есть. А потом эти снимки с гантелями не стал показывать в редакции, и в номер пошел один из портретов.

За время нашего краткого знакомства у меня сложилось о Высоком хорошее и доброе впечатление — как об очень культурном, интеллигентном и воспитанном человеке».

О книге «Владимир Высоцкий. Избранное»

В 1988 году в издательстве «Советский писатель» вышла книга «Владимир Высоцкий. Избранное». Текстологическая работа — Н. А. Крымова, В. О. Абдулов, Г. Д. Антимоний; редактор В. С. Фогельсон. Тираж 200 тысяч экземпляров.

Это событие, отрадное само по себе, вместо ожидаемой радости вызвало недоумение. Составитель сборника Н. Крымова в послесловии к книге пишет: «...тех, кто работал сегодня над этим сборником... не покидало чувство волнения и ответственности. Вполне может быть, что это не избавило книгу от ошибок, но так или иначе к читателям выходит наиболее объемное и выверенное по рукописям издание стихов Высоцкого»¹.

От ошибок, разумеется, никто не застрахован, но при чтении книги возникает вопрос другого порядка: остались ли составители корректными по отношению к текстам Высоцкого? Его поэтическое творчество своеобразно тем, что можно вести разговор лишь об устойчивых вариантах песни или стиха, но не об окончательно фиксированном тексте. Эта сложность предполагает применение неординарных методов в текстологической работе². Но ни один из них (в том числе и работа с рукописями) не может оправдать прямого произвола в обращении с поэтическим словом. И разговор в данном случае не о том, «какой вариант текста лучше, более ранний или более поздний»³, а о том, какой текст принадлежит Высоцкому, а какой — составителям.

Отразить в полном объеме несообразность текстов, приведенных в книге, не представляется возможным. Остановимся лишь на некоторых.

¹ Крымова Н. О поэзии Владимира Высоцкого. — Избранное. М., «Советский писатель», 1988.

² Подробнее см. примечания сборника «Четыре четверти пути». М., «Физкультура и спорт», 1988.

³ Крымова Н. Указ. произв.

Стр. 475 — то, что получилась здесь, прецедентов не имеет. Печальный опыт соединения двух стихотворений Высоцкого в одно уже есть (см. стихотворение «Чту Фауста ли, Дориана Грея ли...» в сборнике «Нерв». М., «Современник», 1981), но вот из одного умудриться сделать два...

Между 12-й и 13-й строками составители «опускают» еще восемь строк:

Воля в глотку льется
Сладко натошак.

Хорошо живется

Тому, кто весельчак.

А веселее пьется

На тугой карман.

Хорошо живется

Тому, кто атаман.

Как мы впоследствии увидим, это очень важный штрих. А пока идем далее по тексту. В сборнике песня кончается 20-й строкой, однако в рукописи она продолжается без перерыва:

Смерть крадется сзади, ну

Словно фрайер на бану.

Я в живот ее пьрну —

Сгорбится в поклоне.

Я — в бега, но сатану

Не обманеш, ну и ну!

Глядь — во синем во Дону

Оступил ладони!

Вот! Теперь переворачиваем страницу, и все становится понятно: именно из всех предыдущих набросков, представленных составителями как самостоятельное произведение (для чего потребовалось «выкинуть»

все лишнее, на их взгляд), и родилась песня, опубликованная на стр. 476—477. Здесь же мы находим и опущенные ранее строки из первой песни. Хотя в действительности тут они у Высоцкого написаны уже иначе:

Сколь кровй ни льется,

Пресный все лиман.

Нет, хочу с колодца,

Слышь-ка, атаман!

Знаю, легче пьется

На тугой карман.

Хорошо живется,

Если атаман.

Составители на этом завершают песню. А в рукописи она гораздо длиннее. Существует

еще целый куплет с припевом.

Но и этим ошибки только в одном приведенном стихотворении не ограничиваются. Стр. 475, 5-я строка:

Простат ставить по рублю...

Кто просит? Может, автор что-то пояснит? В рукописи:

Просто ставить по рублю

Вообще, элементарная невнимательность в прочтении рукописей и столь вольное обращение с текстом — характерная черта составителей сборника. Подтверждений тому — сколько угодно. Например, стр. 439, 30-я строка:

Рубля, должно быть

для надежности, рукой.

Ну если это надежнее, чем топором, тогда, пожалуй, верно. У Высоцкого до этого фантазия не дошла. В рукописи «для наглядности»... Цитируемое стихотворение в плане составительских изысков наиболее плодотворно. Хотя, впрочем, некоторые другие мало в чем ему уступают. Стр. 394, строка 26-я: Выпить штоф напоследок —

и в прорубь.

Ничего подобного в рукописи нет, строка попросту взята «с потолка». А из черновики явствует:

Да и сам-то я кто — надо

в прорубь!

Как видите, «штофом напоследок» здесь и не пахнет. И вообще, судя по всему, от всей строфы «Отражение свое...» (строки 21—26) автор отказался, написав взамен куплет «Снег кружит над землей...», данный в публикации последним. При этом 27-я строка будет звучать так:

Жизнь идет на мороз —
Ей там, голой, не выдержать

стужу.

Отсутствие белового автографа порождает, как видите, многовариантность толкования. В таких случаях, наверное, лучше не публиковать произведение вообще или же как-то комментировать и аргументировать сделанное. И уж совсем негоже печатать строки, Высоцкому не принадлежащие. Такие, как на

стр. 397, где и вовсе начинается «сочинение на вольную тему». 22—23-я строки:

Хрупкий ледок.

Легок герой, а Минотавр...

У автора эти строки звучат

так:

Ни холодок.

Вышел герой, а Минотавр...

Краткий справочник стилей

Продолжение. Начало в № 2

I

Идолы подростков. Месть музыкальной индустрии. С нашествием рок-н-ролла продюсеры открывают возможность устойчивой прибыли, выбрасывая на «рынок» красивых мальчиков с безобидными и притягательными лицами. Эта формула продолжает применяться с заметным успехом.

Инструменталы. Для утоления жажды в танцах в 50-е годы многочисленные инструменталисты-гитаристы, органисты, саксофонисты, ударники выпускают прелестные диски, попадающие точно в цель.

За исключением «Венчерс» или «Шаддоуз», это «цветы на сезон»: рок не прибегает к вокалу только в музыке «нью-ейдж» или «фьюжн».

M

Танцевальная музыка. Дэнс-мюзик 80-х годов — межрасовая музыка; стоит только отметить в ней то, что она может поддерживать людей в движении с помощью элементов рока, техно, соул и всего другого, что ей понадобится. Способна производить суперзвезд: Мадонна.

N

Нью-ейдж мюзик. Интимное звучание, где-то между открытием новых земель и массажем чувств.

Нью-Орлеан. Луизиана богата чернокожим населением, с легко узнаваемыми ритмами и голосами, манерой исполнения. Этот стиль был очень популярен в 50-е и 60-е годы. На вершине пирамиды — приглушенный голос и рояль Фатса Домино.

Новая волна. Вскоре после восстановления «панк» появляются группы и союзы, которые возвращают простоту «поп» 60-х годов с более или менее ностальгической эстетикой. В «новую волну» вмещается многое, начиная с мимических упражне-

Несколько несуразно? А что делать — по-другому Высоцкий не написал. Но далее — еще интересней! Строки 29—30-я:

Глотки их лают, потные
в месиве...

Я не желаю с этими вместе!

«Потные глотки» — каково!

У Высоцкого же здесь:

Крики и вопли — все

без вниманья.

Я не желаю в эту компанию.

Видимо, «компанию». Но

Владимир Семенович писал обычно так, как собирался проинтерпретировать.

Далее и в этом стихотворении, и во многих других присутствуют ошибки подобного же характера. Пора бы наконец уяснить, что попытки «олитературивать» и поправлять Высоцкого ни к чему хорошему не приведут. За примерами далеко ходить не надо — стр. 408, 17-я строка:

Я сам больной и кочевой...

У Высоцкого в рукописи «...шаловой и кочевой». Далее здесь же (стр. 409, 37-я строка) читаем:

У нас границ не перечсть,

В действительности написано:

У нас границ — полно навесь.

Составителей, видно, смутило слово «навесь». Но при внимательном рассмотрении выясняется, что это «невесь»⁴, написанное с ошибкой. Автор, увлеченный процессом сочинения, иногда делала такие ошибки. Но работа исследователей заключается совсем не в том, чтобы «переводить на русский язык» непонятные для них слова.

Что это? Редакторская небрежность? Досадные неточности? А может — отсутствие понимания и ощущения стиля автора? Ведь тексты в данном сборнике часто подготовлены по принципу «своя рука — владыка».

Стр. 392 — несостоявшаяся песня к к/ф «Вооружен и очень опасен». Но, во-первых, почему проигнорировали в трех приве-

денных куплетах после слов «А мне хорошо» наличие еще трех строк — в каждом случае разных, а во-вторых, где еще три куплета? Ведь они существуют в авторской рукописи.

Можно, конечно, сослаться на то, что в опубликованном виде песня звучит в спектакле Театра на Таганке «Владимир Высоцкий», но необходимо при этом учитывать, что один из составителей книги — Г. Антимонов, именующий себя на многочисленных выступлениях с расказами о поэзии Высоцкого то «главным литературным консультантом Театра на Таганке», то «кандидатом искусствоведческих наук» (!), — кстати сказать, ни тем, ни другим не являющийся, — помогал «выверять» тексты песен при подготовке спектакля. Это с его легкой руки театр во время каждого представления тиражирует в шестистах экземплярах (по числу мест в зале) кастрированный текст.

А даты?! Они часто не соответствуют действительному времени написания произведений. И разница порой достаточно большая. Для наглядности — один пример. В стихотворении, приведенном на стр. 233, указано: «начало 70-х». Как это понимать — 1970? 1971? Зато на стр. 374 читаем: «1976». А ведь эти стихи — «родные братья», то есть одно из них возникло в процессе работы над другим. И даже написаны они на одних и тех же листах рукописи!

В заключение необходимо сказать следующее: единственной из составителей книги, близко знавшей автора, В. Абдулов, протестовал против подобного обращения с авторским текстом. К моменту верстки им была представлена в издательство обширная правка материалов сборника. Когда редактор не счел нужным внести исправления, В. Абдулов потребовал снять свою фамилию с выходных данных книги, что также не было выполнено. Остается сожалеть, что к его мнению не прислушались.

И последнее. Составители сборника и авторы данной реплики пользовались идентичными материалами.

Борис Акимов,
Олег Терентьев

⁴ Наречие (прост.) в значении «неизвестно», употребленное в значении «полно» (разг.) с наречием «много», образуют нетрадиционное словосочетание, выражающее неопределенно большое количество чего-то (в данном случае — границ) — нечто среднее между «полным-полно» и «невесь сколько».

ний до вполне взрослых открытий.

Новые романтики. В начале 80-х годов они возникают в лондонских клубах с бредовыми одеждами, гедонистскими посланиями и синтетическими танцевальными звуками. Некоторые развиваются, как «Шпанду Балет».

Р

Фил Спектор. Экцентричный персонаж, чье имя является синонимом вагнеровских произведений, юношеских мелодрам в их высоком выражении; он лидирует в хит-параде в начале 60-х и вскоре исчезает; потом он работал с бывшими членами «Битлз» и Леонардом Коуеном.

Поп. Хотя это название служит для обозначения всей молодежной музыки, термин «поп» обычно применяется в более узком смысле по отношению к менее претенциозным формам 70-х годов и происходящим от них.

Поп-негро. В 80-х годах цветные артисты (их число нарастает лавинообразно) — Майкл Джексон, Тина Тёрнер, Принс — смогли объединить основы «рок» и «поп» с характерным стилем афро-американской музыки. Их отличают электрицизм и способность прорваться к массовой публике, преодолевая расовые и национальные барьеры. На некоторых из них оказывают влияние нью-йоркская культура хип-хоп, которая включает такие выражения, как «скратч», уличный «граффити», «брейк-данс» или «пан» (ритмичный монолог на гипнотическом и синтетическом фоне).

Панк. Мятеж, поднятый в 1976 году, был основан на эстетике, столь распушенной, сколь и безнадёжной.

Нигилист и боец. «панк» остается, однако, живым и подпольным в движениях таких групп, как «Skins» или «Hard-core» из США, которые едва ли похожи на «Секс Пистолз».

Р

Регги. Спокойная ямайская музыка. Открытая в середине

ПОЭЗИЯ

Вероника Тушинова

* * *

Человек живет совсем

немного —
несколько десятков лет и зим,
каждый шаг отмеривая строго
сердцем человеческого своим.
Льются реки, пляшут волны

света,
облака похожи на ягнят...
Травы, шелестящие от ветра,
полчищами поймы полонят.
Выбегает из побегов хилых
сильная блестящая листва,
плачут и смеются на могилах
новые живые существа.
Вспыхивают и сгорают маки.
Истекает дочерняя трава...
В мертвых книгах
крохотные знаки
собраны в бессмертные слова.

* * *

Будет, будет, будет дом,
не останемся без крова.
Будет дом моим трудом
возведен, дыханьем, кровью,
мужеством и теплотой,
преданностью и смиреньем...
Будет, будет — мой и твой,
в соснах, в зарослях сирени,
возле родника, в логу,
на прибрежном косогоре,
дом в тайге и дом на взморье,
дом в барханах, дом в снегу...
Не навеки — на два дня
будет дом всегда и всюду,
если буду я, а я
буду,
буду,
буду!

— Ты сам виноват, — сказала
Маленький принц. — Я ведь не хотела,
чтобы тебе было больно, ты
сам пожелаал, чтобы я тебя приручила...

— Да, конечно, — сказала Лис.
— Но ты будешь плакать!
— Да, конечно.
— Значит, тебе от этого плохо.
— Нет, — возразила Лис, — мне
хорошо...

Сент-Экзюпери

* * *

Сто часов счастья...
Разве этого мало?
Я его, как песок золотой,
намывала,

собирала любовно, неутомимо,
по крупнице, по капле,
по искре, по блестяке,
создавала его из тумана и дыма,
принимала в подарок
от каждой звезды и березки...
Сколько дней проводила
за счастьем в погоне
на продрогшем перроне,
в гремящем вагоне,
в час отлета его настигала
на аэродроме,
обнимала его, согревала
в нетопленном доме.
Ворожила над ним, колдовала...
Случалось, бывало,
что из горького горя
я счастье свое добывала.
Это зря говорится,
что надо счастливой родиться.
Нужно только, чтоб сердце
не стыдилось над счастьем
трудиться,

чтобы не было сердце
лениво, спесиво,
что за малую масть
оно говорило «спасибо».

Сто часов счастья,
чистейшего, без обмана...
Сто часов счастья!
Разве этого мало?

Про главное

Слышу голос утешающий,
вижу рук движение плавное...
— Понимаете, пока еще
не нашли вы что-то главное.
Здесь у вас волнуется многое,
но пошли вы, к сожалению,
не широкою дорожкой,
не в центральном направлении...
Уходя, кивая вежливо,
уношу листки шуршащие...
Прихожу сюда все реже я,
говорю себе все чаще я,
что к сердцам-то не раздельные,
не широкие и людные, —
а порой пути окольные,
а порой подъемы трудные,
а порой трясины топкие,
скалы, гладкие до ужаса...
Пусть не ходят люди робкие
там, где требуется мужество.
Не в погоне за известностью,
не в расчете на признание
я иду суровой местностью,
не имеющей названия.
И мои награды высшие
не графы о награждении:

СТ.М представляет: Вероника Тушнова

Живопись К. Кравченко

чья-нибудь печаль затихшая,
чьё-нибудь сердцебиение.
Чье-нибудь раздумье строгое,
чья-нибудь надежда дерзкая...
...Нет, идти своей дорогой
у меня причина верная.
Как от корня — крона дерева,
так от сердца — дело славное...
...Нет, редактор, я уверена,
что про сердце — это главное!

* * *

Не боюсь, что ты меня оставишь
для какой-то женщины другой,
а боюсь я,
что однажды станешь
ты таким же,
как любой другой.
И пойму я, что одна
в пустыне, —
в городе, огнями залитом,
и пойму, что нет тебя отныне
ни на этом свете,
ни на том.

* * *

Напрочь путь ко мне отрезаю,
чтоб не видеть и не писать,
ты еще покалещь, знаю,
станешь локти еще кусать.
Чтоб не видеть...
Но ты увидишь.
Взглянешь — взгляда
не ответишь.
Ты в метельную полночь
выйдешь,
а от памяти не уйдешь.
— Обхватить бы двумя руками,
унести б ее за моря!
Почему же она такая?
Отчего она не моя? —
Снег летит над землей
застылой,
снег рассыпчатый и сухой...
А ведь было бы счастье, было, —
оказался кузнец плохой.

На море

Я шла сюда с душою темной,
лишенной мужества и сил,
но ветер шумный и огромный
меня схватил и ослепил.
Валы грозили, и гремели,
и наступали на меня,
и сколько вспыхивали мели
в шипенье красного огня.
К закату неся парус медный,
надменно выгнут и упрям,
и я припомнила, что дед мой
всю жизнь скитался по морям...
И я подумала о сыне,
как он, от всех морей вдали,
упорно, с крыльями косыми
выстрегивает корабли.

Швыряя водорослей плети,
вскипая пенные горбы,
и в душу мне ворвался ветер
неуспокоенной судьбы.
И так смеялся, так гремел он,
закатым пламенем обвит,
что я припомнить не посмела
вчерашних маленьких обид!

* * *

Я, видно, из графика выбилась
где-то,
нелегкое время пришло
для меня:
любое желанье под знаком
запрета,
от красного света
до красного света
тащусь я по жизни, помехи
кляня.
Я к дьяволу все светофоры
послала б,
но только рискну напрямик,
напролом —
встает на дороге, не слушая
жалоб,
судьба с полосатым
бесстрастным железом.
И я посреди суматохи и шума
гляжу убегающей радости вслед
и, сжав кулаки, дожидаюсь
угрюмо
когда, наконец, переменится
свет.

* * *

Я давно спросить тебя хотела:
разве ты совсем уже забыла,
как любил мои глаза и тело,
сердце и слова мои любил...

Я тогда была твоей отрадой,
а теперь душа твоя пуста.
Так однажды с бронзового сада
облетает поутру листва.

Так снежинки — звездчатое
чудо —
тонким паром улетают ввысь.
Я ищу, ищу тебя повсюду,
где же ты? Откликнись,
отзовись.

Как мне горько, странно,
одинокое,
в темноту протянута рука.
Между нами пролегла широко
жизни многоводная река.

Но сильна надежда в человеке,
я ищу твой равнодушный
взгляд.

Все еще мне верится, что реки
могут поворачивать назад.

* * *

Сто раз помочь тебе готова,
любую ложь произнести,
но нет же, нет такого слова,
чтобы сгоревшее спасти.
Не раздобить огня из пепла
и костерка не развести...
Все так печально, так нелепо, —
ни отогреть, ни увести.
Привыкла я к унынью ночи
и к плачу осени в трубе...
Чем ты суровой, чем жесточе,
тем больше верю я тебе,
тем все отчаяннее, чище
любовь моя и боль моя...
Так и живем на пепелище,
так и будем — ты да я.
Храню золу, латаю ветошь,
Приобщена к твоей судьбе...
Все жаду — когда меня
заметишь,
когда забудешь о себе.

* * *

Я с годами думаю все чаще,
что краденое счастье —
тоже счастье,
как ситник краденый — все
тот же хлеб насущный,
спасенье жизни
неблагополучной.

А может, несравненно слаще
даже.
Поверьте, это не в защиту
кражи,
но просто я убеждена, что
сытый
не представляет, сколько стоит
ситный...

* * *

Я стою у открытой двери,
я прощаюсь, я ухожу.
Ни во что уже не поверю, —
все равно
напиши,
прошу!
Чтоб не мучиться поздней
жалостью,
от которой спасения нет,
напиши мне письмо,
пожалуйста,
вперед на тысячу лет.
Не на будущее,
так за прошлое,
за упокой души,
напиши обо мне хорошее.
Я уже умерла. Напиши!

Аркадий Бухов

Четыре жестокосердных

Есть шутники, преимущественно из молодых людей, не занятых определенной работой, которые легкостью выдумки и игровостью ее выполнения могут удивить быка.

Обычно они выбирают предмет салонной шутки непривередный слух о близости хозяйина дома к одной из малоизвестных в городе портних, лысину одного из вспыльчивых гостей, неопределенность возраста хозяйкиной сестры; или просто дружески смеются над малолетством похоронной процессии, устроенной недавно одним из присутствующих по поводу смерти горячо любимой жены...

Милая улыбка и нескрываемое желание повеселить окружающих незлобностью шутки часто спасают неопытного весельчака от неожиданных последствий. Больше того, многие даже улыбаются, тепло оглядывая рассказчика и вскользя доставая часы и уходя сейчас же после такого рассказа. Но в большинстве случаев неудачная шутка портит карьеру рассказчика несравненно сильнее, чем даже удачное оскорбление словами одного из присутствующих...

Единственный день, когда шутникам дурного тона дается полная индульгенция на слова и поступки, — это первое апреля... И все же я помню, как четыре жестокосердных человека, не учтя этого дня, непоследовательно жестоко отомстили одному такому же скромному, ничем не выдающемуся человеку за одно его желание скрасить их серые будни веселой ординарной шуткой.

Мы сидели у Шиткова и пили чай, когда в коридоре резко задребезжал телефон.

— Иди ты, — сказала сам Шитков, — я устал.

— Я тоже. Я старше тебя, — ответил Женечка, размешивая ложечкой чай, — пусть он сходит.

— Позвонит и перестанет, —

философски заметил Салицын, закуривая папироску, — какая-то жалкая машинка, может быть, в одну индикаторную лошадиную паровую силу, а из-за нее человек должен терять равновесие...

Потерял равновесие я. Я пошел к телефону и снял трубку.

— Алло. Что? Да, это квартира Шиткова. Не может. Занят. Что? Что? Кто застрелился? Послушайте, вы серьезно? Даниил Михайлович? Послушайте, да это, кажется, ты сам, Донька? Что?

Голос сильно напоминал виновника несчастного случая, но я был слишком взволнован неожиданной налетевшей вестью.

— Послушай, да будет тебе... Что? Не шутите? Извините... А когда это произошло? В шесть часов?.. Почему? Может быть, записка?.. Хорошо, хорошо, конечно, мы приедем...

Когда я, положив трубку, вернулся в столовую, передавать разговор мне не пришлось. Все отлично его слышали, и нечуткость близких к покойнику людей резнула меня по сердцу.

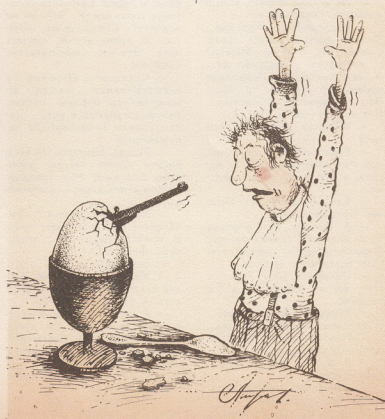
— Слышали, — спокойно сказал Женечка, посмотрев на мое искаженное жалостью лицо. — Не рассказывай. Лучше сядь и расскажи, почему это у тебя происходит. От родителей, воспитание ненормальное, что ли, или так, внешние причины?

— Что?.. внешние причины... — Я, коротче говоря, совершенно диетантски интересуюсь вопросом: почему ты такой идиот?

— Но позвол... Ты же слышал, что человек...

— Тебе нужно брать ванны. Насыпь в воду соль и сиди с градусником, — сочувственно прибавил Шитков, — это помогает от твоих недостатков...

Я обижено посмотрел на

Графика С. Айнутдинова

всех троих, собравшихся в этой столовой, и в недоумении пожал плечами.

— Ну, знаете... ваше воспитание... тоже...

— Идиот, — кротко остановил меня Салицын, — какое сегодня число?

— Ну, первое апреля... Ах да, да, да... Что же это значит?

— Собираемся, друзья, — деловито предложил Шитков, — к покойнику. Я уж давно до него добираюсь...

— Четыре человека идут проводить весело время, — резюмировал Салицын, надевая мою шапку, — это даже хорошо... Четыре человека и один покойник... Не много, но весело.

— Здравствуйте. Покойный Дольский дома?

— Хозяин-то? Дома, дома, пожалуйте...

— Он у себя? Разлагается? — Не видела. Может, там, в кабинете. Одни сидят.

— Раздевайся, братцы... Только заходить всем сразу. Готово? Ну, я стучу. Можно?

— Войдите... Войдите же... А, вся компания? Покойника проведать? Здорово я вас... Это называется попасться...

Вот четыре осла-то, вот... — Женечка, холодный или нет?

— Рука холодная; эх, Шитков, сам понимаешь, сейчас десять, а это в шесть произошло.

— Кто холодный, я? Сами вы, черти, холодные...

— А почему это мертвец не на диване? Странно как-то... Положить бы его хорошо, все-таки благочиние требует...

— Положить? Это можно... Нет, ты за голову, а я уж за ноги...

— Бросьте дурака валять... Осторожнее, рукав разорвешь... Положи. Лежит. Все-таки для глаза приятнее.

— А я вот взял и встал, встал и встал...

— Как ты относишься к насильно над мертвецом?

— Вещь, Шитков, в законах

не предусмотренная. Принципиально одобряю.

— А достань-ка вот там полотенце... Вот тут, за шкафом.

— Это чистое, не хватите, черти, сегодня только вынул.

— Салицын, захвати и другое. Первым за ноги, вторым за шею и к дивану...

— Да будет вам! Ну что за дурачки шутки!. Ой, ой, больно шее... Я же говорю, что больно!

— Привязали?.. Ногой шевелит? Затяни потуже. Теперь хорошо. А жаль парня... Давно ли, цветущий, веселый, жизнерадостный, он был среди нас, а теперь лежит без движения на этом диване... Так вся жизнь. Донька — олицетворение нашей кратковременной жизни...

— Обмыться бы покойничка... Позаботиться об этом, Женечка. Знакомые осудят... скажут: что же мы, если мы, если друзья не позаботились о нем.

— Ну, оставьте это... Пошутите, и будет! Снимайте полотенце, горло режет... Чего же вы молчите?.. Снимайте же, идиоты... Я, кроме шуток, кричать буду... Это уже издевательства какое-то!

— Салицын! Поройся в воспоминаниях — мешал ли когда-нибудь носовой платок, удачно засунутый в рот, — резким криком и проклятиям окружающих?

— Мешал, Шитков. Об этом писали многие знатоки этого дела. Дай твой. Мой грязный. Нужно чтить память самоубийцы.

— Убери ты платок... Это хамство! Это черт знает что... Я кричать буду... Я... агр... пер... фрх...кхх...

— Вставил? — Кажется, что плотно. Воздух проходит через нос. Обмывать не умею.

— Я умею. Правда, поверхностно, но думаю, что дойду до нужного чисто логическим путем. Дай-ка сюда графин и пробку открой...

— Погоди, я расстегну жилетку... Можно... — Наклоняй лучше. Вот так... Хм!.. Ежится... Жаль, что

температура воды несколько пониженная; графин стоял на холодном подоконнике. Остатки можно на голову... Я кончил...

— Как жаль его, Салицын... Как сейчас, помню я его добрую улыбку и открытое славянское лицо...

— Придется взять на себя заботы об извещении близких покойного о его трагической смерти... Кстати, как фамилия этой дамы, за которой он последнее время ухаживал?

— Луканова. Ее телефон, должно быть, в книжке записан. У него книжечка такая есть... Жаль, что ее муж ничего не знал об этих ухаживаниях, и если мы наткнемся на него...

— Ммм... упр... ххт...

— И если мы наткнемся на него, это будет большой бестактность... Но что делать... Печальные обстоятельства и долг товарищества... четыре — семнадцать — шестьдесят...? Так? Сейчас... Станция? четыре — семнадцать — шестьдесят... Занято... Еще позволим... Ах, Доня, Доня... На кого ты нас, как это говорится, оставили... Барышня, четыре — семнадцать — шестьдесят... Ало! Гражданин Луканов?

— Кхт... Нкр... Хп...Хп...

— Поправьте покойному платок... Гражданин Луканов... Я взял на себя печальную миссию извести вашу супругу о непредвиденной смерти ее лучшего друга, Даниила Михайловича... Не знаете такого? Нам, его друзьям, не были известны его отношения к вам...

Он подробно рассказывал нам только о близком знакомстве с уважаемой гражданкой Лукановой, незадолго до своей трагической смерти... Позвольте, но я только исполняю свой долг, так что ваш резкий тон... Повесил трубку. Очевидно, и на него сильно повлияла смерть нашего незабвенного друга... Да и чье сердце не дрогнет, узнав о том, как подломился этот нежный стебель, выраставший под яркими лучами весеннего солнца!

— Ты хорошо говоришь... Тебе должна выпсть редакция в

наше время честь сказать последнее слово над могилой нашего товарища... Такие люди редко умирают... А как же с похоронами?.. У меня лично только четыре рубля...

— Шитков... У меня мелькнула блестящая мысль... Поправьте получше платок во рту у почившего... Блестящая мысль... На что нужны деньги этому трупу, не оставившему после себя ни одной души?.. А хорошие похороны...

— Я знаю, где это. Вот тут, в боковом ящике. Пусти-ка... Вот в этой шкатулочке. Ну конечно... Это подчеркивает аккуратность покойного, одно из многочисленных достоинств его характера... Сто... Тринадцать... Двести восемьдесят рублей.

— При неродовитости мертвеца этого вполне хватит на скромные, чисто интеллигентские похороны...

— Да, но зачем обременять одного из нас всеми заботами, когда мы можем разделить эти деньги поровну, и каждый может работать самостоятельно в деле погребения нашего дорогого, нашего горячо любимого, на-

шего незабываемого друга...

— У мертвеца нехорошие глаза. Они обращены в нашу сторону с немым укором, как бы напоминая о том, что мы не должны забывать его, а чтить его память...

— Возьмем по пятидесяти. А восемьдесят оставим. Может быть, он не уплатил за месяц той девушке с приветливым лицом, которая нас впустила сюда. Больше того... я из своих пятидесяти ставлю здесь еще три рубля. Салицын, сделай и ты это. Не хочешь? Может быть, ты и прав: я тоже возьму свои обратно.

— Как жаль, что у меня нет ничего на память об этом хорошем, родном человеке, так опрометчиво покончившем все счеты со своей молодой, благоуханной жизнью... Впрочем, если я возьму вот этот портсигар, у меня уже будет небольшая вещица. Проба есть, и верхняя крышка золотая.

— Я лично остановлюсь вот на этой цепочке... Покойный так любил ее носить с белым жилетом. Я дам ее на сохранение в какое-нибудь такое место, где бы мне поручились за

ее целостность небольшой суммой и квитанцией...

— А вы что же? Берите. Хорошенькие вещицы... Ты даже возьми себе вот эту статуэтку... Не понравится, дорогой разобьешь... Ну, тронуться...

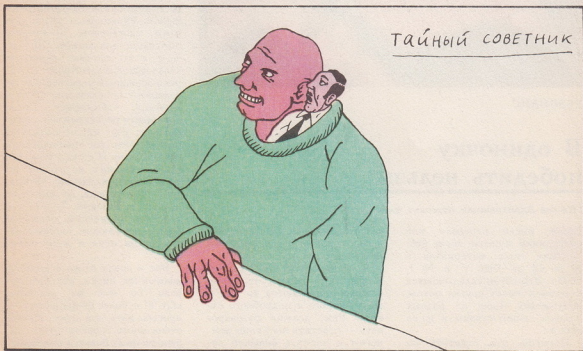
— Прощай, Доня... Прощай... В первый раз плачу... Не стесняйтесь и вы — разве можно стыдиться слез любви и дружбы... Прощай, родной... Скоро все там будем... Платок нужно пальцем поглубже...

— Надевайте пальто скорее. Готовы? Девушка, хозяин просил никого-никого не принимать... Он хочет мечтать об уходящих в ту синюю даль, где легкие цикады... А вас он просил зайти сейчас же...

С Доней мы больше не встречались. Кто-то мне передавал, что в его характере произошел крутой перелом: он стал серьезнее, мрачнее и совершенно избегает шуток.

В первых числах апреля почти ежегодно уезжает за город...

1915

Тайный советник

КАРИКАТУРА

Графика А. Джикия

РЕЗОНАНС

В одиночку победить нельзя

(Джуна Давиташвили отвечает читателям)

Сотни писем передали мне сотрудники журнала после публикации моих материалов в № 9—12 за 1988 г. и № 1, 1989 г. Эти сотни складываются в десятки тысяч других писем, получаемых мною из разных уголков нашей страны и из-за рубежа.

Понятно, что ответить на всю корреспонденцию я физически не в состоянии. Для этого мне пришлось бы отказаться не только от лечения больных и занятий с учениками на кур-

сах, но вообще от личной жизни и сна, которых мне и так очень не хватает.

Я не жалею, просто хочу, чтобы меня поняли те люди, которые обращаются ко мне и ждут короткого и подробного ответа. Увы, должна разочаровать — ответить могу лишь немногим и часто с большой задержкой. Мое время не принадлежит мне. Поздно ночью я выбираю иногда часок-другой и просматриваю письма. Страдания людей проходят через мое

сердце, оно рвется помочь им, дать надежду, здоровье. Но... Сколько людей могу принять я одна?! А ведь почти в каждом мольба: дайте адрес Джуны, помогите попасть к ней, встретиться с ней...

Многим удается разыскать меня, узнать адрес, но лишь небольшую часть из них могу принять и провести сеансы лечения. Время и силы мои не беспредельны. Поверьте, я не щаю себя, но слишком много вокруг болезней и связанных с ними горя и страдания.

Вот поэтому я так давно и упорно добиваюсь того, чтобы моя методика вошла в каждый дом, в каждую семью. У меня нет тайн. Самая большая человеческая ценность — здоровье, и его нужно сохранить всеми возможными средствами. Я всегда охотно делилась своими знаниями и опытом с теми, кто этого хотел. У меня много учеников-медиков, а в последнее время профилактическую методику бесконтактного массажа изучают все желающие на курсах, которые организованы при кооперативе «Джуна».

К сожалению, кооператив пока не может набрать полную силу, так как нам до сих пор не выделили подходящего помещения. Приходится ютиться в моей мастерской, арендовать помещение для занятий. Вот почему я со своими учениками стала выходить на Арбат, в Старокопюшенный переулок, где по вечерам в понедельник, среду и пятницу собираются люди, которым я рассказываю о методике и учу их использовать мои приемы для профилактики заболеваний. И я счастлива, что многие из них не только на себе ощутили пользу бесконтактного массажа, но помогают друзьям и близким. Только так я смогу принести реальную пользу всем людям, которые надеются на меня и ждут помощи.

Вот и среди этого огромного количества писем, которые попали ко мне из редакции «Ст. М.», более 90 процентов — просьбы дать мой адрес. Много, очень много горьких писем, переполненных болью и надеждой, иногда — последней надеждой. Почти в каждом — диагноз, и многолетний, часто бесплодный путь лечения, робкая вера в возможность исцеления. Верить

надо всегда! Без веры нельзя жить, а тем более — бороться за свое здоровье. Ведь половина успеха излечения заключена в нас самих. Сумеете мобилизовать свои внутренние резервы на борьбу с недугом — и лечение пойдет более успешно.

Поскольку подавляющее большинство писем касается возможности попасть ко мне на лечение, отведу сначала на этот вопрос. В настоящее время записаться на прием ко мне довольно трудно. Как я уже писала, мои возможности ограничены.

Что же касается советов по переливке, установления заочной диагноза или лечения, то я этим не занимаюсь. Я лечу не внушением, а своими руками, я должна видеть и чувствовать больного. Именно поэтому мне бы хотелось иметь хорошо оборудованный современный технический центр, где диагностика и ход лечения могли бы контролироваться специальными приборами. Я много лет посвятила научному обоснованию своего метода лечения, и поэтому мне так важно, чтобы люди воочию могли убедиться в эффективности и доступности моей методики.

Многие читатели в своих письмах предлагают учредить специальный фонд и объявить номер счета для сбора средств на создание Оздоровительного центра. Этот вопрос решать не мне. Со своей стороны, всегда готова отдать все свои знания и силы на благо людей. А пока — следите за сообщениями в прессе. Как только нам удастся получить подходящее помещение, кооператив немедленно приступит к работе.

Да, лично я, к моему большому сожалению, не могу помочь всем страдающим и больным. Это всегда угнетало и мучило меня. Одна Джуна — все-го лишь один человек. Чтобы увеличить возможности лечения, я стала заниматься с людьми, желающими освоить мою методику. Учеников становилось все больше, но я понимала, что десятки и даже сотни учеников дела не решат. И тогда появилась мысль, что через прессу могу помочь всем желающим освоить основы бесконтактного массажа, и тогда тысячи и тысячи людей смогут помочь себе и другим...

Что же касается занятий на курсах по бесконтактному массажу, то запись на них проводится регулярно, один раз в два месяца.

Особенно мне хочется ответить тем читателям — а их немало, — которые не обращаются за помощью, а высказывают желание освоить методику, научиться применять ее на практике. Мне очень приятно, что среди них много студентов-медиков, которые видят в методике эффективное средство помощи больным как дополнение к существующим способам лечения. В своей практике я никогда не противопоставляла официальную и народную медицину. Я всегда считала и считаю, что только умелое сочетание медикаментозного лечения с приемами так называемой «нетрадиционной» медицины (хотя именно она-то и основана на глубоких, древних традициях разных народов) даст наибольший эффект при лечении различных заболеваний.

Всем желающим изучить метод бесконтактного массажа могу порекомендовать, кроме занятий на курсах, ознакомиться с публикациями в журнале и с книгой «Слушаю свои руки», в которой я тоже описываю приемы бесконтактного массажа.

В заключение мне бы хотелось сказать всем людям: не жалейте своих сил и времени для помощи родным и друзьям. Обувившись бесконтактному массажу, вы сможете улучшить самочувствие своих близких, повысить их работоспособность, продлить жизнь. Я люблю повторять и повторяю еще раз: человек, который живет для себя, умирает в себе; человек, который живет для других, навсегда останется с людьми.

Каждый делает свой выбор сам. Я желаю всем читателям «Ст. М.» здоровья и счастья под мирным небом нашей прекрасной планеты.

ПИСЬМА ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛЮДЕЙ

Добровольно — принудительно?

У нас, студентов Ростовского университета, сложилась сложная ситуация с летним трудовым семестром, да и с осенними работами тоже. Помогите разобраться.

26 мая и 9 июня прошли собрания физического, химического и механико-математического факультетов по вопросу отправки студентов на Багаевский агропромышленный комбинат, или иначе БКЗ.

Первое собрание было недостаточно представительным со стороны администрации завода, и поскольку в основном претензии студентов адресовались ей, естественным было решение: добиться присутствия на следующем собрании ее представителей. 9 июня, после получасового ожидания, пришли директор БКЗ, главный экономист, а также сотрудники ректората, комитета комсомола, профкома, обкома.

До собраний в газете «Комсомолец» появилось два выступления. Суть первого: трудовой семестр — дело добровольное, но — если хочешь работать, можешь выбрать место сам, в том числе и БКЗ. Суть второго: да, трудовой семестр — дело добровольное, но — работать надо, и не где-то, а именно на БКЗ, то есть там, где нужнее (статья называлась «Работать надо там, где нужнее»).

Собрание было жарким и закончилось тем, что администрация БКЗ пообещала улучшить условия труда и быта студентов. Ректорат и общественные организации заверили, что никаких «репрессий» по отношению к не поехавшим на БКЗ не будет (не повлияет ни на оценки в сессии, ни на стипендию, ни на общежитие). И все-таки нас пытались уговорить, потом даже заставили поехать на БКЗ вместо того, чтобы разобраться, почему мы не хотим туда ехать.

А не хотели мы вот почему:

1. Студентов используют как неквалифицированных рабочих

и платят соответственно.

2. Кормят плохо.

3. Не устроен быт: в душевых и умывальниках холодная вода; в комнатах неуютно и некрасиво, да и сам лагерь представляется собой жалкое зрелище; в корпусах не предусмотрено отопление.

4. Далекие от идеала условия труда. Все время повышается концентрация укуса в маринаде, а маринад варят в том же цехе, где студенты стоят на конвейере, то есть пары укуса витают в воздухе. Думается, всем понятно, что это не безвредно. Девочки на мойке всегда с порезанными руками, по пояс мокрые, а там сквозняк. Если из 50 девочек хоть одна не сможет стать матерью, этого уже достаточно, чтобы отказаться ехать в Багаевку. Часты ожоги у работающих на разливе сока: по короткому фартуку кипяток легко стекает в сапоги. Постоянные простои по разным причинам: нет сырья, сломана линия и т. д. Но акты не составляются.

Хотя и обещали существенно улучшить условия труда и быта, но перемены оказались настолько незначительны, что можно сказать — их нет вообще.

Летом, помня прошлые годы и не забывая о добровольности трудового семестра, большинство студентов на БКЗ не поехало. Кто-то работал на факультете, а остальные — нигде. За работу на БКЗ: начисляли стипендию; не отчисляли с задолженностями; вселяли в общежитие.

За неработу в Багаевке или вообще неработу — соответственно — не давали еще: не устраивали на хозяйственную работу, если кто-то хотел подрабатывать, раз уж нет стипендии...

В сентябре началась вторичная отправка на БКЗ в соответствии с приказом 380 Минвуза. И выбор почему-то пал на 4-й курс.

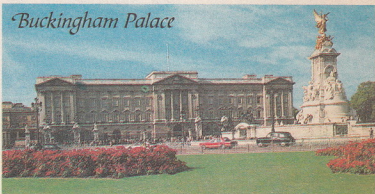
Кстати, есть такие документы: в июле у физиков 4-го курса пионерская практика (учебный план); в августе у 4-го курса отправка на БКЗ (договор с БКЗ); с 1 сентября занятия (распоряжение деканата и, очевидно, Минвуза).

Окончание на стр. 70.

БЕЗ ПЕРЕВОДЧИКА

Английский — для всех

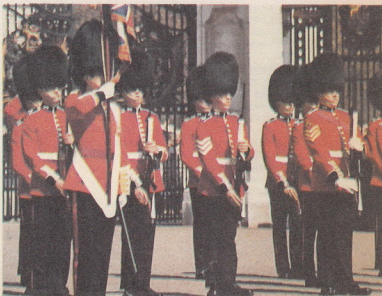
Ведущая
Наталья Алешкина

Второй день пребывания нашей делегации в Лондоне. 9 час. 30 мин. утра. Члены нашей делегации спустились на второй этаж, где находится ресторан гостиницы, в которой они остановились. Им был предложен традиционный английский завтрак.

		Ménu	
bacon and eggs	} juice	— яичница с ветчиной	
porridge		— овсяная каша	
cornflakes		— кукурузные хлопья	
toasts		— поджаренный хлеб	
pineapple		— ананасный	
orange		— апельсиновый	
tomato		— томатный	
marmalade		— варенье	
tea		— чай	
coffee		— кофе	
rolls	— булочки		

В 10 час. 45 мин. у входа в гостиницу нашу делегацию ждал автобус. Через 20 минут автобус подъехал к Букингемскому дворцу.

Buckingham Palace * is the official residence of Her Majesty the Queen and her family. It is not open to the public. The first monarch who took residence there was Queen Victoria. When Her Majesty is in residence the Royal Standard flies over the east front of Buckingham Palace.

The ceremony of the Changing of the Guard at Buckingham Palace is a great tourist attraction. It takes place daily in the forecourt at 11.30 a.m. and lasts half an hour. One group of palace guards in their traditional bearskins gives the palace keys to another group.

В 12 час. 30 мин., как было заранее запланировано, Джон подошел к Букингемскому дворцу.

- J. Hello, Serge.
 S. Hello, John.
 J. How are you today?
 S. Fine, thanks. I've just watched the Changing of the Guard.
 J. I hope you enjoyed it.
 S. Of course, I did. It's so exciting. What are we going to do next?
 J. You haven't had your lunch yet, have you?
 S. Not yet.
 J. Let's go to a Wimpy Bar.
 S. What is a Wimpy Bar?
 J. The first Wimpy Bar opened in Oxford Street in London in 1954. Wimpy Bars sell millions of hamburgers each year.
 S. Hamburgers? What's that?
 J. Hamburger is a roll stuffed with minced meat. While you are in London you'll certainly have a chance to try one.
 S. So, are we going to a Wimpy Bar?
 J. Some other time I think. Now we are both very hungry and what we really need is something more filling. There's a small cafe just round the corner where they serve excellent food at reasonable prices. Let's go there.

Через 15 минут Сергей и Джон сидели за столиком небольшого кафе. К ним подошел официант.

Waiter: Here is the menu, sir.

J. Two roast beefs, please.

Waiter: Vegetables?

J. Let me see. Fried potatoes and green salad, please.

Waiter: Anything else, sir?

J. What can you recommend?

Waiter: I recommend our chocolate ice-cream. Everybody says it's delicious.

- J. Then we'll certainly have it. What about coffee, Serge? Would you like it black or white?
- S. What do you mean by «white»?
- J. With milk.
- S. Black, please.
- J. Two ice-creams and two black coffees, please.
- S. Listen, John. You've just used «can» in your question. I remember that «can» is one of the modal verbs but I don't remember how and when we use them.
- J. I think I can help you. I'll try to use a few modal verbs in our conversation.
- S. That's a good idea.
- J. Listen, I can speak English. I can also speak French, but I can't speak Russian. What about you? Can you speak English?
- S. Yes, I can.
- J. But you couldn't speak English last year, could you?
- S. No, I couldn't. My English is still very poor.
- J. I'm sure you will be able to * speak English much better next year. What about your girlfriend? Can she speak English?
- S. No, she can't.
- J. Does she want to speak English?
- S. Of course she does. Her dream is to become a teacher of English.
- J. Then she must work very hard.
- S. Does Edna know Russian?
- J. No, but next year she is going on an exchange visit to the USSR. She wants to speak and understand Russian without an interpreter that's why I think she will have to ** study very hard this year.
- S. I'll be happy to see her in Moscow. Are you going to the USSR next year too?
- J. I don't know yet. I'm afraid I shan't be able to. I'll have a busy summer.
- S. Listen, John, if I ask for permission to do something what...
- J. Oh, I see what you are driving at. In this case you usually say: May I smoke here?, May I open the door?, May I come in?, May I take your book?
- S. Oh, yes, I remember now. Thank you very much for your help.
- J. Our waiter is coming.

После ленча Джон проводил Сергея в гостиницу. Буквально в двух шагах от гостиницы Джон обратил внимание Сергея на вывеску перед входом в небольшое кафе.

- S. I'll drop in tomorrow and try a hamburger there. Thank you very much.
- J. What are your plans for tomorrow?
- S. In the morning we have a busy programme. We are going on a tour around London. We'll be back at about 4 o'clock. I have no plans for the evening.
- J. I'm also free tomorrow evening. So we can have a walk together if you don't mind.
- S. O.K. See you tomorrow then. Good bye.
- J. Good bye.

Vocabulary

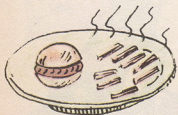
changing of the Guard	— смена караула
forecourt	— передний двор
bearskins	— меховой кивер (английских гвардейцев)
roll stuffed with minced meat	— булочка с котлетой внутри
something more filling	— что-нибудь более существенное
they serve excellent food at reasonable prices	— там можно хорошо поесть по весьма доступным ценам
Would you like?	— Ты хотел бы?

* Для образования форм будущего времени используется эквивалент глагола can — be able to.

** Модальный глагол must не имеет форм прошедшего и будущего времени. Для образования этих форм употребляется синонимичный оборот to have to.

W. WIMPY

Hamburger and chips

*Can Jack
play chess?*

busy summer
I see what you are driving at

- напряженное лето
- Я понимаю, к чему ты клонишь (что ты хочешь сказать)
- забегать (зайти)
- попробовать
- мы собираемся на экскурсию по Лондону
- если ты не возражаешь

drop in
try
We are going on a tour around
London
if you don't mind

Просим вас выполнить следующие задания:

I. Ответьте на вопросы:

1. What can you do?
2. What can your friend do?
3. What can't you do?
4. What can't your friend do?

Ответы на 3-й и 4-й вопросы рекомендуем построить по следующей модели:

I can't speak English now, but I hope that next year I'll be able to speak English. My friend can't help me now but next week I hope he'll be able to help me.

II. Задайте друг другу вопросы с глаголом can. Ответьте на эти вопросы.

Образец: Can you speak German? } Yes, I can.
Can you swim? }
Can you help me? } No, I can't.

В ваших вопросах используйте: ski, play chess, play football, sing, dance, play the guitar, cook, drive a car, speak Italian.

Обратитесь с аналогичными вопросами еще раз к своему собеседнику, но теперь спросите о его друзьях, например:

Can Serge swim? Can Andrew drive a car? Can Ann cook?

*Arthur is a little
overweight.
He must eat
more fish, more
vegetables.*

III.
Вы
хотели

{ позвонить вчера другу
пойти в библиотеку в понедельник
написать письмо другу
пойти в кино в субботу
пригласить Джона в театр
закончить курсовую работу на прошлой
неделе } не смогли

Скажите это по-английски.

Key

I couldn't ring my friend up yesterday. I couldn't go to the library on Monday. I couldn't write a letter to my friend. I couldn't go to the cinema on Saturday. I couldn't invite John to the theatre. I couldn't finish my course paper last week.

IV. Спросите Вашего собеседника: можно ли открыть окно, можно ли курить, можно ли взять эту книгу, можно ли позвонить ему завтра, можно ли взять его ручку?

Key

May I { open the window?
I smoke?
take this book?
ring you up tomorrow?
take your pen?

V. Составьте предложения с модальным глаголом must и его эквивалентом to have to в прошедшем и будущем временах.

Образец: He must work hard. He will have to study hard.
He had to study hard last week.

В ваших предложениях используйте следующие словосочетания: see a doctor, speak English, send a telegram, translate the article, meet the delegation at the railway station, make a report, lose some weight, go there, type these papers.

VI. Найдите в тексте:

1. Hello, * * *
- Hello, * * *
- How are you today?

2. I hope you enjoyed it.
Of course, I did. It's so exciting.

---

3. What are we going to do next?
You haven't had your lunch yet, have you?
Not yet.

---

4. What do you recommend?
I recommend our chocolate ice-cream. Everybody says it's delicious.

---

5. What about your girlfriend?
Can she speak English?

---

6. Are you going to ... next year?
I'm afraid I shan't be able. I'll have a busy summer.

---

7. I'm also free tomorrow evening. So we can have a walk together if you don't mind.
O. K. See you tomorrow then. Good bye.

Дополнив каждый мини-диалог репликами, которые вам кажутся наиболее подходящими, поговорите друг с другом.

Образец:

In the street

- A: Hello, Pete.
P. Hello, Andrew.
A. How are you today?
P. Fine. Thank you. Where are you going now?
A. I'm going to the University.
P. I'm going there too. Let's go together.

VII. Какие вопросы вы задали бы Джону, если бы гуляла с ним по Лондону в тот день?

VIII. 1. Вместе с вашим другом прочитайте весь диалог между Сергеем и Джоном.

2. Передайте журнал вашему другу. Он будет читать по журналу реплики от имени Джона, а вы, не заглядывая в журнал, выступите в роли Сергея. Естественно, вы что-то измените, что-то добавите. Если ошибетесь — не беда. Повторяем: лучше говорить с ошибками, чем не говорить совсем.

3. Поменяйтесь ролями.

4. Закройте журнал и воспроизведите диалог.

IX. Прежде чем попрощаться с вами в этом номере, нам бы хотелось вместе с вами пролистать страницы журналов, где мы встречались. Изучая иностранный язык, всегда любопытно как бы оглянуться назад и посмотреть: чему удалось научиться, с чем легко справляешься, что остается неувоенным, какие трудности и т. д.

Чтобы вы могли проверить себя, пожалуйста, ответьте на следующие вопросы. Ответы должны быть полные, в некоторых случаях это будут даже небольшие рассказы.

Работаем, как всегда, вслух.

CAN YOU?

give personal information (name, address, etc.)

say where you live

say what you do

say what you like and dislike

talk about yourself

talk about your family, friends, famous singers, actors, actresses

talk about your past life

talk about your future plans

ask for permission to do smth

ask your friend about his Institute, his studies, his plans.

WHAT ELSE?

Простите, а где же у физиков каникулы?

Часть физиков 4-го курса на БКЗ не поехала. Начались отчисления, отчисления без задолженностей. Спаслись можно было, только отправившись в Багаевку.

БКЗ не выполняет план. Почему? Мало студентов. Ректора вызывают в горком партии. Ректор вызывает деканов факультетов и т. д. Результат: все едут, и едут студенты, снятые с занятий, на БКЗ. А там все меньше сырья, а значит, и работы, но все больше простывших, потому что уже сентябрь, холодно. Наверное, это естественно — болеть?.. А студенты все едут и едут в переполненные корпуса.

Возникает вопрос: нужны ли мы действительно на БКЗ? И еще: не расплачиваемся ли мы за чужую бесхозяйственность? Не логичнее ли среди местных искать рабочую силу?.. Но багаевцы не хотят работать на заводе.

С другой стороны: почему не использовать труд студентов-физиков по специальности и не наладить, например, импортное оборудование, которое стоит уже восемь лет? Кстати, такое предложение выдвигалось на собраниях. Может, тогда и местное население пойдет на завод: ставки-то вырастут, да и не так много, как сейчас, понадобится квалифицированных рабочих.

Физический факультет Ростовского университета — 196 подписей.

Слово юристу. Согласно постановлению партии и правительства 1976 года студенческие отряды формируются по принципу добровольности из числа успевающих студентов, не имеющих медицинских противопоказаний для данного вида работ. Студентов, отказавшихся без уважительных причин от участия в летних работах, нельзя отчислить из вуза, лишить стипендии, места в общежитии или вынести им дисциплинарное взыскание. К ним могут быть применены только меры общественного воздействия (по линии комсомольской, профсоюзной организаций), так как выполнение этой работы моральный долг.

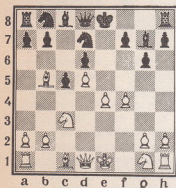
Не расставляя фигур

Под редакцией
Анатолия Карпова

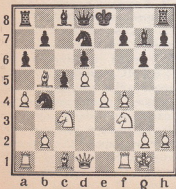
Г. КАСПАРОВ —
Д. НАНН

(Люцерн, 1982 г.)
Защита Бенони

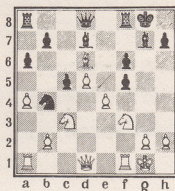
1. d4 Kf6 2. e4 e6 3. Kc3. Нанн известен приверженностью к модерн-Бенони, дебюту, о котором он даже написал обширную монографию. Поэтому, считая, что Нанн на следующем ходу сыграет c7 — c5, я сделал ход, остающийся за белыми в этом случае более широкий выбор продолжений. (Здесь и далее примечания Г. Каспарова.) 3... c5 4. d5 ed 5. cd d6 6. e4 g6 7. f4 Cg7 8. Cb5 + Kfd7.

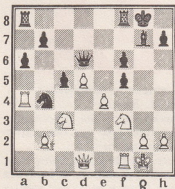
9. a4! На мой взгляд, сильнее, чем распространенное 9. Cd3. 9... Каб6. Естественнее 9... 0—0, но соперник решил сэкономить темп на рокировке. 10. Kf3 Kb4 11. 0—0 a6? Еще не поздно было рокировать, но тогда после 12. Le1! a6 13. Cf1 черным нелегко создать контригру.

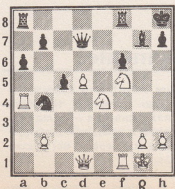
12. C:d7+ C:d7 13. f5! 0—0
14. Cg5 f6 15. Cf4 gf? 16. C:d6.

16... C:a4. На этот контрудар черные возлагали надежды, однако исправить позиционные дефекты в их расположении не смогут уже никакие ухищрения. 17. A:a4 Ф:d6.

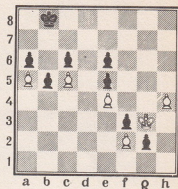

18. Kh4! fe 19. Kf5 Фd7 20.
K:e4 Kрh8. Защищаясь от угрозы Фg4.

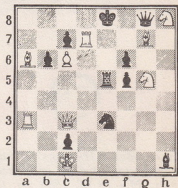

21. K:c5. Черные сдались.

Приводим задания седьмого тура.

№ 18. Белые начинают и делают ничью.

№ 19. Мат в 3 хода.

Ответы (на открытках) отправить не позднее 15 апреля.

На этом мы завершаем публикацию конкурсных заданий.

Решения второго тура:

№ 4. (Подушкин) 1. Cf7.

№ 5. (Хунт) 1. Ae8 + Ae8
2. Ф:a7 + Kр:a7 3. вcK+ и
4. K:d6.

№ 6. (Олланд — Рюстер)
1. Kf8!!, и черные сдались.

KOREA

Кто поедет в Пхеньян? С таким вопросом обратился в редакцию студент из Новгорода И. Власов («Ст. М.» № 12, 1988 г.). Он также высказал пожелание, чтобы отбор на фестиваль был конкурсный, а в делегацию вошли самые умные, толковые, политически и культурно грамотные представители советской молодежи.

Со своей стороны, редакция также решила не оставаться в стороне от этого важного дела и с учетом многочисленных пожеланий читателей предлагает всем желающим принять участие в новом международном конкурсе-викторине.

КОНКУРС ПО ПОДСКАЗКЕ ЧИТАТЕЛЯ

До встречи в Пхеньяне!

5 победителей конкурса получат возможность принять участие в XIII Всемирном фестивале молодежи и студентов. Хозяйкой его впервые станет КНДР, которую нередко еще называют «Страной утренней свежести». Вы хотите убедиться в

этом сами? Это совсем трудно. Немного терпения и находчивости — и вы станете реальным кандидатом для поездки на фестиваль.

А теперь — вопросы конкурса-викторины.

1. Что вам известно о традициях международного фестивального движения? Где и когда оно зародилось?

2. 25 июля 1947 года в 8 часов 30 минут вечера над пражским стадионом «Страгов» прозвучала песня, ставшая затем популярной у молодежи мира. Знаете ли вы, о какой песне идет речь?

3. Для многих участников форума юности в Будапеште дорога на фестиваль была нелегкой. Один из его участников добирался до столицы Венгрии почти полгода... Что вы можете рассказать об этом?

4. Какое обращение было принято на IV ВФМС?

5. Какому известному писателю, побывавшему в 1957 году в Москве на VI ВФМС, принадлежат эти слова: «Мы увидели тогда главное — реальную жизнь Советского Союза, проблемы, которые с успехом решает его народ. Впервые мы увидели, сколько лжи обрушивает на социализм буржуазия. Московский фести-

Осенью — в Альпы

Внимание, ДОПЫ! Тем студенческим дружинам охраны природы, кого заинтересуют перспективы установить контакты с коллегами из ФРГ и совершить осенью этого года совместную экологическую экспедицию по Альпам, мы предлагаем принять участие в настоящем конкурсе.

«Ст. М.» регулярно публикует материалы на природоохранную тематику. Нам было приятно узнать, что их читают не только у нас, но и за рубежом. В этом мы убедились на очередной встрече с экологами из ФРГ. «Молодые друзья природы ФРГ» — называется наша партнерская организация — предложила активизировать совместные усилия. Достигнута договоренность о проведении в 1989 году совместных экологических экспедиций: одной — по территории нашей страны, другой — осенью с. г. по Альпам ФРГ. Наша сторона может направить туда группу до 30 человек.

При чем здесь конкурс? — спросите вы. Во-первых, мы хотим, чтобы эта акция носила открытый характер, а не превратилась в «сепаративные» переговоры только с избранными. Во-вторых, приняв предложения «Молодых друзей природы ФРГ», мы должны будем взять на себя (вместе с дружинами, которые станут базой для нашей экспедиции) все расходы по пребыванию немецких экологов в СССР, а те, в свою очередь, полностью оплачивают экспедицию в ФРГ. И третий, главный довод. Обе экспедиции представляются и нам, и экологам из ФРГ важными природоохранными акциями. Поэтому хотелось бы заранее знать ваши предложения о маршруте и задачах предстоящей экспедиции по СССР.

Итак, те, кого заинтересовало предложение коллег из ФРГ, должны до 20 апреля с. г. прислать в редакцию «Ст. М.» свои заявки с разработкой проекта экспедиции по СССР и подтверждением о возможности ее финансировать.

валь для многих стал подлинным открытием социализма».

6. Сколько молодежных организаций различных политических и идеологических направлений приняло участие в подготовке VII ВФМС?

7. Каждый фестиваль — это демонстрация творческих сил молодежи. Кого из видных деятелей советской культуры и искусства, получивших свое первое международное признание на Всемирных фестивалях молодежи и студентов, вы можете назвать?

8. На каком из фестива-

лей впервые была организована Детская программа?

9. Под каким лозунгом проходил XII ВФМС в Москве?

10. Что вы знаете о подготовке к XIII ВФМС? Принимаете ли вы в ней личное участие? Расскажите об этом.

Ждем ваших писем с ответом до 15 апреля с. г.

Все победители конкурса будут информированы об этом дополнительно, а их впечатления о фестивале появятся затем на страницах журнала.

Дейл Карнеги

Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей

Глава 2. Величайший секрет обращения с людьми

Существует только один путь под небом убедить кого-либо что-либо сделать. Приходилось ли вам задумываться над этим? Да, один-единственный путь — это заставить другого захотеть сделать это.

Запомните, другого пути нет.

Конечно, вы можете заставить человека «захотеть» отдать вам часы, ткнув ему под ребра револьвер. Вы можете принудить служащего к разовому акту повиновения — пока вы не отвернулись от него, — пригрозив ему увольнением. Вы можете ремнем или угрозой заставить ребенка сделать то, чего вы хотите. Но эти грубые методы имеют крайне нежелательные последствия.

Единственный способ, которым могу убедить вас что-либо сделать, — это предложить вам то, чего вы хотите.

А что вы хотите?

Знаменитый доктор Зигмунд Фрейд из Вены, один из наиболее выдающихся психологов двадцатого столетия, говорит, что все наши поступки берут начало в двух мотивах: в сексуальном влечении и в желании быть великим.

Профессор Джон Дьюи, наиболее глубокий американский философ, формулирует это несколько иначе. Доктор Дьюи говорит, что глубочайшим стремлением человеческой природы является «желание быть значительным». Запомним это выражение: «желание быть значительным». Это очень важно. В этой книге вы очень много услышите об этом.

Чего же вы хотите? Не столько многого. Но того немногого, что стало для вас желанным, вы желаете страстно, с настойчивостью, не допускающей мысли об отказе.

Продолжение. Начало в № 2.

Почти все нормальные взрослые хотят:

1. Здоровья и безопасности.
2. Пищи.
3. Сна.
4. Денег и того, что на них приобретается.
5. Уверенности в своем будущем.
6. Сексуального удовлетворения.
7. Благополучия своих детей.
8. Чувства своей значительности.

Почти все эти желания удовлетворимы, все, за исключением одного, столь же глубокого и властного, как потребность в пище и сне, но оно редко бывает удовлетворенным. Фрейд называл его «желанием быть великим», а Дьюи — «желанием быть значительным».

Линкольн однажды начал письмо словами: «Каждому нравится, когда его хвалят». Уильям Джеймс сказал: «Глубочайшим принципом человеческой природы является страстное желание получить признание своей ценности». Заметьте, он не сказал «желание» или «сильное желание». Он сказал «страстное желание».

Это мучительный, неутолимый голод человеческого сердца, и тот редкий человек, который утраит его, будет владеть душами, и «даже могильщик пожалеет о дне его смерти».

Если бы наши предки не обладали этим пламенным стремлением почувствовать свою значительность, цивилизация была бы невозможна. Без него мы были бы подобны животным.

Именно желание ощутить свою значительность толкнула необразованного и забитого нуждой приказчика из бакалейной лавки к изучению книг по вопросам права, найденных на дне бочонка с домашним скarbом, купленным им за пятьдесят центов. Вы, вероятно, слышали об этом приказчике бакалейщика. Его звали Линкольн.

Именно желание почувствовать свою значительность вдохновило Диккенса на создание бессмертных романов.

Это желание заставляет вас одеваться по последней моде, водить машину самой последней марки и распространяться о

том, какие изумительные у вас дети.

Если вы скажете мне, благодаря чему вы обрели чувство своей значительности, я скажу вам, кто вы. Это определяет ваш характер. Это — наиболее существенный ваш признак.

История пестрит любопытнейшими примерами того, как известные люди старались приобрести чувство своей значительности. Даже Джордж Вашингтон хотел, чтобы его титуловали «Его Величество Президент Соединенных Штатов». Колумб домогался титула «Адмирала Океана и вице-президента Индии». Екатерина Великая отказывалась вскрывать письма, на которых не значилось: «Ее Императорскому Величеству»; миссис Линкольн, будучи хозяйкой Белого дома, подобно тигрице, набросилась на миссис Грант, вскричав: «Как вы смеете садиться в моем присутствии раньше, чем я вам предложу это!» Виктор Гюго питал надежду на то, что Париж будет переименован в его честь. Даже Шекспир, величайший из великих, пытался добиться блеска своему имени приобретением гербового щита для своего рода.

Иногда люди изображают из себя беспомощных больных, чтобы привлечь к себе повышенное внимание и сочувствие и обрести тем самым чувство своей значительности. Взять, к примеру, миссис Мак-Клини. Она наслаждалась чувством своей значительности, заставляя своего мужа, президента Соединенных Штатов, пренебрегать важными государственными делами и сидеть неподвижно в течение четырех часов, облокотившись о ее постель и лелея ее сон...

«Считаю наиболее ценным качеством, которым я обладаю, мои способности возбуждать энтузиазм в людях, — сказал бизнесмен Чарльз Швэб, — и полагаю, что способ, с помощью которого можно развить лучшее, что заложено в человеке, — это признание его ценности и поощрение».

Ничто так легко не убивает человеческое честолюбие, как критика со стороны вышестоящих. Я никогда никого не критикую. Придаю большое значение тому, чтобы дать человеку побудительный момент к труду. Поэтому забочусь о том, чтобы найти то, что достойно похвалы, и питаю отвращение к выскыванию ошибок. Когда мне нравится что-нибудь, я искренен в своем одобрении и щедер на похвалу».

Именно так Швэб и поступал. А как поступает средний человек? Как раз наоборот. Когда ему что-нибудь не нравится, он поминает всех чертей; когда нравится — молчит.

Умение искренне и высоко ценить людей было одним из секретов успеха Рокфеллера как руководителя...

Однажды, попав под влияние модной теории о пользе поста, я в течение шести суток воздерживался от приема пищи. Это было нетрудно. К концу шестого дня я меньше ощущал голод, чем в конце второго. Однако и мне и вам известные люди, которые сочили бы себя преступниками, если бы оставили своих домочадцев или служащих без пищи в течение шести дней. В то же время они легко лишают их в течение шести дней, недель или даже лет душевного внимания и признания, в котором последние нуждаются почти столь же сильно, как и в пище.

Альфред Лант в ту пору, когда он играл первую роль в «Рюиньон ин Виенэ», сказал однажды: «Нет ничего, в чем бы я так сильно нуждался, как в пище для самоуважения».

Мы даем еду нашим детям, друзьям, но как редко даем мы пищу их самоуважению. Мы обеспечиваем их ростбифами и картофелем для производства энергии, но мы из-за своей небрежности забываем дать им доброе слово признания их высокой человеческой ценности, которое звучало бы в их памяти долгие годы, подобно музыке утренних звезд.

Некоторые читатели, возможно, справедливо заметят по прочтении этих строк: «Старая песня! Угодничать! Подмазывать! Лыстять! Эти трюки нам давно известны. Они не срабатывают, когда имеешь дело с умными людьми».

Конечно, лести редко оказывают воздействие на проницательных людей. Это мелко, фальшиво и неискренне... В чем же различие между высокой оценкой и лестью? Она не сложна. Первая — искренняя, вторая — нет. Первая идет от сердца, вторая — сквозь зубы. Первая правдива, вторая фальшива. Первая вызывает всеобщее восхищение, вторая — всеобщее презрение.

За исключением мыслей, связанных с какими-нибудь конкретными проблемами, 95 процентов времени, занятого размышлениями, мы посвящаем обычно самим себе. Итак, если мы прекратим на некоторое время думать о самих себе и начнем думать о достоинствах других людей, нам не понадобится прибегать к лести, столь дешевой и живой, что ее можно уличить раньше, чем она сойдет с языка.

Эмерсон сказал: «Каждый человек, которого я встречаю, в какой-нибудь области превосходит меня. И в ней я готов у него учиться».

Если это было справедливо для Эмерсона, во в тысячу ли раз более это справедливо для нас с вами? Перестанем же думать только о своих совершенствах и желаниях. Попытаемся уяснить достоинства другого человека. Тогда не будет нужды в лести. Давайте честно, искренне признавать хорошее в других. Будьте сердечны в своем одобрении и щедры на похвалы, и люди будут дорожить вашими словами, помнить их и повторять в течение всей своей жизни — повторять спустя годы и после того, как вы забудете их.

Продолжение следует

РЕПЛИКА В НОМЕР

на публикацию: «Владимир Высокций: эпизоды творческой судьбы»

Нет, ребята, как хотите, но я против. Против продолжения публикаций в «Ст. М.» серия о В. Высоцком.

Это тема для отдельного разговора, отдельной книги. Давайте остановимся!.. Кто разделяет мое мнение, прошу поддержать.

К. Лапочкин

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ

Внимание медиков-профессионалов, приславших в редакцию заявки на методику лечения и прописи сочетаний точек профессора Мак-Иова Риго

Откровенно говоря, мы удивлены. Любое медицинское учреждение страны имеет свободный доступ к специальной литературе по рефлексотерапии и практически неограниченные возможности в квалифицированной консультации. И напротив — у читателей практически нет возможности ни добыть толковое руководство, ни получить консультацию по проблемам рефлексотерапии.

Вот почему, когда нам представлялась возможность связаться с профессором Риго, мы имели в виду только своего читателя, но никак не профессиональных медиков и тем более — не специалистов.

Подчеркиваем: с самого начала речь шла исключительно о демократическом подходе к проблеме, об адаптированном изложении и принципов, и прописей. С самого начала имелась в виду индивидуальная работа, когда исполнитель не ограничен временем.

Следовательно, нас прежде всего интересовала оригинальная методика профессора Риго, которая по техническим причинам (критерий работы наших врачей — статистика, число «принятых» больных, а не число тех, кому оказана реальная помощь и уж тем более — не число излеченных) не может быть использована в наших медицинских учреждениях.

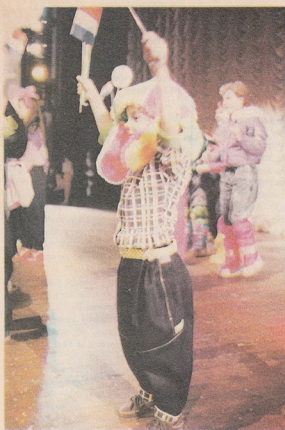
Сейчас редакция располагает:

1) магнитофонной записью беседы, в которой профессор Риго излагает свою методику и дает первый урок — как избавиться от зубной боли;

2) письмо с рекомендациями, как лечить горло.

Через секретаря профессора мы поддерживаем с ним связь и надеемся вскоре получить третий урок (учитывая, что это будет пора экзаменов) — как снимать головные боли всех типов.

Итак, в следующем номере журнала — первый урок.

ФОТОРЕПОРТАЖ

Фейерверк ИЗЫСКАНОСТИ

В октябре прошлого года под эгидой АПН состоялся совместный показ коллекций модной одежды студентов Голландской академии моды и Московского текстильного института.

Диапазон стилей, продемонстрированный будущими модельерами, простирался от чопорного классического до ироничного, а порой даже смешного.

Начало. Звучит национальная музыка, погружая зрителей в эпоху «Малых голландцев». Своеобразное введение в свой мир, завораживающие звуки хора и костюмы по мотивам монашеской одежды.

Напряженная одухотворенность сменяется раскованнос-

тью. Улица современного города с ее ритмами и темпом. Пальто, плащи, костюмы. Красота линий, в которых узнается Сен Лоран и Диор, Шанель и Карден — голландская коллекция в лучших традициях высокой европейской моды.

Маленькие черные платья — лишь нейтральные дополнения к шляпам, если можно их так назвать. Скорее это сложные дизайнерские конструкции, в которых использованы всевозможные бутафорские приемы. Шляпа-виноград, шляпа-спираль, шляпа-труба. Фантазии модельеров нет предела.

Завершалась коллекция вечерними туалетами. И опять — фейерверк изысканности, раз-

нообразии отделки и фактур.

Да, голландские модельеры могут все: даже заключить контракты и вести бухгалтерию, открыть свою фирму или сотрудничать с Домами моды.

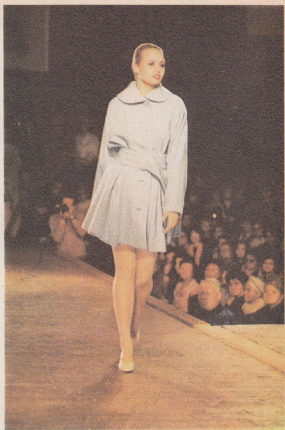
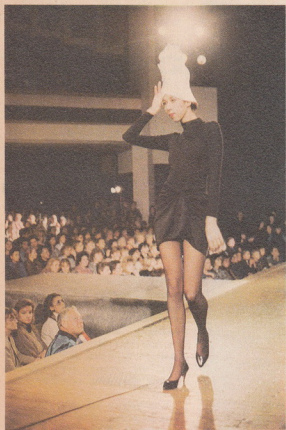
Ну а что касается коллекции советских студентов, мне кажется, она была более самобытна и неожиданна. Наша коллекция — это своеобразное приветствие коллегам, это праздник и игра. Но за этой легкостью — большой труд в воплощении идеи.

Эlegantные платья и жакеты Юры Мингалева, дизайн-ансамбли из трикотажа Олега Овсеева, костюмы с использованием русских кружев из льна Луды Таракановой — целый букет собственных почерков и стилей.

Праздник получился. Теперь — работать! Обмен идеями вот так, живьем, думаю, необходим.

Виктория Андреевна

САМАЯ, САМАЯ
ОБЯТЕЛЬНАЯ

Катя Гордеева: мечтаю стать лесничим...

От станции метро «Речной вокзал» до Новогорска езды не более получаса. Здесь обычно накануне крупных соревнований собираются члены различных сборных страны. В один из осенних дней мы поехали на спортбазу. Цель у нас была одна — встретиться с Катей Гордеевой и ее партнером Сергеем Гриньковым, которые подавляющим большинством голосов были названы абсолютными победителями читательского конкурса «Ст. М.» на «Самого обаятельного спортсмена зимней Олимпиады в Калгари».

Катя стояла перед входом на каток. Этаким маленький предбанничек:

- Ты Катя Гордеева?
- Да, — удивленный взгляд.
- Я из «Студенческого ме-

ридиана». Хочу тебя поздравить: ты самая, самая обаятельная.

— Вы это серьезно? — Сильные лезинки глаз вспыхнули мгновенно.

— Да, могу даже показать письма от поклонников твоего таланта.

— Только не сейчас — времени маловато. Давайте лучше встретимся после тренировки. Можете подождать часок?..

Живая Катя Гордеева была мало похожа на ту Катю, которую мы привыкли видеть на экранах телевизоров. Вблизи она маленькая и худенькая, совсем как подросток. Какое-то время никак не мог понять, чего ей не хватает. Потом вдруг вспомнил — улыбки, той самой, которую многие сравнивали с гагаринской.

...Ровно через час встретились в холле. Тренер олимпийских чемпионов коротко сказал: «Будут вопросы — обращайтесь», и ушел по срочным делам.

Мы остались втроем. Катя сидела в кресле, а Сергей стоял рядом и сверху наблюдал за нами. То и дело он подпускал шпильки: «Собственно, я тут ни при чем. Ведь самой-самой назвали не меня, а Катю. Может, мне уйти?» Катя исподтишка показала маленький кулачок.

Сначала я заинтересовался, есть ли у нее настоящие друзья, подружки. Какое-то время очень сосредоточенно раздумывала, потом искренне и взрослому тяжело вздохнула:

— Нет, к сожалению, у меня нет настоящих подружек, с кем можно было поговорить, поделиться радостями и горестями. Это не из-за того, что я какая-нибудь гордая или замкнутая. Просто у меня не хватает времени для общения с друзьями.

— Когда же ты начала заниматься фигурным катанием?

— Впервые меня мама привела на каток в четыре года. Но то время плохо помню. А вот с шести-семи лет я уже действительно стала получать удовольствие от катания.

— И до сих пор не устала? — Сезонно, после напряженного сезона, каким был прошлый год, усталость сказывается. Но потом отдохнешь немного, и снова хочется на лед.

— А какие тебе нравятся люди больше всего?

— Толстые или худые? — переспрашивает Катя, и в ее глазах вспыхивают веселые искорки.

— Нет, я имею в виду чисто человеческие качества.

— Честные, — чуть-чуть морщит лоб Катя. — Веселые, интересные.

— А тебя ты считаешь интересной?

— Нет, не считаю...

Сереза Гриньков, который все так же стоит рядом, подает реплику:

— Она сегодня очень самокритичная.

— Ладно, тебя не спрашивают, — заводится с пол-оборота Катя.

— У тебя бывают проблемы?

— А у кого их не бывает?..

— Как выходишь из сложной ситуации?

— По-разному...

— Кто из родителей тебя лучше понимает?

— У меня одинаково хорошие взаимоотношения и с папой, и с мамой.

— А есть у тебя брат или сестра?

— Сестренка. Она учится в седьмом классе.

Во время разговора к нам подошла высокий представительный мужчина.

— Надо еще раз посмотреть программу, — говорит он. — Нужен более творческий подход. Каждый день, который проходит без вдохновения, можно считать — прожит впустую. — На лице Кати — никакая реакции. Представительный мужчина уходит. Беседа продолжается.

— Катя, а ты любишь танцевать?

— Иногда, под настроение.

— А где у вас проходят дискотеки?

— Да вот здесь. — Катя окидывает взглядом холл, где мы сидим.

— Часто пользуешься косметикой?

— Только когда выхожу на лед.

— Ты в прошлом году закончила школу, поступала в институт. Все нормально?

— В общем-то да. На приемных экзаменах сдавала биологию, сочинение и плавание. Если все будет хорошо, то со временем стану преподавателем физкультуры.

— А кем ты мечтала быть в детстве?

— Я хотела стать лесничим. Очень люблю лес. Его тишину и покой.

— Почему тогда не пошла в сельскохозяйственный вуз?

— Там, наверное, сложнее учиться. Может быть, лет в скоря я и поменяю профессию.

— Как ты это себе представляешь?

— Пока не знаю...

Впервые Катя и Сергей стали кататься вместе лет шесть назад. А через два года они поехали на мировой чемпионат юниоров, который им удалось выиграть. Когда партнерше было тринадцать лет, а партнеру семнадцать, они приняли участие во взрослых соревнованиях — чемпионате страны. Первый блин не оказался комом — юные дебютанты заняли почетное шестое место. Специалисты и зрители подкупала их дерзость и отчаянность. Сложнейшие элементы исполнялись легко, свободно...

С 1985 года талантливые спортсмены тренируются под руководством Станислава Жука, Станислава Леоновича и хореографа Марины Зуевой.

И вот они бросают вызов олимпийским чемпионкам Елене Валаовой и Олегу Васильеву. Только досадные падения Кати отнесли их со второго места на четвертое во время соревнований на приз газеты «Московские новости». Зато на чемпионате страны 1986 года они уже по праву завоевали серебряные медали.

Еще через месяц — триумф. Судьи объявляют их победителями чемпионата мира. Через год опять подобный же успех. И наконец, блестящая победа на Олимпийских играх в Канаде, где Катя Гордеева была единодушно признана мисс Калгари-88.

— Катя, ты довольно-таки часто едешь за границу. В каких странах удалось побывать?

— Честно говоря, все и не запомнила.

— В психологическом плане действуют на тебя поездки?

— Пожалуй, да. Зачастую чувствуешь себя не в своей тарелке. Сереза, мне кажется, совсем не обращает на это внимания.

— А чувствуешь разницу с Сергеем в возрасте?

— Когда как.

— Катя, трудно быть известной спортсменкой?

— Иногда надоедает. Но вообще-то приятно.

— Как ты считаешь, у тебя все в порядке с юмором?

— Я могу посмеяться над веселой шуткой, но сама не являюсь завзятым рассказчиком анекдотов и душой общества.

— Характер у тебя замкнутый или общительный?

— Все зависит от настроения...

В то время, когда мы снимали Катю, один из нас попросил ее выйти на газон в коньках.

— Глупости какие. Зачем в коньках ходить по траве? — возразила Катя.

Леонович, узнав, в чем дело, положил руку на плечо фигуристки:

— Ну будь добра, сходи, не упряйся. Может, действительно получится, отличный снимок.

— Ладно, — немного подумав, решилась она.

Пошли. Уже когда Катя заканчивала шнуровать ботинки, хлынул сильный дождь.

— Побежали под навес, — крикнул фотокорреспондент и начал быстро складывать аппаратуру в кофр.

— Ну уж нет. Раз начал снимать, так снимай до конца, — сказала как отрезала. Девушка с характером, надо понимать!

Время, отведенное на интервью, заканчивалось. Подошел Леонович.

— Ребята, вам еще бежать кросс.

— Как — уже? — удивилась Катя. — А я так хочу есть.

— Я тебя подожду внизу, — сказал Сереза и пошел к выходу.

На прощание Катя помахала рукой и быстро побежала в столовую. На следующий день они с Серезей улетели в Париж.

...А я шел по изумительно красивому подмосковному лесу, одетому в багрянец и золото, и думал о маленькой девушке с серьезными голубыми глазами, которая когда-то мечтала стать лесничим.

Другая жизнь

«Когда мне плохо и кажется, что в этом мире никто меня не может понять, я обращаюсь к милому образу Кати. И пусть нас не связывают узы дружбы, тем не менее я нахожу в ней поддержку и опору...» — это отрывок из Альбинного письма, с которым мы поехали в ЦИТО.

А вот и 319-я палата. Дверь изполовину приоткрыта. Не входя, спрашивают:

— Катя Гордеева здесь?

— Да...

— Можно ее на минутку?

Заглядываю в комнату. Прямо напротив, под окном, вполоборота к нам лежит Катя. Она под капельницей.

— Еще не скоро, — показывая ее глазами на наполовину заголенную руку.

— Что-нибудь серьезное? — Не знаю, пока на обследовании. Колено немного побаливает...

Мы в ЦИТО — так называется сокращенно Центральный институт травматологии и ортопедии. Здесь в основном находятся травмированные спортсмены. Вот везут кого-то с операции. Дверь раскрывается, и каталку втискивают в палату.

Наконец входит медсестра и осторожно вынимает из вены толстенную иглу. После этого Катя лежит, согнув руку в локте.

Мы рассказываем ей о письме Альбины Кошелевой. Она — победительница нашего конкурса. Увлекается фотографией. С Катей они однокласски. Только вот Альбина считает, что ее жизнь не удалась. Гордеева уже в шестнадцать лет достигла всех мыслимых и немыслимых спортивных высот, а Альбина Кошелева живет на самом краю земли, в Южно-Сахалинске, и настоящая жизнь, как ей кажется, проходит мимо нее...

«Сидя у экрана телевизора, я забываю о повседневных жизненных проблемах, о всех невзгодах. Я целиком поглощена выступлением Катюши. Она несет нам с экрана все то прекрасное и светлое, чего нам так не хватает в жизни» — это из письма Альбины Кошелевой.

Катя слушает, не проронив ни слова. Она молчит и думает, думает. Лицо у нее серьезное. Она хочет что-то написать, поэтому разгибает руку.

— А что, это так и должно? — В ее голосе обыкновенный испуг. На сгибе локтя, там, куда была воткнута игла, появилась синяк. Медсестра успокаивает: все в порядке, так и должно быть. Точнее, Катя немного раньше времени распрямила руку. Наконец она устраивается поудобнее на кровати, подкладывает под локоть бумагу «Американскую трагедию» Драйзера, которую читала до нашего прихода, и пишет.

— Кажется, так? — смотрит на нас вопросительно.

«Интересно... — думаю про себя, — а Катя когда-нибудь хмычет...» Мы попрощались с ней. Уже выйдя на улицу, приходим к единодушному мнению, что она классная девочка! Безотносительно к чемпионским званиям и регалиям. Та, другая жизнь, показалась нам, ничуть не изменила ее. И это здорово, что она такая обыкновенная. Не похожая ни на кого Катя Гордеева.

Петр Плиев

Продолжение. Начало на стр. 57
70-х годов Бобом Марли, она трансформировала ритмические понятия и практику производства в рок.

Возрожденчество (ревивализм). Это более чем стиль, поведение. Рок смотрится в зеркало своей истории, выявляет, что какое-то время было прекрасно, и посвящает себя его восстановлению. В такие моменты практически все формулы прошедших десятилетий следуют в танце за произведениями законченных ветеранов.

Рок энд ролл. Для североамериканцев все является рок-н-ролом. Здесь мы его ограничим музыкой 50-х годов и более поздними звуками, которые тщательно оберегают его яростные ритмы и жизненное изобилие.

Рок с корнями. Чтобы смыть первородный грех кока-колонизации, многие европейские исполнители 70-х пытаются приспособить инструменты, технику и чувственность рока к народным формам своей земли. В Испании, например, он укоренился в Андалусии с такими группами, как «Триана».

Ритм энд блюз. Коммерческий термин, которым обозначаются в 50-е годы все возможные виды народной негритянской музыки. С рок-н-ролом ругаются все расовые барьеры, и многие звезды гетто имеют триумф у белой публики. В 60-е годы превращается в соул и распространяется в международных масштабах.

Английский Ритм энд блюз. Варвары типа «Роллинг Стоунз» начинают свою карьеру, завладев негритянской музыкой — прежде всего городскими блюзами — и исполняя ее со свирепостью, пренебрегая нежностью, свойственной оригиналу. Наиболее пуристка ветвь вытекает в блюз-рок, пункт отравления для многих кентавров жесткого рока.

Авангардный рок. Интеллектуальные приближения к року, с желанием взорвать его или придать новый смысл содержанию.

Продолжение следует

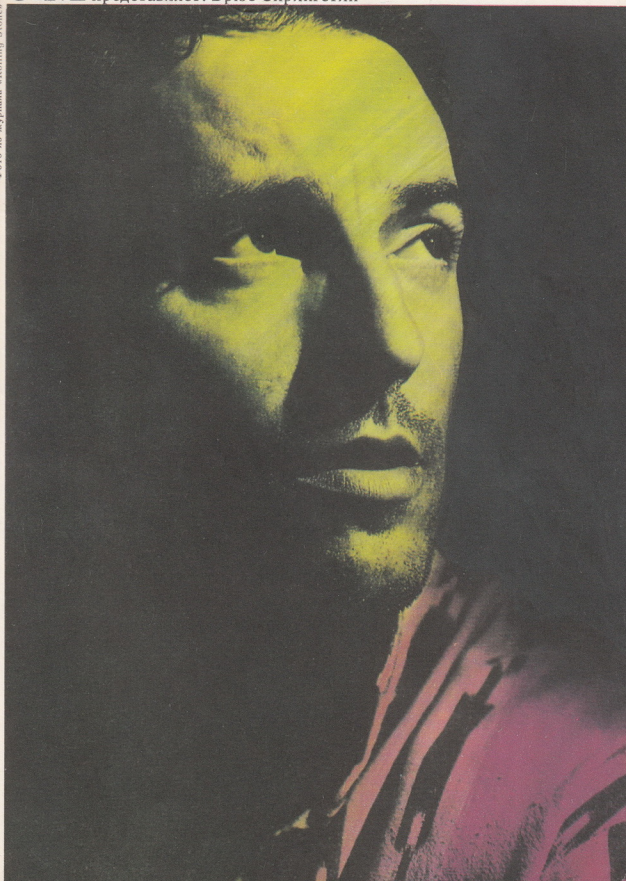

Милая
Альбина!
Не грусти, у тебя
все еще впереди.
Милая удача.

Катя Гордеева
Е. Гордеева

СМ представляет: Брюс Спрингстин

Фото из журнала «Rolling Stone»

Воронежский
государственный
институт
искусств

Воронежский государственный институт искусств не зря назван так торжественно и гордо. Он готовит актеров театра и кино, дирижеров хоров и оркестров, музыкантов-исполнителей, педагогов музыкальных училищ, вокалистов, режиссеров... Будущие «служители муз» могут проявить свои таланты в студенческой филармонии, вот уже около двух лет существующей в вузе, в молодежном театре, также созданном на базе ВГИИ. А недавно в институте появился и совсем новый, четвертый факультет — культпросветработников и организаторов досуга.

Фото В. Лушанина

